

ISSN 1993-9477

XXI ВЕК

ВОЛГА

№3 2021

Литературно-художественный журнал

16+

РАБОТЫ ХУДОЖНИКА ЮРИЯ НАМЕСТНИКОВА

Варианты
истории

Рамки

XXI ВЕК

ВОЛГА

№ 3 2021

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России (Саратов)
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России (Саратов)
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Оренбург)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы (Саратов)
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
Е.Н. Манова – директор музея Н.Г. Чернышевского (Саратов)
А.Н. Тимофеев – член правления Союза писателей России,
председатель Совета молодых литераторов Союза
писателей России (Москва)

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД	
Валентин СОРОКИН. Белый храм	3
СТАТЬИ	
Лидия СЫЧЁВА. Дар судьбы	10
НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ	
Виктор ЛИХОНОСОВ. Ветхая тишина у гирла	14
ОСТАНЕТСЯ МОЙ ГОЛОС	
Валерий КРЕМЕР. Пока ещё вселенная жива...	21
К 80-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	
Алексей МАНАЕВ. На крыльях любви	26
ОТРАЖЕНИЯ	
Алексей КОВАЛЕВСКИЙ. Своя правда	34
ПОЭТОГРАД	
Диана КАН. Навстречу солнцу	47
ОТРАЖЕНИЯ	
Виктор БИРЮЛИН. Что будет завтра, завтра и узнаем	51
ПОЭТОГРАД	
Анатолий АВРУТИН. ...И дыхание с выдоха вновь начиналось	61
Александр ЛАЙКОВ. Созвездие проток	66
ОТРАЖЕНИЯ	
Татьяна ЦВЕТКОВА. Рыжая голова	70
Амир МАКОЕВ. Затаённые надежды	75
ПОЭТОГРАД	
Юрий ТАТАРЕНКО. Три капли неба	98
ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА	
Виктор УМАНСКИЙ. Астартa	102
ОТРАЖЕНИЯ	
Евгений МЕЛЬНИКОВ. Снегири	120
В МИРЕ ИСКУССТВА	
«Я — за театр интеллектуальный, честный и талантливый»	125
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ	
Наталья ЛЕВАНИНА. «Горящая головня, летящая по ветру»...	132
СТАТЬИ	
Василий КИЛЯКОВ. Ещё раз об элите	139
РЕЦЕНЗИИ	
Любовь МОСКОВЕНКО. О добром — честно	150
В МИРЕ ИСКУССТВА	
Лидия БОГОВА. «Моё дело — играть» (Начало)	153
СОБЫТИЕ	
Анна МОРКОВИНА. Театральные музеи: особая миссия в культуре и искусстве	190

**Валентин
СОРОКИН**

БЕЛЫЙ ХРАМ

У меня две радости, два долга –
Дар судьбы не сам я выбирал:
Голубая зыбчатая Волга
И скуластый увалень – Урал!

На Урале,
где лучи играли
В хвойных дрёмах сосен вековых,
Я, мальчишка, всматривался в дали,
В дымы коксохимов боевых.

И, традиций дедов не наруша,
Я открыто шёл навстречу дня,
Закаляя выправку и душу
У железа, камня и огня.

Я хотел, чтоб крепче отточилось
Вечное, как солнце, ремесло,
Чтоб душа чуть-чуть ожесточилась
Разным прихлебателям назло.

А на Волге,
где длинны иголки
Звёзд ночных и где мосты круты,
Я мудрел, воинственный и колкий,
Светлой набираясь доброты.

-
- Валентин Васильевич Сорокин родился в 1936 году на хуторе Ивашла Башкирской АССР. Происходит из знаменитого на Урале казачьего рода, из многодетной семьи лесника. Первые публикации стихов появились ещё в пору отрочества. Первые книги «Мечта» (1960) и «Я не знаю покоя» (1962) выходят на Урале. В 1962 г. вступил в Союз писателей СССР. В 1963–1965 гг. учился на Высших литературных курсах. Впоследствии Валентин Васильевич 31 год руководил ВЛК (1983–2014). В саратовском журнале «Волга» в 1965–1967 гг. Сорокин заведовал отделом поэзии, затем вёл отдел очерка, публицистики, поэзии в журнале «Молодая гвардия» (1967–1970). В 1970–1980 гг. Валентин Сорокин – главный редактор «Современника». Творчество Валентина Сорокина отмечено премией Ленинского комсомола, Государственной премией России, Международной премией им. М. А. Шолохова, Всероссийскими премиями С. Есенина, Н. Гумилёва, А. Твардовского, Д.Н. Мамина-Сибиряка и др. Стихи переведены на многие европейские языки, на арабский, японский и хинди.

Среди пёстрых кепок и косынок
Я мечтал под скрипы якорей,
Как мне стать защитником и сыном
Родины берёзовой моей.

Рыжий месяц кем-то в волны сброшен,
Пароходы сном приглушены,
Расскажи о чём-нибудь хорошем
В этот час вечерней тишины.

Перед нами Волга в блеске алом,
А за нами – поймы, горы, лес.
Кто ответит,

много или мало

Нам с тобой отпущено чудес?

Чтоб вот так стоять и без границы
Видеть мир, большой и голубой,
Удивляться облакам и птицам,
Яблоням, похожим на прибой,

Там, где ветер упоённо реет,
Где моторка светится огнём.
Был бы мир беднее и старее,
Если б нас не вырастили в нём!

НА ВОЛГЕ

Ветер поздние листья проносит.
Словно колокол, лес языкат...
Это – синяя Волга,
и осень,
И кострами взметённый закат.

Это – гуся в лугах гоготали,
Поезда грохотали из тьмы,
Где, кружась, пугачёвские дали
Раскидали, как шапки,
холмы!

Отбоченилась степь, отыгралась,
Успокоясь, легла, что пурга.
Только белый неистовый парус,
А за ним – берега, берега...

Вот она, зарева обитель,
И растяжна, и так глубока!
Горячее клинка
истребитель
Распорол надо мной облака...

Сокрушаясь о счастье и братстве,
Сын Вселенной, куда ж ты идёшь?
До сих пор в межпланетном пространстве
Ты покоя себе не найдёшь.

Иглы звёздные длинны и колки.
Пляшет скорость победно в глазах.
...То прижмётся он крыльями к Волге,
То опять пропадёт в небесах.

Стосковался по городу я.
Что ни день, то опять неудачи.
Как ты там, дорогая моя,
Веселишься, а может быть, плачешь?

В белой шапочке, в красном пальто
Ты стоишь у причалов недолгих.
Но уже покрывается льдом
Полоса голубеющей Волги.

И теперь от навязчивых глаз,
От ночного, как вор, неуютно
И влюблённых, и радостных нас
Не укроет скупая каюта.

Теплоход наш осел на мели.
Он устал и затих добродушно,
И бураны его замели,
И морозы обстукали дружно.

Как хотел бы тебе я помочь,
Но за ширью лесной непроглядной
Развернулась могучая ночь,
Спит Урал под звездой Полярной.

И, когда прошумит у окна
Глупый ветер, становится тяжело:
Всё мне чудится, будто одна
Ты дрожишь и дрожишь, как ромашка.

Вячеславу Богданову

Волга, Волга! Крики пароходов.
Грохот ветра. Стоны камыша.
И к тебе, как чайка в непогоду,
Льнёт моя усталая душа.

Каждый день теряю и теряю,
И ничто бедовому не впрок.

Словно я кого-то повторяю
Горькой бесполезностью дорог.

Может быть, я молодость растрочу,
Золотых друзей не сберегу,
Всё равно не каюсь и не плачу
На твоём высоком берегу.

Может быть, желая удивиться,
Я один на свете столько лет
То ищу, что не могло родиться,
То хочу, чему названья нет!..

БЕЛЫЙ ХРАМ

Памяти Ивана Акулова

Белый храм в зелёном поле,
Ты на много лет затих.
Столько радости и боли
В стенах спрятано твоих:

Изменяли и венчались,
Предавали и клялись, –
Тройки
 трактами
 промчались,
Воронные пронеслись.

Здесь, в рубахе рукавистой,
Схожей с высверком зари,
Били в колокол бурдастый
Громовержцы-бунтари.

Плески чудные распевов,
Долгий стон
 и гневный зык,
Потому из медных зевов
С корнем вырвали язык.

И от края и до края,
Так, что ярь не уберечь,
По толпе гульнул, карая,
Гнутый бериевский меч.

Храм обычный и нетленный,
Словно каменщик простой,
Ты поднялся над вселенной
Врачевальной красотой.

Непростудный, неподсудный,
Встал сквозь гибельную чаду
Наши судьбы в жизни трудной
Звёздным светом отмечать.

Подвиг предков не напрасен –
Приглядишь: по Волге вновь
Проплывает Стенька Разин,
С вёсел стряхивая кровь!..

В тихие и редкие селенья
Прилетает вечер-дуновей,
Напои скорей стихотворенье
Синим светом родины моей;

Длинным стоном, на луну летящим,
Радостным и тайным, напои.
Всем неспящим,
 добрым
 и скорбящим
Беды исцеляют соловьи.

Больно мне стоять под облаками
На житейской выжженной скале,
Где века проходят за веками,
Словно бури гневные во мгле.

И опять над нами брызжет солнце,
В рог зари восторженно трубя.
Разве ничего не остаётся
В мире от меня и от тебя?

Отсмеялись, и пооткричали,
И как листья канули на дно
Глаз твоих крылатые печали
Заодно с моими, заодно.

ТВОЯ СНЕЖИНА

Просиял закат небесным пылом,
Ночь темна, а впереди светло.
Я свободен от всего, что было,
Удивляло, мучило, вело.

Где-то ветром новый флаг полощет,
Предвещая бурю кораблю..
Ну а я люблю, как в белой роще
Белую снежину я ловлю.

Медленно скользит она и вьётся
И, не замечая никого,
Жжением томительным коснётся
Вздрогнувшего сердца моего.

Белая снежина, я ль не с нею
Прохожу по вихрям стрежневым, –
Только эта капля не тускнеет,
Посланная зорями живым.

Не огни мелькают – годы, годы,
Если за туманами весны
Кроме снов мучительных природы
Есть ещё божественные сны...

ТАЙНА ПРОЗРЕНИЯ

Я не прозреньям тайным удивился,
А на заре кричали журавли..
Они кричат, а я ведь не родился,
Хоть яблони у окон отцвели.

И на тропе вчера у поворота
Я целовал тебя и говорил:
«Я не родился, это кто-то, кто-то
Мне жизнь свою и память подарил!»

В любви нет воли, и в судьбе нет воли,
Не приручить желаниям чудес.
И я давно седей луны, а поле
Звенит травой зелёной до небес.

Летело время вьюгой и смеялось,
Я к звёздам шёл из гиблой темноты,
И надо мною мать моя склонялась,
А с нею – Богородица и ты.

В слезах мы захлебнулись и в разврате,
И путь сквозь покаяния тяжёл:
Вот я искал других и виноватил,
Но виноватей всех себя нашёл.

И если я ни разу не родился,
Тогда зачем, горяч и остроуст,
В лучах полдневных жаворонок бился
И снеговел черемуховый куст!..

ЗА ОДНУ ТЕБЯ

Берёза юная взгрустила
И накренилась чуть трава,
Когда ко мне ты отпустила
Свои летящие слова.

Я в эту ночь к созвездьям вышел
Тоску вселенскую принять.
И вдруг я голос твой услышал
И увидал тебя опять.

То голубым, то изумрудным
Сияньем утренней страны
Мы, словно птицы, в счастье трудном
На сотню вёрст озарены.

Здесь время стоном догоняют,
В покое ищут неуют
И, разлюбив, не изменяют,
А позабыв, не предают.

И ты, хранима небесами,
В объёме думами краю
Смиряешь юными глазами
Седую голову мою.

Кого я встречу иль не встречу,
Но до креста и под крестом
Я за одну тебя отвечу
Перед собою и Христом.

Лидия
СЫЧЁВА

ДАР СУДЬБЫ

Саратов и Волга
в жизни и творчестве Валентина Сорокина

У честного поэта настоящая биография – его стихи. *«У меня две радости, два долга – / Дар судьбы не сам я выбирал: / Голубая зыбчатая Волга / И скуластый увалень – Урал!»*, – пишет Валентин Сорокин в 1965 году, когда после окончания Высших литературных курсов его направляют на работу в Саратов – создавать новый литературный журнал «Волга». Валентин Сорокин молодой, но уже всесоюзно известный поэт – в 29 лет он автор четырёх (!) стихотворных книг, чем в то время могли похвастаться немногие. Публиковаться было неимоверно тяжело: все издательства – государственные, рукописи в них проходили сложный, многоступенчатый отбор.

Валентин Сорокин стал членом Союза писателей СССР в 26 лет. Молодой поэт публикуется в журналах «Урал», «Нева», «Наш современник», его стихи рецензирует в «Литературной газете» один из ведущих критиков того времени Александр Макаров (главный герой документальной повести Виктора Астафьева «Зрячий посох»). На Урале творчество Валентина Сорокина поддерживают поэты Людмила Татьяничева, Борис Ручьёв, Марк Гроссман, Николай Воронов; в Москве – Василий Фёдоров, Егор Исаев (книга стихов «Ручное солнце» Валентина Сорокина вышла в 1963 году в «Советском писателе»).

Поэт с таким «вертикальным взлётом», только что окончивший ВЛК, заявивший о себе ярко и громко: *«Век поэта – грозное мерило, / Всё, что есть в душе, / Не утаю. / Мне Россия сердце пода-*

-
- Лидия Андреевна Сычёва родилась в 1966 году в с. Скрипниково Калачеевского района Воронежской области. Училась на историческом факультете Воронежского пединститута. Работала преподавателем, журналистом. В 1995 году поступила на заочное отделение Литературного института. В 1998 году дебютировала с рассказами в «Новом мире». Активно печатается в литературной периодике: газетах «Литературная Россия», «День литературы», «Российский писатель», журналах «Москва», «Подъём», «Полдень», «Бельские просторы», «Север», «Алтай», «Родная Кубань», «Литературный меридиан», «Аврора», «Золотая Ока», «Двина» и др. Автор нескольких книг прозы и публицистики. Главный редактор интернет-журнала «МОЛОКО» («Молодое око»). Главный редактор сайта «Славянство – форум славянских культур». Лауреат премии журнала «Москва», литературной премии имени Петра Проскурина, международного литературного конкурса «Народ мой – большая семья», премии им. Александра Невского, им. Андрея Платонова «Умное сердце», премии «Зодчий» им. Дм. Кедрина. Награждена серебряным дипломом Международного славянского литературного фестиваля «Золотой Витязь» (2012). Проза переведена на китайский, немецкий, болгарский и арабский языки. Живёт в Москве.

рила, / Я его России отдаю!» – мог рассчитывать на трудоустройство в столице. И вдруг – Саратов. Почему?

Истоки этого назначения кроются в фактах биографии, о которых поэт мог говорить в советское время только в кругу близких друзей. Ещё в Челябинске после публикации стихотворения «Я русский терпеливый человек...» люди из КГБ пытались склонить Валентина Сорокина к «сотрудничеству». Давление органов госбезопасности продолжилось в Москве, когда поэт учился на Высших литературных курсах. Преследование вербовщиков так сказалось на самочувствии Сорокина, что он тяжело заболел: «Врачи сказали, чтобы я немедленно ехал домой и оформлял группу, инвалидность». Чтобы защититься, Валентин Сорокин стал рассказывать о происходящем близким друзьям-литераторам: Владилену Машковцеву, братьям Эрнсту и Валентину Сафоновым, Вячеславу Богданову, хотя вербовщики требовали не разглашать «государственную тайну».

Виктор Тельпугов, один из руководителей ВЛК, говорил, что Сорокина распределят на работу в журнал «Молодая гвардия». Но несговорчивость имела долговременные последствия. После отказа стать доносчиком поэта отправили в «ссылку», в Саратов – в провинциальный, ещё не существующий журнал.

«Горе от ума» – «Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми».

И вдруг в этом назначении обнаружили хорошие стороны – поэта наконец-то оставили в покое. Валентин Сорокин вернулся к естественному состоянию свободы и радости жизни. *«Волга, Волга! Крики пароходов. / Грохот ветра. Стоны камыша. / И к тебе, как чайка в непогоду, / Льнёт моя усталая душа».*

Зная биографию Валентина Сорокина, читатель поймёт, почему душа – «усталая». К своим 29 годам поэт пережил трагическую смерть старшего брата, который погиб у него на глазах, выполнял опасную и вредную для здоровья работу металлурга в мартеновском цехе, травлю «силовики». С детства он знал бедность, нужду, голод, тяжёлый труд. Позже, в поэме «Волгари» поэт обмолвится: *«И подвалы, и бараки. / Юность чёрная моя. / Я бездомнее собаки, / Бесприютней соловья».*

Здесь тоже – всё правда. Свою самостоятельную жизнь в Челябинске Сорокин начинал в бараке, где жили бывшие заключённые, амнистированные после смерти Сталина.

Было от чего устать!..

Немногие знают, что Валентин Сорокин мечтал о море и даже успел отучиться два месяца в мореходном училище. Увы, ему пришлось вернуться на Урал: отец, инвалид Великой Отечественной, тяжело болел. Надо было брать ответственность за семью на свои плечи, помогать сёстрам и матери. На память о несбывшейся мечте останется татуировка – синий якорёк на внешней стороне ладони.

Саратов – неожиданное возвращение в юность. Волга – большая вода. *«Среди пёстрых кепок и косынок / Я мечтал под скрипы якорей, / Как мне стать защитником и сыном / Родины берёзовой моей».*

Юрий Огородников, доктор философских наук, автор многих работ по эстетике, а в годы становления журнала «Волга» – заведующий отделом критики, вспоминает:

– Руководил «Волгой» Николай Шундик, абсолютно бесцветный литератор, недалёкий и прагматичный. «Серым кардиналом» был критик Михаил Котов, он тщательно продумывал стратегию журнала. Поэт-фронтовик Виктор Кочетков вёл отдел прозы. С «Волгой» тесно сотрудничал весьма колоритный человек и писатель Григорий Коновалов. А ещё у нас работал Боря Дедюхин. Про его талант ничего не могу сказать, опубликоваться он стал, когда я уже уехал в Москву, но человек он был славный.

– А каким в те годы был Валентин Сорокин?

– О!.. Это был красивый – по-мужски красивый! – человек. Он сразу привлекал внимание. Сильный, умный, глубоко разбирающийся в поэзии. Вкус

у него – безупречный. Он на многое происходящее в стране и в мире открыл мне глаза, хотя я был старше Валентина на четыре года. Он всегда был готов прийти на помощь, и позже, в Москве, когда я был безработным, Сорокин сильно мне помог.

Валентин Васильевич в одном из интервью признался, что не очень хотел уезжать из Саратова: ему нравился журнал, отношение к нему, ощущение свободы, которое его сопровождало.

– Это он точно подметил! В редакции господствовала спокойная рабочая атмосфера. Находиться там было легко, без напряжения души. Свободу сотрудникам – заведующим отделами – давали. Как ни странно это звучит для советского времени. Я, например, там сделал литературную запись Рюрика Ивнева «Правда и мифы о Сергее Есенине». Журнал стал заметным явлением в стране. Он прочно входил в ряд «толстых» журналов того времени. Таким его делали хороший уровень публикаций, патриотизм, русский и советский.

...В первый же год выпуска, 1966-й, «Волга» стартовала с тиража в 40 тысяч экземпляров. В журнале вышли стихи Николая Благова, Андрея Дементьева, Владимира Гордейчева, Всеволода Рождественского, Бориса Сиротина, Фёдора Сухова, Ольги Фокиной, Людмилы Щипахиной, Давида Кугультинова, Мусы Гали и других поэтов. В 5-м номере по инициативе Валентина Сорокина был напечатан отрывок из «Чевенгура» Андрея Платонова – «Происхождение мастера» (предполагалась публикация всего романа, но не разрешила цензура).

В 1967 году в Саратове проходил пленум Союза писателей, посвящённый работе «Волги». В своём докладе Константин Федин сказал, что поэтический раздел журнала – лучший в стране. Все центральные газеты напечатали эти слова. Через две недели Валентин Сорокин получил письмо от первого заместителя главного редактора журнала «Молодая гвардия» Сергея Викулова. Он звал на работу. «Провожать меня на вокзал пришёл не только весь коллектив «Волги», но и вся местная писательская организация. Я был тронут до слёз», – вспоминает поэт.

В Саратове Валентин Сорокин вёл заседания литобъединения, в журнале – творческие встречи и чтения. Это было счастливое и плотно спрессованное время. Окрашенное в том числе и сильным лирическим чувством: *«Будет праздник, шифок и светел, / Литься песнями до зари, \ А потом народятся дети – / Синеглазые волгаря»*. В Саратове Валентин Сорокин начнёт работу над лирико-философской поэмой «Золотая», посвящённой осмыслению роли женщины в современном мире.

Крепкая дружба у поэта сложилась с Григорием Коноваловым. Позже, в очерке «Мой атаман», Сорокин даст его яркий портрет – и человеческий, и творческий. А ещё сообщит: *«Как-то я выманил Бориса Александровича Ручьёва в Саратов – два атамана обнялись. Уральский и волжский. Они ведь дружили и до 1941-го. Знали Павла Васильева, Бориса Корнилова, уничтоженных в кровавых подвалах кровавыми карликами. Нам, тогда молодым, слушать их, легендарных, живых, разговаривать с ними не только доставляло удовольствие, но и являлось для нас редкой честью»*.

Валентин Сорокин проработал в «Волге» ровно два года, и саратовский период стал важным этапом в его жизни. Здесь он приобрёл редакторский опыт, умение работать в творческом коллективе, широкий круг знакомств в поэтическом мире – по роду своей деятельности Сорокин общался с литераторами почти со всей страны. От журнала он ездил в командировки – в основном в города, расположенные на Волге, знакомился с писательскими организациями. А в самом Саратове успел даже некоторое время поруководить местным литобъединением.

Но главное – стихи. В июньском, 6-м номере «Волги» за 1967 год, перед отъездом Валентина Сорокина в Москву, в журнале выходит его поэма «Обе-

лиски». Богатая ритмами, напитанная волжским простором и – горечью осмысления судьбы России и русского народа в XX веке. Дата завершения поэмы – 1966 год.

Сил хватало на всё – на лирику и эпос, на редакторскую работу и дружеское общение, на командировки и творчество. Вдохновение не покидало его, было естественным состоянием жизни.

Волга, Саратов дадут Валентину Сорокину такой мощный заряд энергии творчества, что сразу по возвращении в Москву он начнёт работу над поэмой «Орбита», посвящённой Юрию Гагарину. А чуть позже будут созданы «Волгари». Главные герои этой поэмы – бунтари. Стенька Разин, Емельян Пугачёв и сам автор. Слог летит, как казачий струг: *«Стенька Разин, мачты, воды, / Море – Вечность впереди, / Не иссякнет дух свободы / У праправнука в груди! / И не я ль с едина взмаха, / Ловко молотом звеня, Отковал тебе рубаху / Из уральского огня?»*. Поэма – остросовременная, и остаётся только удивляться, как в условиях тотальной цензуры – Главлита – автору удалось, пусть и в зашифрованном виде, рассказать, как на него писали доносы, и даже назвать имя доносчицы.

О шестичасовом допросе на Лубянке поэт открыто расскажет в печати лишь в 90-е годы. По стихам же, написанным сразу после этих драматических событий, видно, что временами он находился на грани крайнего отчаяния: *«Умов слепое бездорожье / Трагедий века не решит, / Меня, взлетевшего над ложью, / Могильный крест не устроят!»*

В стихотворении «Моей княжне», написанном в 1997 году (эти стихи очень любил Юрий Бондарев, с которым Валентина Сорокина связывала многолетняя дружба), поэт снова обратится к образу атамана и бунтаря Стеньки Разина. Через тридцать лет – и каких лет! – поэт остался верен себе, обещанию, прозвучавшему в «Волгарах»: *«...Слышен зов к другим морям. / Присягаю атаманам, / Присягаю бунтарям!»*

К Волге, «пролетарской реке», поэт ещё не раз вернётся в своём творчестве. В драматической поэме «Бессмертный маршал», которую Валентин Сорокин завершит в 1978 году, один из ключевых эпических эпизодов – Сталинградская битва. Без «Обелисков» не было бы «Бессмертного маршала» – произведения, подлинное признание которого ещё впереди.

Поэт смотрит на Сталинградскую битву со стороны бытия, из мусической вечности. Это взгляд глубоко национального художника, остро ощущающего трагедию войны: *«О Волга, Волга, улица земли / Заглавного народа-исполина, / Вон журавли последним острым клином / Над синим плёсом небо рассекли! / И синева рассвета разлилась / На синие холмы, по синим роцам. / По синим далям, перелескам тощим / Рассвет свою навязывает власть»*.

Валентин Сорокин – красивый поэт. Судьба («не сам я выбирал»!) наделила его щедрыми дарами, и он сумел распорядиться ими достойно и мудро. Прошли десятилетия, а стихи не состарились, их герой так же современен и устремлён в будущее, как в эпоху, когда Советский Союз был сверхдержавой. *«Сокрушайся о счастье и братстве, / Сын Вселенной, куда ж ты идёшь? / До сих пор в межпланетном пространстве / Ты покоя себе не найдёшь»*.

Таковыми мы были! И, возможно, ещё сумеем вернуться к самим себе. Если, конечно, захотим.

**Виктор
ЛИХОНОСОВ**

ВЕТХАЯ ТИШИНА У ГИРЛА

Если бы знать, что ожидает нашу ровную советскую жизнь, если бы сам Господь насторожил нас на несчастную перемену и прочие бедствия, больше бы дорожили отпущенным благом, успели бы ещё пожить в охотку, ничего такого, что не достанется запросто потом, не упустить, всякой всеми вместе нажитой привычной привилегией воспользоваться. О если бы, если бы..

Всё в той потерянной жизни обходилось проще, неприхотливей, дешевле, можно было устремляться во все концы и нигде вдалеке не пропасть.

Теперь есть о чём пожалеть... Зря я не торопился, не объездил даже те земли, где меня приняла бы родня.

В Ташкенте жил брат отца, Тимофей Фёдорович, который к братьям, Степану и Петру, ни разу в Новосибирск не выбирался; до войны и после войны подняться в дорогу из Средней Азии – это целая история, хотя наши елизаветинские хохлы в Кривощёкове не раз попадали в бригаду проводников, ездивших в Ташкент и Ашхабад и привозивших, помню, вкусный урюк. По отцу родня была не той заботливой дружной породы, что со стороны матери – ласковая, щедрая, никого из своих не забывавшая. С двоюродными сестрёнками и братишками я и виделся чаще, и знаюсь до сих пор, а по отцовскому корню дружил только с тремя сестрёнками, любившими и жалевшими «тётю Таню», мою матушку. В Ташкенте могла бы застрять моя биография, если бы дядя Тимофей не испугался, что я приеду поступать в институт и потесню его семейство: на жалобную просьбу мою он не ответил. И, может, к лучшему. Не было бы у меня Тамани, Пересыпи, не написал бы я роман о Екатеринодаре и не встретил в хуторе у реки Псебепс моих спасителей – Терентия Кузьмича

-
- Виктор Иванович Лихоносов родился 30 апреля 1936 года на станции Топки Кемеровской области. Детство провёл под Новосибирском. В 1961 году окончил Краснодарский педагогический институт, учительствовал на станциях Кубани. Автор книг «Вечера», «Что-то будет», «Голоса в тишине», «Счастливые мгновения», «Осень в Тамани», «Чистые глаза», «Родные», «Элегия» и др. Его произведения переводят в Румынии, Венгрии, Болгарии, Германии, на чешский, словацкий, на французский, английский языки. С 1978 года Лихоносов работает над своим главным романом о судьбе русского казачества «Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж» (1986 год). Член Союза писателей СССР с 1966 года. Живёт в Краснодаре. В 1998–2016 годах – главный редактор литературно-исторического журнала «Родная Кубань». Член высшего творческого совета при правлении Союза писателей Российской Федерации, почётный гражданин города Краснодара.

и Марию Матвеевну, о которых мой первый рассказ «Брянские». И уж ни за что не переехала бы из Сибири в Ташкент или в Ургенч моя матушка.

Ашхабад, Душанбе, Алма-Ата промелькнули для меня только в разговорах и в литературе.

Да и в Тбилиси не проскочил я покопаться в архиве, в фонде царского наместника на Кавказе. И поездом Симферополь–Баку не прибывал я к азербайджанским писателям. А в Махачкале не посидел на вечере Расула Гамзатова и не постоял там, где князь Барятинский встретил пленного Шамиля.

Всё откладывал и надеялся на другие дни. Вся земля общая, успею.

А потом уж, когда после ельцинского переворота стакан чая на вокзалах стал стоить сто рублей и всюду можно было ожидать разбоя, много не наездишься.

Но и поздно уже, мои сроки прошли.

Самая короткая моя дорога в Пересышь и в Тамань.

У гирла, вытекающего из Ахтанизовского лимана и впадающего в море, сижу я среди чаек, разгребаю ракушки и с кем-нибудь далёким разговариваю. Мне легко кого-то приплетать к себе. Побуду с одним, перемолвлюсь вдаль словом, подцеплю другого... Нынче со мной ты, так послушай, как ворочаются волны, вбрасывают ракушку, за день нагреют целую горку. Я один, со мной только чайки – над водою, на песке. Впереди, к востоку, с гравюрной чёткостью виден холмистый край Голубицкой, именно там белый маяк, от которого я, приближаясь, всегда приветствую душой Пересышь и лукоморье. А на западе под тучами гнётся серпом Кучугурский берег, и за мысом, если стать там на круче, можно разглядеть Керчь. Повернусь к востоку – подумаю о нашем нежном зауральском писателе в сосновой деревне у Тобола и потянусь в Сибирь, к родным берегам Оби.

А нынче ты, мой быстроногий вятский летописец, перебираешь со мной мокрые ракушки. Ты скачешь по белу свету как молодой, двенадцатый раз падаешь на колени у Гроба Господня и ещё подаришь мне книжки о пядях земных и «море житейском». Я же с тростинкой хожу вдоль воды, и хрустят под моими подошвами ракушки.

Никуда далеко не выбираюсь, самая длинная моя дорога – сорок вёрст – в Тамань. Вчера там был. В той, голубчик, Тамани, где построил монастырь преподобный Никон, где (уж позволь напомнить тебе лишний раз) вытеснялись век за веком греки, татары, черкесы, генуэзцы, турки; где Суворов пил чай с запорожцем Захарием Чепигой, а лёгкий молодой Пушкин постоял мгновение на круче; печальный Лермонтов невзлюбил слепого мальчика, где высаживался на берег по пути в Екатеринодар Александр Второй и ночевал, может, в какой-то хате; в той самой Тамани, где спустя много десятилетий нечаянно, но только для тебя одного возникла девочка Надя и притянула тебя однажды за руку полюбоваться горою Лыской и Керчью; в этой, о Господи, Тамани не пристают уже четверть века к берегу катера и не качаются на волнах лодки рыбаков и столько же не плачет у морской камки та самая девочка, которую ты выманил в Москву навсегда.

Вы не пишете мне из своего знаменитого Камергерского проезда, не вспоминаете меня и мои пересыпские углы.

А я нет-нет да и полистаю твои страницы.

Нынче целый день ленился во дворе, разговаривал с матушкой, перечитывал ей письма из Топок, Запорожья и Петрозаводска, перебирал и раскрывал книги.

«В Вифлееме, – пишешь ты, – я жил целых десять дней. Как же я любил и люблю его! И какое пронзительное, почти отчаянное чувство страдания

я испытывал, когда во второй раз завезли нас в Вифлеем на два часа! Да ещё и подталкивали: скорей! скорей!»

Я тоже бывал в Вифлееме, спускался к яслям Христовым на одно мгновение.

«К счастью, – пишешь, – я много минут был один-одинёшенек у Вифлеемской звезды, у яселек».

А я был в маленькой толпе писателей, и в то мгновение не понравились мне наши знаменитости – они постояли и поглядели на всё как туристы, не крестились, не подползали на коленях к звезде – такая была на лицах привычная учёность, усталая мудрость, будто они сами явились из древности, звезду в небесах заметили раньше пастухов и в сей миг ждут почтения к себе. Неужели игумен Даниил в XII веке, описавший свое х о ж е н и е в Константинополь и Иерусалим, был темнее и достоин «милостивого снисхождения» просвещённой братвы? Не поленился, отыскал его томик.

Видел ли ты в двух верстах от Вифлеема «заброшенную часовню в масличной роще» во имя ангела-благовестника? О ней пишет Фаррар, его тяжёлый том «Жизнь Иисуса Христа» я разворачиваю в канун святых праздников. Отчего так? У Фаррара и в старых книгах о Святой земле рисунки, гравюры, первые фотографии украшают мотивы священных преданий с какой-то чудесной допотопной ветхостью и так чутко притягивают к Богу, к молитве, что весь как-то мигом смиряешься, вздохнёшь, поклонисься равнинам Галилеи и Иерихона, заложенным окнам церкви Гроба Господня, холмам и низинам с библейскими овцами.

Теперь, в тесноте цивилизации, трудно собрать чувство как в старину.

Разве что в позднюю осень пустота намекает на нетронутую песчаную округу (где нынче Голубицкая и Пересыпь), вечно одинокую в те стародавние времена, когда греки плавали мимо по Меотиде и из Ахтанизовского лимана выгибалась протока пошире нынешнего гирла.

Я у гирла-то и вспоминаю тебя, держу твою паломническую книжку «Незакатный свет». Чайки белеют грудками и будто следят за мной. Никого! Пустота в море и в небе, и кажется, за высоким берегом в посёлке всё вымерло. И эта мелодия тысячелетней пустоты в этих окрестностях слышна мне.

Но что я тебе посылаю свои вздохи? – ты далеко-далеко от меня, и ничего не угадываешь, и зависти моей не чувствуешь. Всё-то ты повидал, всему поклонился, крестики освятил, камешки подобрал и там, где крестили княгиню Ольгу (в Айя-Софии), предполагаемый уголок облюбовал, а я, бедный, лишь чайкам читаю твои признания: «Прощай, Стамбул! И да живёт в наших душах Царьград, столица Византии, город храма Святой Софии, Влахернской иконы Божией Матери...». А ещё я не забываю, что ты по девять часов стоял на молитве в Пантелеймоновом монастыре с монахами, двенадцать раз падал на колени у Гроба Господня, босиком шёл к Иерихону.

Здесь, у гирла я начал писать в тетрадке о поездке писателей на Север и после первой странички не могу стронуться дальше. Нет подходящих слов. Всё затаённо-дорогое остаётся тонкими волосками в тебе, тянется долгим напевом. Слова убоги.

Теперь, после того, что случилось в нашей стране в конце века, отражается во мне какая-то другая жизнь, поездка наша кажется прощальной, и потому прощальной, что больше такое не повторилось, хотя до ельцинского переворота начислялось ещё целых десять лет. Так много утекло воды и столько из той компании покинуло божий свет, что мне теперь горько выбирать мгновения, жалеть, что их больше так не прожить. Вот

на Ленинградском вокзале появляются писатели-«деревенщики» и радуются друг другу как родственники: Сергей Павлович Зальгин, Виктор Петрович Астафьев с Марьей Семёновной, Василий Белов, Валентин Распутин, Владимир Крупин, Виктор Потанин, Анатолий Ким, Владимир Личутин, Владимир Гусев, Владимир Коробов, Борис Романов, добрый покровитель русских почвенников Валерий Ганичев и ещё кое-кто. В Петрозаводске и Мурманске пристанут к ним Дмитрий Балашов, Владимир Бондаренко.

И это я, бывший школьный учитель, под песчаной Анапой в сей честной компании?

Теперь только восклицаю: о как посчастливилось!

Рассказ «Брянские» и повесть «Люблю тебя светло» вытянули меня в писатели. А то так бы и забили меня в школе ученические тетрадки и педсоветы.

Так бы и не пристал близко к Распутину, Астафьеву, Белову, Балашову, Олегу Михайлову, вообще никогда не послушал бы их за обедом, на прогулке. А что уж говорить о писателе из зауральского села Утятка, о моём окрещённом тесными узами Виктор Потанине, который о чём-то спросил меня в издательстве «Молодая гвардия» да так и не переставал спрашивать десять лет. Мы с ним поместились в одном купе с Астафьевыми; Марья Семёновна сказала: «Ну вот, аж три Вити у меня стало, а то был один, да и тот стал надоедать...» И мы как-то семейно захохотали. Так же по-семейному расселись трапезовать, к нам добавилось ещё человек пять, сплотились бок о бок – и началось... И вот не воскресить этого! Ни речей, ни гогота, ни лиц не закрепились механическими секретами. И строчек в тетрадках, в блокнотиках не спряталось ни у кого. Мало дорожили мгновением? Жили и жили. А что запомнилось – теперь как золотая песчинка. Даже такое: ночью я слез со второй полки и не мог повернуть рычажок в двери; Астафьев услышал, поднялся, дёрнул ручку и выпустил меня. Мне было неловко, что разбудил... старика. А было ему всего пятьдесят семь. Недавно одолел я восемьдесят. И то, как я когда-то неловко разбудил Виктора Петровича, нет-нет да и привидится мне, и я загрузу на мгновение.

Утекли годы водою. Какую-то другую жизнь застали мы. Поездка на Север кажется нынче прощальной, именно кажется, потому что ничто не предвещало крутых перемен и катастрофы.

То был наш счастливый дружеский миг на земле. Расставание будет не скоро. Миг был в Мурманске, в Апатитах, Североморске, Кандалакше, а раньше всего в Петрозаводске, где я обрадовался появлению Дмитрия Балашова. Володя Бондаренко, больше известный в Малом театре, чем в литературных кругах, позвал на обед к родителям. Я ждал Балашова. И он возник на пороге, низенький, в сапогах, похожий на русского князя в учебниках истории. Толстые свои романы писал он за одну зиму, жил в деревне, держал корову, лошадь, сам косил траву, срубил избу. Я его побаивался. А вот Астафьев на него как-то привередливо косился, чем-то он стал ему неуютен, может, даже этими вот мягкими сапогами, пояском на рубахе, невниманием к литературной знатности Виктора Петровича. В комнате с книжными полками он вынимал какой-нибудь томик и ставил назад, вынимал, взглядывал и хлопал корочкой, наконец вытянул сочинение Балашова, укрылся от нас у окна, перелистывал, читал с подозрением. Тут громко вошёл сам Балашов.

– Всё знает князь Димитрий, – сказал Астафьев. – Умноглазый Балашов слушал так, будто говорилось не про него. – Он и в Царьграде как свой, все углы Айя-Софии обсмотрит и патриарху Филофею руку облобызает так

умело, что мы, чалдоны, позавидуем и через пять веков. Откуда такое? – Астафьев как-то нарочно разыгрывал удивление, а Балашов всё смотрел в пол. – Вон ему сам Мамай сказал, что станет вторым Батыем. Всё знает и пишет – аж залюбуешься: как это можно подсмотреть и подслушать через целые столетия? «Князь Димитрий сидел у себя в спальне рядом с Дуней, а та навалилась ему мягкой грудью в колени и плакала...» Да не было ли такой Дуни и у автора?

– И не одна! – признался Балашов строго.

– «Он ... – послушайте, – посопел, потоптался, шагнул, привлёк её к себе, мохнато поцеловал в лоб». Это когда вы так м о х н а т о целовали и кого? Пойду-ка и я свою Марию поцелую, – съёрничал Астафьев и рукой приобнял невозмутимого Балашова, повёл к столу.

А я задержался и снял ту же книгу, прямо распахнул её. И...

«Все эти люди умерли, от большинства из них даже не осталось могил. Ражие посадские молодцы, румяные девки состарились и сгнули тоже. Много раз сторали и возникали вновь хоромы. Исчезали деревни. Все они нынче в земле, и мы не ведаем больше того, что скупо отмечено летописью, не знаем сказанных слов и только можем догадываться, о чём мог говорить князь, воин, девица...»

Я как раз писал роман о Екатеринодаре, и та же мелодия сожалений прокралась в мою душу.

Я слышал, как в другой комнате за столом Балашов ругает Петра Первого, а позже, когда вошёл, услышал уже: «А теперь и на Севере того нет... Я вчера написал про теремных затворниц, про страсти их тайные да про то, как с одного слова ласкового, походя сказанного, с одного взгляда, с шуточной перебранки за углом бани девица приготовилась ждать (да не один год) того, кого почла своим, вечным».

– Так мы и выпьем за возвращение теремных затворниц! – сказал я, и все ахнули в поддержку.

А может, я уже выдумываю? Тот застольный миг тоже растянулся дымом, исчез; легче Балашову было описать баб за прятками при татарах, чем мне петрозаводское застолье тридцать лет назад.

Я следил за одним Балашовым. Он спрячется в своей деревне, в Москве я его не увижу, а страсть как хочется послушать его, такого редкого русича, который живёт древностью и сегодняшним днём и чем-то выше нас, не знающих толком ни Владимира Мономаха, ни Ивана Калиту, ни Сергия Радонежского. Только через девятнадцать лет его убьют под Новгородом, где я ещё раз видел его на спектакле в Юрьеве монастыре, и плясовом гулянии с народом, и у него дома за трапезой... в славные дни празднования 1000-летия Крещения Руси. Уже после смерти матери, в декабре 99-го, пил я с ним чай в подвале нашего Союза писателей в Москве, и он обещал будущей весной пожаловать в Тамань, и в январе я начал писать ему напоминание, но тут его и не стало. Что-то такое дивное, неожиданное высказывал он тогда за чаем, но всю эту редкую вязь слов я не записал, а после мне не хватило дара восстановить. Жалею и по сей день, что не постоюл Дмитрий Михайлович на той круче, с которой Пушкин видел Керчь (Корчев).

Да и все годы как-то пусто без него на самых опасных пядях сражений. Равню в жалости к нему судьбу его с судьбами Василька Теревольского, князей Бориса и Глеба; и убил его, может, такой же Святополк. Помню, как я по-детски горевал, когда упоминал в «Осени в Тамани» о Васильке. Не тогда ли Господь вывел меня за руку на тропу сочувствия несчастливым кубанским казакам и прислал ко мне кроткого Попсуйшапку?

Балашову показал бы я береговую долину в Пересыпи, повёз за Ахтанизовскую на Гору Бориса и Глеба, услышал бы от него то, чего никто мне теперь не скажет, погадал бы с ним, где преподобный Никон основал монастырь; спустил бы его в наш погреб, нацедил холодного вина, а матушка постаралась бы нас покормить, а потом спустя время спросила бы меня: «Так он чо – тоже писатель? Больно лобастый». Не случилось.

Мы путешествовали по Северу, а матушка меня каждый день «сопровождала», чувствовала, как я встречаюсь с тётёй Пашей, даже присоединялась издали к нашей беседе, радовалась тому, как бы и она поговорила со своей деревенской подружкой. Сорок лет не виделись они: тётя Паша уехала из Кривощёкова в Карелию вслед за дочкой, и больше уж им не увидаться на этом свете, и я каюсь, не догадался уговорить родню на поездку в Елизаветино. Всех собрать на один миг! Отец тётя Паши Григорий записан в церковной метрической книге при крещении отца моего, Иоанна.

И больше я ничего не знаю. Все годы после её отъезда я только и слышал жалобные возгласы матери, что нету теперь на болоте тётя Паши, да читал письма из Карелии с причитаниями: как плохо привыкать после Сибири к чужому краю.

«Сообщаю, – повторяю я нынешним вечером за письменным столом строчки тягучим напевом, пальцем вожу по строчкам – что мы твоё, Таня, долгожданное письмо получили, я была рада, что и не описать. Мы были с тобою близкие подружки, а теперь столько лет не виделись. Мне уже 73 года. Было время, смеялись в Кривощёкове, хохотали из-за всякого пустяка, а теперь всё отошло, дождёшься вечера – так скорей на койку. Вспомнишь, как мы жили в Кривощёкове, сколько таскались с коровами, стояли на базаре за прилавком с молоком, варенцом, ещё и успевали друг у друга посидеть, гостей принять. Ты пишешь, что никак не можешь забыть Сибирь, конечно, милая, трудно забыть, жизнь некороткая прошла там, и мать там схоронила, а теперь как привыкать без своей улицы и болота внизу? Один сын, и то не рядом. Значит, так Богом дано. Дядько Тышко в нашей воронежской деревне умер; к нам в эту зиму приезжали оттуда, много про кого говорили, ну... я уже некоторых забыла. Охота поехать. Жду Витю, едет с писателями, пусть к нам зайдёт. Твоя Парасковья Григоровна».

Дочь Маруся приводила её на станцию попрощаться и ещё раз передать привет «подружке Тане». Старушка чистенько принарядилась, стояла, молоджаво-худенькая, в плаще, на голове плотный платок, нос тонкий, на одном глазу крошечное бельмо. Я подвёл к ней писателей.

«Мама выпрямилась перед ними как царица ... – писала нам в Пересыпь Маруся, – руки скрестила на палке, они один за другим подходили с поклоном, каждый что-нибудь сказал вежливое, а Витя всех называл, как мы потом смеялись дома: «Мамо, это на вас не похоже, вы как царица Екатерина перед ними, вы ж не той породы и не начальство, чтоб так строжиться...» – «А как я? – отвечает. – Они подходят, я благодарю, я книг не читаю, но це ж Витины товарищи, пишут чего-то, так ладно, я здоровкалась, а один, постарше, сказал: «Я тоже сибиряк». – «А я не сибирячка, я воронежская, кого выслали, а Лихоносовы, Витины мать и отец, сами поехали в Сибирь». «Порода», – сказал Астафьев. «Наша порода в деревне славилась. Осыкины. Осыкин пруд был. И Гайворонские. Лихоносовы похуже, их по улице называли Голычевы». Я люблю книги читать и рада, что увидела Астафьева, Белова. Белов сердитый, бурчит, сразу маму спросил: «Сколько коров было перед высылкой?». Распутин Валентин – высокий, молчаливый, но добрый. Потанин. Читала его повесть «Над зыбкой» и плакала. Личутин, росточку

невысокого, разговорился, чуть на поезд не опоздали; Балашов наш, петрозаводский, только посмотрел в глаза, да так долго. А Крупин подарил маме иконку из Иерусалима, он там был. Мама была довольна. «Тане напишу, – сказала, – какие у Вити хорошие друзья. Витя один у нашей родни выучился на писателя. Слава Богу. А был ну такой смирный, слова не допросишься».

Матушка много раз перечитывала письмо из Петрозаводска, уходила на огород и там продолжала переговариваться с тётёй Пашей, тихонечко жаловаться на свою долю.

В дневнике моём сказано, что я дописывал главу, в которой Попсуйшапка рассказывал в поздние годы Толстопяту о смерти его сестры Манечки. Ко дню рождения Лермонтова я поехал в Тамань, оттуда в греческое село Витязево, к дочери знаменитого атамана станицы Благовещенской Константина Южно – ещё раз расспросить, ещё раз понадеяться на что-то чудное, ещё раз помянуть всех, кого давно нет.

У гирла всегда поджидали меня сторбившиеся чаечки.

Я и нынче с ними. Перебираю ракушки, читаю, пишу и гадаю, не ходит ли сейчас босиком в Вифлееме мой вятско-московский дружок?

Он сейчас не слышит, как я с ним любезничаю вдали, но когда-то, если допишу свои слёзные страницы, прочитает. Будем мы уже старенькими. А не читает ли меня московский вятич в те же часы где-нибудь в своей деревне, как я у гирла в Пересыпи? Вот они, его строчки: «Четыре места на белом свете, где живёт моя душа и какие всегда крещу, читая вечерние молитвы. Лавра, преподавательская келья. Никольское. Великорецкое. Кильмез. Конечно, московская квартира...»

А что у меня, кроме гирла? На дорогих углах моих топчусь я на всех страницах. Аминь.

**Редакция журнала «Волга–XXI век»
поздравляет Виктора Ивановича Лихоносова
с юбилеем!**

**Валерий
КРЕМЕР**

ПОКА ЕЩЁ ВСЕЛЕННАЯ ЖИВА...

И за каждым окном кто-то шепчет: «Люблю...»
И за каждым окном кто-то шепчет: «Прощай...»
Зимний город раскинул стальную петлю,
По которой скользит одинокий трамвай.
Каждой ночью бежит по стальному кольцу,
Каждой ночью скользит одинокий трамвай,
Как ладонь по щеке, как слеза по лицу,
От «прощай» до «люблю», от «люблю» до «прощай»...

Ты ничего не знаешь обо мне.
Ты – только луч. Ты – женщина в окне.
Но иногда ты вдруг проходишь мимо.
Неважно, наяву или во сне,
Ты где-то здесь и ты необходима.
Ты для кого-то, может быть, жена,
И кем-то тайно, как и мной, любима.
Но это всё как сон проходит мимо.
Я знаю, что ты ждёшь и ты одна.
Ты ничего не знаешь обо мне.
Нет ничего прекрасней этой жажды.
Я знаю, что мы встретимся однажды.
И этого достаточно вполне.

-
- Валерий Адольфович Кремер (1954–2021) родился и жил в Саратове. Окончил филологический факультет СГУ. Служил в армии, работал учителем в сельской школе, корреспондентом в различных газетах г. Саратова. Член Союза писателей России. Стихи печатались в саратовской периодике, коллективных сборниках Приволжского книжного издательства, журналах «Волга», «Волга–XXI век», «Московский Парнас», «Новая Немига литературная», «Нижний Новгород», «Симбирск», «Русское эхо»; в литературно-художественных альманахах «Саратов литературный», «Зелёный остров», «Сюжет», «Моргенштерн» (Союз российских немецких писателей), «Тритон» (г. Москва), «Трёхцветная кошка» и «Сквозь тишину» (г. Санкт-Петербург). Лауреат фестивалей поэзии в г. Волгограде и г. Сызрани. Автор восьми книг стихов: «Путь» (1990), «Время вдоха» (2000), «Путешествие к Центру Вихря» (2005), «Свидетельство о жизни» (2007), «Под небом молодым» (2010), «Другие дни» (2014) «Люболь» (2016), «Странник» (2017) и прозаической книги «Спрятанный свет» (2015).

В былые времена,
В капли и метели
Иные имена
Давал я дням недели.
В том не было ошибки.
Они в меня глядят:
День Солнца,
День Дождя
И День Твоей Улыбки...

И снова ищешь ты прилежно
Название взгляду моему.
Не бойся. Это просто нежность.
Ни для чего. Ни почему.
Иначе не осилить бега
То между птах, то между плах
Под мерным приближеньем снега,
Что не растает на губах...

Прости, что сердцу тесно
В безжизненном кольце.
Снег падает отвесно
И тает на лице.
Не верь, мы не растаем
Как снег. Ведь мы вдвоём.
Мы только нарастаем,
Струимся, настаём.
Мы свет и будем светом,
Поющим и живым,
Наперекор отпетым,
Неспетым и немым.

Ты касаешься взглядом меня
Осторожно, как пробуют воду,
И случайный напев, и свободу
Не скрывать потайного огня,
Что расцвёл посредине зимы,
В глубине ледяной немоты.
Подожди, скоро будем на «ты».
Потерпи, скоро будем на «мы».
Скоро будем. Настанем. Начнёмся.
И оглянемся вдруг. И очнёмся.
И увидим, что даже зимой
Возвращаются реки домой.

Жизнь прекрасна, а ночь коротка.
Дай мне руку, любимая.
Видишь, вспыхнула в небе строка
Лучезарная, зримая.
Разлучимся. Но так далеко
Это страшное таинство.
Так прозрачно, волшебное, легко
Всё, чего мы касаемся.
Не забудь, только ты не забудь
Ничего из прошедшего.
Только путь. Только пройденный путь.
И блаженство нашего.

О чём ты плакала тогда,
Среди весны на старой даче?
О том, что будет всё иначе,
Когда настанет Никогда?
Ещё не падала с небес
Усталая, слепая влага.
И у травы была отвага
Расти и превращаться в лес.
Ещё звенели провода
И всё вокруг цвело и мело.
Что знала ты? О чём жалела?
Я не узнаю никогда.
Я целовал твои глаза.
Потом искал ключи и спички.
Мы спали, сидя в электричке,
Молчанье в город увозя.
Навстречу мчались поезда,
Попасть пытаюсь в Навсегда...

Пить мёртвую воду как будто живую.
К обрыву стремиться безумною пешкой
В надежде судьбу поменять на иную,
Шагнув до конца. Не орлом и не решкой
Катиться по склону неясным предметом,
Два лика своих то тая, то являя,
Возможность движенья считая ответом
На всё. И не видя, не слыша, не зная,
Чем выпадет гибель: орлом или решкой?
Наткнёшься на камень иль рухнешь в бессилье?
И что разглядят напоследок: усмешку?
Мольбу о прощении? Панцирь иль крылья?

Что тебе подарить в ответ
На любви лепет?
У меня ничего нет,
Только слов трепет.
Будет день до конца спет,
Надо лишь посметь.
Ведь у нас ничего нет,
Только жизнь и смерть.

Ты опять говоришь: «Не грусти. Все пройдёт».
Я опять ускользаю словами от тьмы.
Смысл истории груб. Лик надежды размыт.
Тот, кого мы зовём, к нам пути не найдёт.
Потому что любовь – это что-то ещё,
Потому что печаль – это проба крыла.
И, в небесной реке отражаясь дотла,
Этот мир ещё верит, что будет прощён.

Оглянешься вокруг – тоска и суета,
И ты – солдат Кижэ в игре полков потешных.
Игра с самим собой проиграна успешно.
Нет-нет, кольнёт в груди, что жизнь уж прожита.
Но знаешь: есть черта – всего один прыжок,
Один лишь точный взгляд, один лишь день крылатый –
И пустоту в часах заполнит вновь песок,
И музыка в душе очнётся, как когда-то...

Как гулок шаг по площади ночной.
Родной. Последней, как самосожженье.
Слепая ложь осталась за спиной,
А впереди – неверье в воскрешенье.
Слепая ночь вокруг. Внутри. Везде.
Бездонная. Безбрежная. Глухая.
Жизнь писана кругами по воде.
Как музыка, бежит и затихает.
Стихает вдруг, и видишь как во сне
Ночь, площадь, одиночество, как в склепе,
Себя нелепой тенью на стене.
Тень пустоты. Что может быть нелепей?
Когда б не что-то там, на самом дне,
Во глубине, на краешке обрыва,
Поющее всё время терпеливо
О золотом сбывающемся сне...

Другая музыка настанет
И позовёт тебя с собою
Туда, где сердце не устанет
От испытания любовью.
И ты пойдёшь, забыв о боли,
Необъяснимый, как и прежде,
Через невспаханное поле,
Что в тайной замерло надежде.
Пойдёшь в тревоге и печали
Через утраты и прозренья,
Минуту каждую вначале
Касаясь чуда Сотворенья.
Дороге к счастью нет предела.
Спеть путь – что может быть чудесней?
Ведь тело – это просто тело,
А песня – это всё же песня.

Всё ввысь и ввысь по лестнице надежд,
Срываясь, растворяясь в многоточьях.
По лестнице прозревших и невежд,
Наивных простаков и цепких ловчих.
Ты говоришь: «А почему не я?»
О близость губ Судьбы, соблазн полёта!
Упрямая надежда бытия:
За поворотом ждёт Иное что-то!
Всё ввысь и ввысь, пытаюсь обогнать
Свой крик. Пытаюсь повторить «однажды»...
Жизнь дарит больше, чем ты можешь взять,
Но меньше чувства утоленья жажды...

Пока ещё вселенная жива
И так по-детски любит нас с тобою,
Пока счастливо-лёгкие слова
Ещё восходят в небо голубое,
Пока ещё так драгоценна близь
Касаний, расцветающих упруго,
Мы будем вместе, постигая высь,
Неисчезающую высь друг друга.

К 80-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

**Алексей
МАНАЕВ**

НА КРЫЛЬЯХ ЛЮБВИ

Немолодая супружеская чета гостила у сына, жившего далеко от Москвы. Хозяева работали, поэтому во времена всеобщих очередей гостям пришлось обеспечивать провиантом всё семейство. По магазинам ходили в основном дед и внук. Однажды гость на извилистом пути к прилавку почувствовал себя не очень хорошо и попросил покупателей, показывая удостоверение Героя Советского Союза, пропустить его без очереди. Просьбу уважили. Но, когда выходили из магазина, кто-то из женщин, стоявших у прилавка, обращаясь к мальчишке, посоветовал, укоряя дедушку:

– В следующий раз, мальчик, приходи с бабушкой. Постоим, пообщаемся, потолкуем о жизни.

И услышала в ответ:

– У меня и бабушка – Герой.

А теперь вспомним культовый советский фильм Леонида Быкова «В бой идут одни старики». Вспомним лётчиков Ромео и Машу, случайно встретившихся на перекрёстках войны, полюбивших друг друга и решивших пожениться. Вспомним, как иронично отреагировал на это сообщение Ромео майор Титаренко: «Это ты хорошо придумал, гм... Самое главное – вовремя...»

Так вот, «сладкая парочка» – прототипы приехавших погостить к сыну супругов. Можете возразить: в фильме влюблённые гибнут, а наши здравствуют. Да, в фильме погибли. Окутав ореолом романтики подвиг, режиссёр не мог не подчеркнуть его трагической основы. На самом же деле для «настоящего» Ромео и его избранницы фронтовые испытания закончились сказочно: они стали Героями Советского Союза, остались живы и поженились в мирное время.

Я воспринимаю войну как циклопа с ненасытной утробой, который, стоя у края бездонной пропасти, сталкивает людей вниз и любуется, как их обезображенные тела, подсакивая на валунах и уступах, летят в преисподнюю. Сотни тысяч, миллионы тел... Одни канули

-
- Алексей Васильевич Манаев родился в 1949 году на Белгородчине. Литератор и журналист. В 1972 году окончил отделение журналистики историко-филологического факультета университета (теперь Казанский (Приволжский) федеральный университет), полтора десятилетия спустя – академическую аспирантуру. Кандидат исторических наук. Работал в средствах массовой информации и в федеральных государственных органах. Государственный советник Российской Федерации I класса. Публиковался в федеральных журналах «Наш современник», «Человек и закон», в журнале московских писателей «Московский вестник», в «Литературной газете», «Московском литераторе» и во многих других периодических изданиях федерального и регионального уровней. Автор и составитель нескольких книг. Живёт в Москве.

в вечность, другие в борьбе с циклопом прославили себя на все времена, погибнув, третьи не покидали поле брани даже тогда, когда были покалечены. Все знают Маресьева, но не все помнят, что он – один из многих. Не все помнят, что среди фронтовиков были глухонемые, женщины и мужчины, оставшиеся без рук-ног, дети-дошкольники и глубокие старики. Этот апокалипсис приучил и нас, не бывших на фронте, воспринимать героизм и жертвы как обыденность: чего ещё ждать от войны, кроме лишений? На то и война. Поэтому история подлинных Ромео и Джульетты воспринимается действительно как сказка.

Если вы, читатель, ничего не знаете о создании фильма «В бой идут одни старики», вы легко ошибётесь, пытаясь угадать, кто стоит за прототипами. И неумудрено. Некоторые наши «золотые перья» время от времени пытаются навязать обществу дискуссии по поводу того, почему иных предателей в генеральских мундирах надо причислить к рангу героев. А подлинные герои в навязываемой иерархии ценностей незаметно, но настойчиво вытесняются из нашей памяти.

Поэтому просто напомним: одна из сюжетных линий фильма «списана» с биографий Героев Советского Союза Надежды Васильевны Поповой и её супруга Семёна Ильича Харламова. Хотя генерал-полковник Харламов, заслуженный военный лётчик СССР, был и консультантом кинокартины, многое осталось за кадром. Представьте: Надежда Попова долгое время летала в одном экипаже со штурманом и подругой Екатериной Рябовой. Она тоже была удостоена звания Героя Советского Союза. Из воспоминаний сослуживцев: «Надежда Попова, Надя – красивая, яркая девушка с весёлым, смеющимся лицом, летавшая азартно и смело. Могла, например, во время полёта вылезти из кабины и сидеть, свесив ноги... Летала она с самого начала с Катей Рябовой – круглолицей, жизнерадостной студенткой с мехмата МГУ. Экипаж был безотказный, смелый, не боялся сложных метеоусловий и жёсткой обстановки над целью...»

Но и этим наша история не ограничивается. И Екатерина Васильевна Рябова стала супругой лётчика. Да не просто лётчика – дважды Героя Советского Союза Григория Флегонтовича Сивкова. Удивительно! А ещё удивительнее, что каждый пятый сослуживец Надежды Поповой и Екатерины Рябовой удостоен Звезды Героя.

Причём некоторые из них хаживали по саратовской земле. Семён Харламов родился в посёлке (теперь город) Красный Кут, поступил в Качинскую лётную школу, эвакуированную на малую родину. Так что учиться искусству боевого пилотажа пришлось в родных стенах. Кажется важным напомнить об этом, потому что на сайте администрации Краснокутского района, например, герой-земляк даже не упомянут. В статье Википедии, посвящённой посёлку, упоминается, что 3 сентября 1941 года Степан Анастасович Микоян окончил Качинскую военную авиационную школу пилотов, к тому времени эвакуированную в Красный Кут. Рад за Степана Анастасовича – отважный был лётчик. Жаль, что о Семёне Харламове опять ни слова. В другой статье Википедии о Краснокутском лётном училище гражданской авиации (сейчас – филиал Ульяновского высшего авиационного училища данного профиля), сказано, что оно образовано на базе Качинского лётного училища. Но о Харламове в ней тоже не упоминается. Как говорится, в небе повезло. А на родной земле почему-то не везёт.

В этой связи, думается, не лишним будет напомнить и о том, что в Энгельсе, выполняя приказ командования, в начале войны Герой Советского Союза Марина Раскова сформировала авиагруппу из трёх женских авиаполков: 586-го истребительного, 587-го бомбардировочного и 588-го ночного бомбардировочного. Судя по воспоминаниям, учились лётному делу ускоренными темпами. Сводки Совинформбюро приносили нерадостные сообщения. Наши войска отступали. Лётчиков на фронте не хватало. Девушки рвались воевать. Жили в землянках,

которые вырыли сами. Занимались по 12–14 часов в день. А то, что недобрали на скоротечных занятиях по технике пилотирования, восполняли мужеством.

Мы знаем многих героев войны, которые закрывали собой амбразуры. О девушках-лётчицах так не говорят. Но, по сути, эти хрупкие девушки старались закрыть собой от фашистских стервятников всё небо. Закрывать от бомб и снарядов детские сады и школы, города и сёла, беспомощно распластавшиеся в степном Поволжье и Подонье. Хотя бы на день. Хотя бы на час. Или хотя бы на миг. На день на первых порах не получалось. А вот на миг – удавалось. И удавалось часто. Пилотам 588-го полка ночных бомбардировщиков, где служили Надежда Попова и Екатерина Рябова, – тоже. Уже в июне 1942 года они приняли участие в боях на Южном фронте.

Сначала барышень в лётной форме всерьёз не принимали. Командир дивизии, куда прибыл ночной полк, удивился: «В чём мы провинились? Почему нам прислали такое пополнение?» А вот картинка из воспоминаний начальника штаба полка Ирины Ракобольской. Однажды по неотложным делам она прилетела в соседний, мужской авиаполк. «Мы нашли домик командира полка и постучали в окошко. Выглянул молодой мужчина в белой нижней рубашке. Я доложила: «Начальник штаба 588-го полка лейтенант Ракобольская». Гляжу, он как-то побелел и глаза испуганные. Но когда я рассказала о цели нашего прилёта, он радостно заулыбался... и признался под конец: «А у меня выбыл начальник штаба полка по болезни, я и подумал, что мне вас прислали вместо него, даже испугался». Номера полков похожи: 288-й и 588-й. Немудрено ему было побелеть, увидев девчонку под своим окном...»

Над девушками даже подтрунивали, называя их подразделение Дунькиным полком. Эта своеобразная кличка вобрала в себя всё. И то, что командовала полком лётчица хоть и опытная, с десятилетним стажем, по фамилии Бершанская, но имя, имя-то у неё было «говорящее» – Евдокия! И то, что полк числом более чем сто человек состоял из девушек, едва-едва вылупившихся из школьной скорлупы, и был полностью женским формированием. Правда, однажды на Кубани к полку прикомандировали радиотехника. Требовалось установить радиосвязь хотя бы с одним самолётом – разведчиком погоды, чтобы лётчик мог сообщать о метеообстановке над целью. Невысокий скромный парень сторонился «лётной гвардии» в девичьем обличе. Терпел. Но, когда ему на складе выдали весь ассортимент женского белья, терпение кончилось. Он заявил командиру, что радиосвязь установить невозможно, поэтому просит откомандировать его обратно. Откомандировали.

Девчонки оставались девчонками: возили в самолётах котят, танцевали в нелётную погоду на аэродроме прямо в комбинезонах и унтах, вышивали на портянках незабудки, распуская для этого голубые трикотажные кальсоны, и горько плакали, если их отстраняли от полётов. Кое-кому действительно трудно было представить, что эта как следует не оперившаяся гвардия способна противостоять хвалёным фашистским тузам.

А главное – на чём противостоять? Девушкам пришлось летать на У-2, позднее переименованном в ПО-2. Помните реплику Кузнечика из фильма «В бой идут одни старики»: «Ромео из Ташкента загрузил: Джульетта в кукурузнике умчалась». Это он, У-2. Принятое на вооружение в 1928 году детище конструктора Поликарпова было для своего времени машиной завидной. Но к началу войны на фоне немецких «Мессершмиттов», «Юнкерсов», «Фокке-Вульфов» она выглядела агнцем, посланным на заклание.

Страна знала об этом. Всем своим существом ощущала сполохи надвигающейся войны и в маршевом темпе готовилась к ней. В короткие сроки были построены новые авиазаводы, разработаны новые типы военных самолётов, не усту-

павших люфтваффе. Но их выпуск начался перед самой войной – в 1940 году. Не успели. К тому же много машин было потеряно в первые дни войны. Ряд авиазаводов пришлось эвакуировать за Волгу, за Урал, и на быстрое масштабное пополнение авиапарка рассчитывать не приходилось.

Поэтому пришлось воевать на том, что есть. Надо было использовать любую возможность, чтобы прикрыть войска с воздуха. Любая «летающая этажерка» была на вес золота. А У-2 – тем более. Самолёт! Никого, естественно, не радовало, что этот самолёт-биплан с двумя открытыми кабинами, расположенными одна за другой, и двойным управлением – для лётчика и штурмана, был едва ли не полностью деревянным и мог загореться даже от спички, что у него не было радиосвязи, бронеспинков, защищающих от пуль и осколков. Бомбового отсека тоже не было, и бомбы приходилось подвешивать под крылья. Тихоходный «лайнер», для которого скорость 120 километров в час была запредельной, превращался в медлительную воздушную черепаху, а скорость «Мессершмиттов» даже в начале войны подбиралась к 500 километров в час. Пулемёты были установлены только к концу 1944 года. Личным оружием – пистолетом – с «Мессером» много не навоеешь. Словом, если иметь в виду и техническую сторону дела, то ни дать ни взять – Дунькин полк!

Однако относились к полку с нескрываемой иронией недолго. Из публикации в публикацию в средствах массовой информации кочует такая версия. В разгар боёв в донецких степях наши разведчики захватили в плен долговязого немецкого ефрейтора. На допросе выяснилось, что ефрейтор с автоматом на груди уже побывал с «визитами вежливости» в некоторых странах Европы, но нигде не испытывал столько неприятностей, сколько в России.

– Что больше всего достаёт? – спросили его.

Ефрейтор не раздумывал:

– Партизаны, артиллерия и... ночные ведьмы...

– Какие ведьмы?

– Эти... Тра-та-та-та... Бах! Бах!

Да, вскоре фашисты окрестили (стали величать!) наших девушек «ночными ведьмами».

Заставили!

Заставили смекалкой. Бомбовые удары наносили, как правило, ночью. Летали на бреющем, на предельно низких высотах. На подлёте к цели выключали моторы и планировали, как привидения.

За ночь наносили пять-шесть визитов к противнику летом и 10–12 – зимой. Чтобы уменьшить время в полёте и благодаря этому успеть сделать больше вылетов, организовывали «аэродромы подскока», перелетая на них поздно вечером, а утром возвращаясь на основную площадку. Остаться днём на «подскоке» было опасно. Его доставала фронтальная артиллерия.

Заставили бесстрашием. На У-2 вначале не было парашютов, но даже тогда, когда они появились, экипажи парашюты не брали, предпочитая 20 дополнительных килограммов бомб. Знали: на своей земле и на подбитом самолёте сумеют приземлиться, а там, где хозяйничают фашисты, лучше остаться в горячей машине.

Немцы встречали ночных гостей, конечно, не цветами и фейерверками, а плотным зенитным огнём. Когда выяснилось, что зенитки не справляются с «ночными ведьмами», позвали на помощь «джентльменов» на «Мессершмиттах». В одну из ночей было потеряно сразу три самолёта. Случалось, что пилоты погибали, и тогда до аэродрома машины вели штурманы. Иногда самолёты вспыхивали в воздухе как спички. Огонь на глазах девушек-подростков уносил в небытие подруг, а они, глотая слёзы, продолжали вести бомбардировщики «в весе комара» к цели.

В 1943 году при освобождении Новороссийска Надежда Попова получила задание: доставить отрезанным от наших войск морским пехотинцам питьевую воду, питание и боеприпасы. Груз сбросила и развернула самолёт обратно. Немцы открыли ураганный огонь. Попова направила самолёт к морю, но и там её встретили огнём. Крадучись над волнами, взяла курс на Геленджик. Добралась. В машине насчитали 42 пробоины.

Так, теряя друзей и подруг, попадая едва ли не каждый день в передраги, шли, вернее, летели, девушки к Победе. Тот самый, именуемый остряками Дунькиным полк стал гвардейским, получил почётное наименование Таманского, был удостоен орденов Красного Знамени и Суворова III степени. И Надежда Попова, и Екатерина Рябова сделали более 800 боевых вылетов каждая.

А ведь скидок на то, что машинами управляют девочки, девчонки, не было. Как модно сейчас говорить, картина маслом: у одного из экипажей осталась неиспользованной светящаяся авиабомба, которую штурман, державшая её на коленях, выбрасывала над целью, чтобы она, опускаясь на парашюте, освещала местность. Двое техников-механиков вскрыли эту бомбу и сшили себе из парашюта трусики и лифчики (женщины в первое время получали мужское бельё). Кто-то доложил об этом «компетентным органам». Дело перешло в трибунал. Нарушителей судили и дали по 10 лет. Девушек спасли, добившись, чтобы они отбывали наказание в полку и искупили вину. Обе переучились на штурманов, и обе были награждены.

Впрочем, фраза о том, что девчонкам не было скидок, лукава. Были! Обратимся к мемуарам ветеранов полка Ирины Ракобольской и Натальи Кравцовой «Нас называли «ночными ведьмами». После Восточной Пруссии в полк впервые приехал командующий фронтом маршал Константин Рокоссовский. В феврале ещё девяти девушкам было присвоено звание Героя Советского Союза. И вот 8 Марта, в женский день, Рокоссовский прибыл, чтобы вручить награды.

Ирина Ракобольская вспоминает: «Я помню, как была потрясена, когда вошла в комнату, где находилось не менее десяти генералов (командующий приехал со своими заместителями и, конечно, с Вершининым (командующим 4-й воздушной армией, в которую входил полк. – А.М.), чтобы доложить Бершанской (командиру полка. – А.М.), что в зале всё готово. Я вошла – Рокоссовский встал, и за ним встали все остальные командиры. «Товарищ маршал, разрешите обратиться к командиру полка», – доложила, стою, и все стоят... Рокоссовский предлагает мне сесть, и все садятся тоже... До меня не сразу дошло – ведь это он встал передо мной как перед женщиной!»

И мы, читатель, невольно выпрямляемся, когда думаем о «ночных ведьмах». И мы с вами готовы не просто вытянуться в струнку перед ними, а стать на колени, поклониться до земли за всё, что они совершили. Но это благоговение иногда приводит к опрометчивым, если не сказать странным выводам. Их представляют иногда как отшельниц и в этом видят истоки героизма. Источник называть не буду, но процитирую: «Женщине-бойцу нужно было быть на недосыгаемой высоте моральных качеств, чтобы не вызвать перетолков на свой счёт. А общение с мужчинами этому не способствовало. Потому-то «ночные ведьмы» избегали мужского общения. Штурманы – девочки, механики – девочки, стокилограммовые бомбы подвешивали вчетвером. Спали под крыльями самолётов в брезентовых мешках, по двое, в обнимку. Игнорировали мужчин: думали, они приносят беду».

Нынешнее прочтение фронтовых будней некоторыми режиссёрами, актёрами, беллетристами с акцентом на прелюбодеяния, на голые тела вызывает протест. Но и ханжество ни к чему. Почитайте мемуары процитированных мной Ракобольской и Кравцовой, вдумайтесь хотя бы в эту фразу: «Постепенно

изменялось наше отношение к окружающему и к самим себе: стали делать маникюр и причёски, украшать своё общежитие, появились коврики над кроватями, подушечки, голубые подшлемники, разрешали приказом по полку на праздники надевать штатское платье, и влюблялись девушки, и командование полка принимало это серьёзно – по-человечески».

По-человечески – значит вот как. В конце войны, по воспоминаниям лётчиц, случилось чрезвычайное происшествие: одна из новеньких, прибывшая в полк вместе с пополнением, собралась рожать. Командир полка и начальник штаба поехали к командующему 4-й воздушной армией К. А. Вершинину, чтобы доложить о случившемся. А он в ответ: «Если эта женщина, находясь в таком положении, летала на боевые задания и никто даже не подозревал, что она беременна, то её не наказывать, а награждать надо! Она же – героиня! Езжайте в полк и готовьте подарки. Это не ЧП – это праздник!»

Поэтому, как мне кажется, встречаемая в публикациях фраза – на фронте нет места чувствам – противоестественна. Как же без чувств? Без любви к Родине, к отчужденному, без симпатий к сослуживцам? Героизм – без чувств? Мужество – без чувств?

Напомню о кавалерах «ночных ведьм». Пермяк Григорий Сивков успел окончить до войны авиационный техникум и военную школу лётчиков, поэтому воевал с декабря 1941 года. Больше всего довелось летать на штурмовике ИЛ-2, машине очень живучей. Бывали случаи, когда лётчик возвращался с задания почти что на дуршлагае: на крыльях и фюзеляже насчитывали до 50 пробоин. Конструкторы называли Ил-2 «летающим танком», лётчики люфтваффе – «бетонным самолётом», солдаты вермахта – «чумой», «чёрной смертью».

Но и «чёрная смерть» была уязвима: в постоянно висящий над фронтом штурмовик били и сверху, и снизу. На каждые 50 вылетов одна потеря. Не случайно, если судить по документам, после 1943 года звание Героя Советского Союза присваивали тем, кто сделал 80 и более вылетов. Григорий Сивков поднимался во фронтовое небо 247 раз. Не было недостатка и в самых экстремальных ситуациях: самолёт пять раз горел, и спасало только чудо. Однажды оказался в самом логове фашистов. Выручил однополчанин, сумевший приземлиться на своей машине и умыкнуть друга из-под носа гитлеровцев.

Саратовец Семён Харламов после окончания авиашколы с мая 1942 года принимал участие в боевых действиях в истребительном полку. На его личном счету тоже, естественно, есть сбитые «Мессеры». Но основной лётной специализацией Семёна была воздушная разведка. По крайней мере, большинство из 700 боевых вылетов совершено с этой целью. Самые серьёзные задачи – его, самые опасные направления – тоже его. Но самые точные разведанные принадлежали ему и его подчинённым.

Однажды фронтовые пути-дороги наших героев пересеклись с путями-дорогами героинь. Из некогда популярной песни слова не выкинешь: «первым делом» для них действительно были самолёты. Но не стоит забывать: и парни, и девчонки воевали в самом цветущем возрасте. В возрасте, который жаждет любви.

Будете в пермских краях, загляните в местные музеи. Там увидите письма Григория Сивкова возлюбленной – Екатерине Рябовой. Столько в них сердечности, душевности, нежности – дух захватывает! Женский полк не завоевывал мужчин. Девушки очаровывали их простотой и естественностью, способностью в суровых условиях войны не пойти «вразнос» и не очерстветь от горя и испытаний. Такие они были. Нет, не «ночные ведьмы». Русские мадонны!

Случай на войне тоже играл свою роль – иногда роковую, иногда – царственно щедрую. Вот как об одном из них рассказывали сами участники событий. Однажды самолёт Надежды был подбит. Она еле успела покинуть пылающую

машину. В тот же день Семён Харламов подбил «Мессершмитт», но и самому досталось. Залитый кровью, он сумел посадить «ястребок» на брюхо в расположении наших войск. Примчалась санитарная машина. Срочно удалили пулю из щеки. Но в теле, как оказалось, застряла дюжина осколков!

– Почему не оставили машину? – спросят его.

– Хотел сохранить самолёт, – ответит Харламов.

Повезли в госпиталь. А Надежда догоняла свою часть на полutorке. По дороге поравнялись с санитарной машиной.

– Кого везёте? – поинтересовалась.

– Раненого лётчика, весь изрешечён, – ответила медсестра.

Дальше поехали вместе. На разных машинах. На привале познакомились. Надежде запомнились озорные карие глаза, которые с любопытством рассматривали её в маленькую щёлку, оставленную в коконе бинтов. Прощаясь, бросила на ходу:

– Пишите, Сеня!

Сказала просто так – то ли из-за жалости, неожиданно возникшей к молодому коллеге, то ли из вежливости. Куда писать – адреса-то не назвала?

В течение года полк кочевал с аэродрома на аэродром, ночью делая бомбовые вылазки на фашистские «редуты», а днём отсыпаясь. Но однажды прибегает механик: «Товарищ командир, вас мужчина спрашивает!»! А у меня, вспоминала Надежда, самолёт уже стоит на взлёт. Оказывается, прибыл в гости он, Сеня. Пришёл в каком-то странном одеянии с чужого плеча. В очередном бою схватился с двумя фашистскими асами. Одного подбил, а второй его взял на мушку. Еле выбрался из горящей машины, всё обмундирование сгорело. Такой вот прибыл кавалер. Общалась с ним минуты две. В кабине самолёта были яблоки – полк стоял в садах – и фляжка с боевыми ста граммами, которые выдавали после ночных полётов. Надежда отдала ему всё, что накопила, поскольку к спиртному не притрагивалась, и – улетела.

А потом вновь бои, бои, бои. Новая тактика, новые приёмы. Первое время экипаж оставался как бы один на один с врагом, с плотным зенитно-пулемётным огнём, которым встречали фашисты каждый визит «ночных ведьм». Не всем, далеко не всем удавалось уклониться от снарядов. К тому же огонь зениток мешал сбросить бомбы точно в цель. После долгих споров выход был найден. Было предложено ходить «в гости» парами, с заранее расписанными ролями. У самой цели один экипаж утихомиривал мотор, планируя над объектом и сбрасывая бомбы. Затем на полном газу он «отваливал» в сторону. Фрицы, естественно, начинали шарить по небу прожекторами, поливая уходящего возмутителя спокойствия огнём. А в это время к цели незаметно подкрадывался второй самолёт, и – лови, фашист, гранаты.

Первым теорию подкрепил практикой экипаж Надежды Поповой. Свои задачи решал и Семён Харламов. Встречали фамилии друг друга в газетах и радовались, что живы. 23 февраля 1945 года они сошлись на первых полосах – в указе о присвоении звания Героя Советского Союза. Поняли: это судьба. Брак засвидетельствовали 10 мая 1945-го очень оригинально – расписавшись на рейхстаге.

В мирное время Семён Харламов командовал 36-й воздушной армией, занимал другие командные должности. Надежда Васильевна уволилась из Вооружённых Сил в 1952 году в звании майора. Была депутатом Верховного Совета СССР, возглавляла общественную комиссию по работе с молодёжью при Российском комитете ветеранов войны и военной службы.

А чета Сивков – Рябова, ставшие супругами в июне 1945 года, штурмовала высоты науки. После окончания Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского Григорий Сивков испытывал реактивные самолёты. Потом

защитил кандидатскую диссертацию. Долгое время генерал-майор возглавлял кафедру академии. Екатерина Васильевна продолжила начатую до войны учёбу на механико-математическом факультете Московского государственного университета, тоже защитила кандидатскую диссертацию и воспитывала молодое поколение.

Так совпало, что учёба Григория Флегонтовича в академии наложилась на учёбу Екатерины Васильевны в университете. Жили вшестером в маленькой московской квартире. Сложности начались, когда появился первенец.

«Первую половину дня с Наташей сидела Катя, – пишет Григорий Флегонтович в мемуарах. – Сменял её после обеда я, как только возвращался из академии. Катя ехала в университет готовить дипломную работу. Так распределялся у нас день. Но труднее была ночь. Сначала мы дежурили по полночи, но не получилось: не высыпались оба. Очередной эксперимент – дежурить по целой ночи – оказался более успешным. Через день мы отсыпались, это уже легче. Молодой папа научился пеленать. Удивительно: вышла из меня, как говорили, неплохая няня!»

Завидная картина: в роли няни, в подчинении жены, Героя Советского Союза – генерал, дважды Герой Советского Союза. С ума сойти от истории этой любви. Нет-нет да и вспомню фразу из дневника лётчицы ночного полка Героя Советского Союза Евгении Рудневой, погибшей над Керчью в 23 года: «Зачем мне целый мир? Мне нужен целый человек, но чтобы он был «самый мой». Тогда и мир будет наш».

Да, именно так: тогда и мир будет наш! И кто нас с вами, читатель, убедит после всего этого, что чувства на фронте были противопоказаны? И, может быть, только тогда, когда встретишь человека, который был бы «самый мой», даже, казалось бы, отчаянно сказочная история, как в нашем случае, вопреки жестокой логике войны, становится былью?

*Григорий Флегонтович Сивков
и Екатерина Васильевна Рябова*

*Семён Ильич Харламов
и Надежда Васильевна Попова*

**Алексей
КОВАЛЕВСКИЙ**

СВОЯ ПРАВДА

Заметки по разным поводам

2016–2017

*

Все пройдёт, останется любовь.
Вы чувствуете это? Предощущаете всем своим духовным опытом, что так и будет?

*

Чтобы слышать музыку, надо изрядно пожить на свете. В качественном смысле. Чтобы слышать стихи – может, ещё больше. Да, ещё больше.

*

Есть у Рубцова стихи, к которым не подступишься с интерпретациями, так страшно что-то не то сказать, выделить одно и не охватить другое, вообще снизить планку восприятия из-за необходимости передать невыразимое. А есть и такие строчки, которые ставят его в досадный ряд обыкновенных, а на фоне его же самого – так и просто поверхностных, нарочито разбитых поэтов.

*Стукнул по карману – не звенит.
Стукнул по другому – не слышать.
В тихий свой, таинственный зенит
Полетели мысли отдыхать.*

И ещё пара десятков стихотворений может быть названа: про воробья и зайца, разбойника Лялю и петербургские тру-

-
- Алексей Владимирович Ковалевский родился в шахтёрском посёлке Юрьевка Луганской области в 1955 году. Автор двух десятков книг – в том числе на русском языке: «Жар-цвет», «Весна-Живана», «Небославье», «Ген свободы», «Кто ты – не знаю, или Письма в Рогово», «Власть людей», «После Майдана», «Порох и метан», многих публикаций в периодике. Лауреат четырёх литературных премий. Окончил Литературный институт в 1984 году. Член Национального союза писателей Украины и Национального союза журналистов Украины.

щобы, тралфлот и продажу фиалок. Но, к счастью, и в них улавливается непередаваемое очарование рубцовской музыки. Даже вот в этом заезженном и оказавшемся самым доступным для широких масс:

*Я буду долго
Гнать велосипед.
В глухих лугах его остановлю.
Нарву цветов
И подарю букет
Той девушке, которую люблю.*

Правда, написано это поэтом в ранней молодости. Впереди у него было ещё целых девять лет для настоящих шедевров. Всего девять лет...

*

– Не стало страны, устремлённой к социальной гармонии и гуманизму, начал сыпаться и остальной мир – будто увидел, что утопична даже элементарная его целостность, а не то что духовно-нравственные устои.

– Скажи ещё – скрепы.

*

Бога надо воспринимать прежде всего как Спасителя. И тогда не будешь бегать по задворкам религий, увлекать свой ум реинкарнациями, постигать какие-то там незыблемые природно-космические законы – и при этом всё больше не понимать, что такое благодать, не улавливать её дуновений и обнадеживающих, укрепляющих душу знаков.

*

Специалист по свету и тени – это не художник, а священник.

*

Ах, как старательно письменница Забужко проводит мысль о недопущении в детские умы классового понимания действительности. То есть вот ты, мальчик, живёшь в каморке, а твой сверстник – в палаццо? И что! Не это главное. Главное, чтобы ты смотрел вокруг воспитанным, уветливым, глубоко умиротворённым взором. Тянул свою ляжку и не мешал Плохишу выцарапывать из тебя жизнь с самого нежного возраста. Потому что это называется – свобода! Вожденная и нелукавая.

*

Герои в убогой обстановке – и фильм уже теряет в привлекательности. Американцы давно это поняли. И в кино, и в жизни.

*

В Париж, а в нём было шесть миллионов населения, вошли без единого выстрела.

Ничего не напоминает?

*

- Материя – застывшая мысль Бога.
- Сказано броско, но вряд ли для него это комплимент.

*

Всё предопределено. И лучше сосредоточиться на крупницах радости, которые тоже есть в этой предопределённости. Сосредоточиться, конечно, настолько, насколько получится. А тут уж у каждого свои нервно-психологические возможности. Jedem das seine, как сказано не нами.

*

Имперская культура в восходящих потоках русского духа – это Пушкин, а в нисходящих, утягиваемых вниз чужеродной всеядностью и площадным демократизмом, – Маяковский.

*

Далеко не каждый знает, а может, и никто не знает, кто он на самом деле. Это выяснится лишь при последнем суде.

*

- Раньше и впрямь надо было больше *сочинять*, а теперь всё-таки *пишут* – свободно, близко к жизни, а может, и к душе.
- Только с какой стороны ближе? Явно же – с задворочной, а не лицевой.

*

Мать и отец ушли – жизнь будто ужалась. Потому что своей, развёрнутой и полновесной, не создал? И то, что написал три с половиной десятка лет тому назад, застаёт вдруг ещё более растерянным, чем прежде:

*Ничего тревожащего вроде –
Всё полно привычного значенья.
Вон отец и мать на огороде
Жгут ботву во мгле передвечерней.*

*Пасмурна осенняя погода,
Пасмурны задумчивые лица.
Дым над опустелым огородом,
Расстилаясь понизу, клубится.*

*Дым как дым – и сладок он, и горек,
Прожит год – и дым плывёт над пожейей.
В приглушённом дальнем разговоре –
Ничего особенного тоже.*

*Бродит месяц в облачных просветах,
И звезда глядит из-за плетня.
Позову – и не дождусь ответа...
– Мать, отец, вы слышите меня?!*

*

«Деревенская» литература говорила с душой русского человека, да и человека вообще любого; а у Морозова её нет, этой души, или она чуть отморозена; ему бы только «дела», «прогресса». Но ведь есть и другие измерения бытия, другие ценности, нежели те, которыми этот критик нашпигован, как окорок чесноком. Ещё один перестройщик? Герцен из Новокузнецка? Где пытаются ковать для России очередное новое счастье.

*

– Читал ещё в девяностые. Все равны у какой-то разновидности инопланетян. Получают достаточный минимум и рядовые, и руководители. А мотивацией к производительному, творческому труду служит любовь к ближним и Отечеству. У нас же за мысль о социализме, причём социализме с человеческим лицом, скоро срок будут впаивать, лишь бы паразитам жилось вольготно. «Неправильных» уфологов, говорящих о далёких, но подлинно высококоразвитых, то есть социально справедливых цивилизациях, и тех заткнули. Ходу в СМИ им уже не дают, ты заметил?

*

Ерёмин, профессор, признанный авторитет в области пушкиноведения, слушал, слушал на зачёте моё бурчание по поводу философской облегчённости поэзии «нашего всего» и вдруг с грустью суммировал:

– Вы не любите стихи.

И, наверное, был прав. Стихи в расхожем их понимании не люблю. Хочу чего-то недостижимо большего в них, мировоззренчески прорывного, а не просто разводов и художеств, пусть и самых ярких.

*

Интересно, переведена ли на какой-нибудь западный язык поэма Кузнецова «Сшествие в ад». Думаю, что вряд ли. И даже в планах не значится. А ведь это рядом с Данте. Вполне. Даже разворотистее и насыщеннее.

*

Когда писал Кузнецов свои последние поэмы, то боялся выйти даже на улицу – чтобы что-нибудь не случилось, не дав закончить задуманное. К сожалению, смерть и дома нашла. И «Рай» поэта остался только в зачаточном состоянии.

*

Достоевский в «Братьях Карамазовых» дошёл до черты, за которую живых не пускают. Но он готов был переступить её – и поэтому умер.

Так я считал в юности.

А вот сейчас, чтобы проверить свои прежние ощущения, перечитывать роман, весь этот поспешно-горячечный и архаичный слог и такие же богоскисания, не хочется.

Между прочим, кто-то заметил, что в переводе на украинский Достоевский смотрится современнее, становится читабельнее. Может быть. Но и это проверять меня не тянет.

*

Даже в позднесоветских фильмах отечественные красотки по сравнению с теперешними – простушки.

*

В ходу усреднённое, а сильное, пусть и угловатое, может пробить в печать только человек с именем, литератор из первого ряда.

*

*Положим, просёлок – дорога,
И лес утопает во мгле.
Положим, что это немного
Для счастья на русской земле.*

*Положим, что это немного...
Но как хорошо, что во мгле
Есть именно эта дорога
На именно русской земле.*

С этими стихами, причём напечатанными в «Новом мире», появился в нашем семинаре Анищенко. Правда, быстро исчез. Из-за нетрезвого образа жизни. Строчки простые, а запомнились сразу и навсегда.

Был и такой случай. Сергей Куц принёс в общагу ходившую в рукописи подборку Александра Ерёмко. Было занятно, неожиданно. Но и только. Запомнилось лишь это:

*Я мастер по ремонту крокодилов,
Закончил соответствующий вуз.
Хотел попасть в МИМО, но я боюсь,
Что в эту фирму не берут дебилов.*

Фиглярство, пусть и со смыслом, а привязалось. Этот автор так и не окончил Литинститут. Анищенко же, периодически восстанавливаясь, за десять лет всё-таки получил диплом. Образ жизни Ерёмко вёл аналогичный анищенковскому. Правда, богемный, московский, а не самарский.

*

– Традиция – совесть поэзии? Народ – тело, а нация – дух? Красиво.

*

– Христос пришёл увещевать богатых. Чтобы не было революций.
– И бедных пришёл увещевать – с той же целью.

*

«Конечно, музыка выше, чем стихи», – думаешь в какие-то минуты, слушая «Адажио» Альбинони. Но съезжает и он на случайный мотив – и возвращаешься к прежним своим предпочтениям.

*

И улица Литературная есть в Харькове, и площадь Поэзии, только вот здорового воздуха для творчества не хватает. Даже расфасованного по баночкам ни в аптеке не купишь, ни в горисполкоме не выразишь.

*

В «Литературке» прочитал, поляковской: «От убогости потребительской жизни люди ищут спасения кто где. Кто уходит в лес, а кто на войну». А? Каково? Американцу «потреблять» никогда не надоест, а русскому оно смерть. Посему война будет, будет. Третья мировая, четвёртая, пятая и т.д. Ибо русский никогда не смирится с бездуховностью окружающего его мира. С гольтепой, злыднями – да, а с бездуховностью и аморалкой – ни за что.

*

Читайте, деревья, стихи Гезиода.

Что-то искусственное, лирически поверхностное для меня в подобных строках. Писал человек, хоть и родившийся в селе, но легко ставший городским, то есть плохо «растворяющимся» в природе. Пусть он и поэт большого дара. Но, увы, не рубцовского, а чуть более глуховатого.

*

Давно известно, что человечество вполне можно не только любить, но и ненавидеть. За двадцатый век – особенно. Двадцать первый, кажется, ничего не собирается менять в старом недобром раскладе.

– Традиционалист новый век ещё тот. Фундаментальнейший.

*

В целом не люблю Набокова – много бумажных, интеллигентствующих слов, но как пройти мимо вот этого:

РОДИНА

*Бессмертное счастье наше
Россией зовётся в веках.
Мы края не видели краше,
а были во многих краях.*

*Но где бы стезя ни бежала,
нам русская снилась земля.
Изгнание, где твоё жало,
чужбина, где сила твоя?*

*Мы знаем молитвы такие,
что сердцу легко по ночам;
и гордые музы России
незримо сопутствуют нам.*

*Спасибо дремучему шуму
лесов на равнинах родных*

*за ими внушённую думу,
за каждую песню о них.*

*Наши дом на чужбине случайной,
где мирен изгнанника сон,
как ветром, как морем, как тайной,
Россией всегда окружён.*

А «Расстрел», в котором ещё меньше затёртых «счастливых» и «стезей», изгнанников и мирных снов, но столько пронзающего, входящего навсегда в сердце чувства:

*Бывают ночи: только лягу,
в Россию поплывёт кровать;
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать.*

*Проснусь, и в темноте, со стула,
где спички и часы лежат,
в глаза, как пристальное дуло,
глядит горящий циферблат.*

*Закрыв руками грудь и шею –
вот-вот сейчас пальнёт в меня! –
я взгляда отвести не смею
от круга тусклого огня.*

*Оцепенелого сознания
коснётся тиканье часов,
благополучного изгнания
я снова чувствую покров.*

*Но, сердце, как бы ты хотело,
чтоб это вправду было так:
Россия, звёзды, ночь расстрела
и весь в черёмухе овраг!*

– Сильно! Однако и чуть картинно, нет? – несмело отзывается критикан, на минутку замерший было во мне от этих прожигающих строк.

*

– Что на небе, то и на земле? Что на земле, то и на небе? Это всего лишь фразы, придуманные недобросовестными или искренне заблуждающимися сочинителями.

*

Иные сцены в комедиях Гоголя – набор если не благоглупостей, то ребячливости, которая у того же Пушкина, например, должна была бы вызывать разве что снисходительную усмешку по отношению к «простодушному малороссу». Сам-то Пушкин был серьёзен, комедий не писал. Достойному русскому мужу оно как бы не к лицу. А «ущербные» пусть себе ско-

мороществуют. Империя достаточно сильна, чтобы позволять им такие вольности.

– Если бы не этот «ущербный», мы бы гораздо хуже знали Россию в её тeneвых, мещански заскорузлых и карикатурных проявлениях.

*

Лучшие советские поэты стремились писать кратко. От большого таланта? Не только. Часто и от нежелания ляпнуть чего-нибудь лишнего, двусмысленно читаемого, уязвимого для цензуры, для издательского редактора.

Но поколение Ленки Воробей (не комедиантки, а харьковской поэтессы) обрекает на вымирание подобную эстетику. Сочиняют что угодно и как угодно, самовыражаются будто бы сполна, без оглядок на колоды и колодки, однако остаются воробьями, до соколов недотягивая. Хотя бы и до Владимира Соколова, вот этого его «краткого»:

*Извилист путь и долог.
Легко ли муравью
Сквозь тысячу иголок
Тащить одну свою?*

*А он, упрямец, тащит
Её тропой рябой
И, видимо, тащит
Глаза перед собой.*

*И думает, уставший
Под ношею своей,
Как скажет самый старший,
Мудрейший муравей:*

*«Тащил, собой рискуя,
А вот, поди ж ты, смог.
Хорошую какую
Иголку приволок».*

(«Муравей»)

*

У Владимира Крупина: «Идущие за Христом всегда будут гонимы. Это о нас. Если явно не гонимы, то постоянно оболганы. Надо к этому привыкнуть и жить спокойно и не обижаться ни на кого. И выполнять свою миссию. А миссия у России – сохранять присутствие Христа на Земле».

Сколько здесь правды, а не порыва, можно спорить, но показательно само направление мысли. У нас такое часто встретишь?

*

«Люди с бюджетным менталитетом».

Гордые собой предприниматели придумали формулировочку.

*

Евтушенко о Кузнецове – в интерпретации слышавших: «Да, Юра талантливый поэт, но, когда подходит, не знаешь, то ли обнимет, то ли в морду даст». Однако надо подчеркнуть, что это Евтушенко относительно себя сомневался, а Тряпкин, допустим, о себе твёрдо знал: только обнимет.

*

– Не культивировала бы просвещённая монархия среди дворян французский язык – а немецкий, скажем, да хотя бы и английский – не было бы в России ни декабристов, ни последующих революций.

– Но и Пушкина не случилось бы. Бодрого, оптимистичного. А Лермонтов стал бы ещё более пасмурным.

*

– Поверхностный срез, обыденный контекст. А толща традиции, её вертикальные маркеры – за семью печатями.

– Но идёт нарасхват.

*

– Сейчас нет литературы – сплошь литературщина. Явная или завуалированная. Цветёт бумажным цветом. И бумагой же пахнет. Или виртуальным вакуумом, который ещё более «несъедобен».

*

Прилепин игрив и верноподдан одновременно, но порой и встрепенётся, как от удара током: «Браво, Захар!» Особенно когда попридержит свой талант и примется цитировать умных людей. Последнее, чем пронял, – изречение Джона Кейнса, вот оно: «Капитализм – это исключительная вера в то, что деятельность самого гнуснейшего подонка, движимого наиболее низменными мотивами, каким-то образом окажется на благо всем».

*

Несколько месяцев тому назад, накануне годовщины его смерти, приснился Маслов (харьковский русский писатель, если кто-то нуждается в объяснениях). Сказал: «Это я». Чуть помолчал и добавил: «Я просто так». И быстро ушёл.

Очень умно. Утверждал бы что-то, отрицал, предостерегал – вряд ли бы я поверил, что это не какие-то принявшие его образ фантомы, а именно он.

*

Только недавно узнал, что знаменитые «Стихи в честь Натальи» Павла Васильева, в которых он восхищается своей избранницей, словно законной женой, любимой и любящей, были посвящены женщине, не отвечавшей ему взаимностью, более того – верной жене другого. А именно Сергея Михалкова. Рассказывают, будто однажды целую ночь Васильев на коленях простоял перед дверью супругов, но так и не был удостоен внимания возлюбленной. Хотя вскоре именно из-за этого своего униженно-дерзкого поступка и оказался в каталажке. Видимо, по ходкому тогда политическому доно-

су. А там и вовсе поплатился жизнью. Причём якобы не по приговору – всё было чудовищней и символичней: во время прогулки вывалился из строя, потянулся к цветку – и получил пулю от конвоира.

*...Я люблю телесный твой избыток,
От бровей широких и сердитых
До ступни, до ноготков люблю,
За ночь обескрылевшие плечи,
Взор, и рассудительные речи,
И походку важную твою.*

*А улыбка – ведь какая малость! –
Но хочу, чтоб вечно улыбалась –
До чего тогда ты хороша!
До чего доступна, недотрога,
Губ углы приподняты немного:
Вот где помещается душа.*

*Прогуляться ль выйдешь, дорогая,
Всё в тебе ценя и прославляя,
Смотрит долго умный наш народ,
Называет «прелестью» и «павой»
И шумит вослед за величавой:
«По стране красавица идёт».*

*Так идёт, что ветви зеленеют,
Так идёт, что соловьи чумеют,
Так идёт, что облака стоят.
Так идёт, пишичная от света,
Больше всех любовью разогрета,
В солнце вся от макушки до пят.*

*Так идёт, земли едва касаясь,
И дают дорогу, расступаясь,
Шлюхи из фокстротных табунов,
У которых кудлы пахнут псиной,
Бёдра крыты кожей гусиной,
На ногах мозоли от обнов.*

*Лето пьёт в глазах её из брашен,
Нам пока Вертинский ваш не страшен –
Чёртова рогулька, волчья сыть.
Мы ещё Некрасова знавали,
Мы ещё «Калинушку» певали,
Мы ещё не начинали жить...*

Полностью найдёте и прочтёте сами, у меня и от приведённых строк перехватывает дыхание. Но теперь это не быллой восторг, не радость за человека с его распахнутым на всю страну счастьем, а угрюмая горечь и обида: неужели нельзя было помягче разрулить ситуацию, в которой оказался выдающийся поэт?

*

- Бог – идеальное «я» человека. С ним и разговариваем.
- И не только человека. Но и человечества. И мироздания. Так что поговорить есть с кем, не загоняйся.

*

Рубцов вряд ли учился композиции. В музыкальном смысле. А сколь совершенен также и композиционно в своих лучших стихах.

*

- Фрагментарный Хлебников содержательнее иных цельных классиков.

*

- Патриотизм – святой и примитивный – к нему в конечном счёте сводятся основные усилия поэтов.
- Но не усилия самой поэзии.

*

Никакой литературной изощрённостью, формалистическими выкрутасами не прикроешь облегчённость или пустоту содержания, тем более – не заменишь. А сейчас многие этим только и занимаются. Но недобитые традиционалисты, даже, казалось бы, самые вялые и безучастные к тому, что их отменили и выбросили на свалку, помалу приходят в себя и начинают говорить, кто есть ху. Например, одна поэтесса в нашей организации меня очень порадовала; а я уж было думал, что коллег всё устраивает или что они попросту не понимают, на каком свете живут. Оказывается, понимают, но не хотят высовываться из окопа. Авось танки пройдут мимо. Угу-угу. Танкам в первую очередь вас и надо намотать на траки.

*

Провинциальное бесстрашие перед банальностью и многословием – это Сырнева. И отсутствие школы, которое парадоксальным образом пошло во благо, – она.

Пушкинский код не в счёт – это не школа, а наследственность и воздух.

*

Алчнее, чем люди, ничего и никого нет на свете.

- И самоотверженнее – тоже.
- А собаки?
- Не путай человеческую жертвенность и собачью верность.

*

Любовью к Мандельштаму некоторые поэты подспудно будто оправдывают вялость, невыразительность, мелкотемье собственного творчества. Но оправдать всё это так и не получается. Потому что Мандельштам гений, а они средней руки таланты. И это в лучшем случае.

- Да, а в худшем – половины средней руки.

*

...Снобоватый интервьюер:

– Что сейчас, «1984» или «Скотный двор»?

Девушка, между прочим, внучка поэта Павлычко, чуть подумав, отвечает, что и то, и другое.

Я вот умнику сказал бы иначе:

– «Скотный двор» был, допустим, в двадцатые-тридцатые, «1984» – соответственно позже, а сейчас – 2016-й, не больше и не меньше.

А то достали уже этим Оруэллом, суют везде.

*

– Информационное общество обречено. Дьявол – его создатель – уж позаботится, будьте покойны. Ведь всё, что он создаёт, не для процветания предназначено, а для уничтожения человечества.

*

Американизированный поэт – обычное явление в сегодняшнем обществе. А национально взращённый, чисто украинский, например, вызывает чувство неловкости, неуместности и помалу выпалывается, как сорняк.

*

Читатель может выбирать только из представителей «альтернативной литературы». Традиционалистов к нему не подпускают. Кушай, что дают. Не хочешь? «Значит, не голодный», – отвечают.

Безальтернативный выбор. Традиционная штука.

*

– Западный стих устремлён к сложности и расхристанности, наш – к аскетизму и святости. Это основное, что нужно знать начинающему поэту. А там пусть выбирает по себе, чему служить.

*

Бессодержательность – стиль нашего времени. Но, прикрытая светлым лирическим намерением, она безобиднее, чем облепленная грязью, илом низменных страстей и помыслов.

*

Пастернак настолько мирный поэт, что тема войны будто поневоле снижает планку его стихов. Тоже шедевров, но чуть более ужатых, чем привычные для него художественные объёмы.

А мы вот сейчас только и живём что войной.

И без того были бедны, как церковные мыши, а теперь ещё беднее в своих поэтических возможностях.

*

Магическое косноязычие перемежается с обыденным умствованием, видно, как трудно поэту вытащить этот юбилейный панегирик, превратить непослушную массу в целостность; но он всё преодолевает, берёт полифо-

нией смыслов, открытостью сердца пред великим океаном бытия, его самоценными подробностями, то крупными и мощными, то неуловимыми и исчезающими.

*Ломиться в двери пошлых аксиом,
Где лгут слова и краснофечье храмлет?..
О! Весь Шекспир, быть может, только в том,
Что запросто болтает с тенью Гамлет.*

Стихотворение Пастернака «Брюсову». Автору – тридцать три.

*

Ранний Пастернак – сейчас его почти не читаю – это высокоорганизованная лирическая «горячка», высокохудожественная «ересь» выдающегося поэта, но не гения. Поздний – о, тут уже без полного преклонения, без священного трепета, будто перед кем-то недостижимо высшим, и подступиться не могу. Действительно гений. Построчный, послоговый, понотный, подетальный – в смыслах, фонике, мелодике, живописи стиха. Богатства – невообразимые! Уже не в сыром виде, а в обработанном, доведённом до совершенного лада.

*

Болтуны бывают яркими, но не на бумаге. Вкус и стиль вырабатываются в молчании, в сосредоточенности.

*

Жизнь как лирическое переживание, а не нравственное или хотя бы деловое усилие – у неё свои и наказания, и награды. Мягче и лучше ли, чем у других, кто знает.

*

К доброму – по-доброму, к остальным – по справедливости.
Так у неба.

Резюме: ничего нет выгоднее, чем быть добрыми. Это стоит помнить, ребята. Особенно если кто-то из вас, не дай Бог, только профитов и ищет в эти смутные времена.

На нашей святой и грешной, на нашей прекрасной земле.

**Диана
КАН**

НАВСТРЕЧУ СОЛНЦУ

Над станицей гуляют зарницы,
 Не боятся в ночи заблудиться,
 Озаряют амбары и грабли
 И крылатый колодец-журавлик,
 Что навеки повязан с землёю,
 Хоть о небе тоскует порою...
 Озаряют пространства темницы
 Загулявшие эти зарницы.
 Синяки озаряют на лицах
 Кто на граблях опять оступился...
 Озаряют попутно погосты –
 И кресты на могилах, и звёзды...
 Но однажды шальные зарницы
 Забредают к влюблённым на лица...

*...Но мрамор недвижимый
 Белел передо мной красой непостижимой.*

Афанасий Фет («Диана»)

Мне говоришь с улыбкой ты:
 «Давай начнём с начала:
 До женщины моей мечты
 Ты чуть не домолчала...»
 Ах, милый, разве в этом суть?
 Твои мечты – цветочки.
 Не домолчала я чуть-чуть
 До главной в жизни строчки.
 Давай-ка ты к другой уйдёшь!..
 Поверь, так будет лучше!
 Мысль изреченная – галдёж,
 И ты совсем не Тютчев.
 Чем я могу тебе помочь?
 Молчать так первозданно,

-
- Диана Елисеевна Кан – автор книг «Високосная весна», «Междуречье», «Подданная русских захолуствий» и др., также многих публикаций в российских и зарубежных литературных и общественно-политических изданиях. Член редколлегий ряда литературных журналов России. Член Союза писателей России. Живёт в Оренбурге.

Как в строфах Фета – ну, точь-в-точь! –
Античная Диана,
Чья золотая тишина
В тысячелетьях длится?..
Но ей полегче, ведь она
Из мрамора девица!
А я болтаю, я искрюсь,
Всех довожу до точки,
Покуда не договорюсь
До главной в жизни строчки.
Что крутишь пальцем у виска?
Хоть классиком я стала,
Но я не памятник пока,
Что жаждет пьедестала.
Давай-ка забирай свои
Букеты и конфеты.
Молчи, скрывайся и таи.
И – утешайся Фетом.

Листья сброшены, словно маски...
В лучезарной старинной сказке
Карнавалы прошли осенние...
То ли с Пушкиным, то ли с Есениным
Я брожу по продрогшему саду,
Доверяясь во всём листопаду...
То ли Саша, то ли Серёжа, –
Шепчут листья, судьбу итожа...

«...Я простой советский парень,
Не был раньше в высшем свете...» –
Скромно отвечал Гагарин
Королеве на банкете.

«Ложки-вилки справа-слева...
Политесам не обучен...»
Улыбнулась королева:
«Да и я немногим лучше!

Что нам правила some time?*

Чувствуйте себя как дома.
И давайте поболтаем,
Словно мы сто лет знакомы...»

...Эх, девчата! Без обиды –
Будь студенткой в скромном ситце,
Джиной будь Лолобриджидой –
Ты обречена влюбиться.

* some time – некоторое время (англ.)

Будь ты королевой даже,
Позабудешь про приличья.
Станет протокол неважен
И дресс-коды безразличны.

Рядом с ним себя любая
Ощущает поневоле,
Долю бабью забывая,
Королевой и звездой!

Но ему опять неймётся...
Озаряя мир улыбкой,
Он взлетит навстречу солнцу –
И попробуй удержи-ка!

Не кручинься и не плачь,
Что под небом зябко мглистым,
Оренбургский карагач,
Ты глядишься неказистым.

Не печалься, не грусти,
Что не уродился кедром,
Ибо кедру не снести
Приступов степного ветра.

Непокой да неуют.
Да ещё (их нрав неистов!)
Вновь и вновь стеной идут
Степняки-ветра на приступ.

И чинуш спесивых рать –
Ты им тоже не по нраву.
Ой горазды вырубать
И налево, и направо!

Размахнутся топором –
Только мы тебя видали!
Что им, дурням, что знаком
Ты был с Пушкиным и Далем?

Пригодятся на гробы
И на плашки для паркета
Кабинетные дубы,
Незнакомые с поэтом.

Что им гордый русский стих,
Устремлённым на Канары?..
Ты – бревно в глазу у них,
Знойным пальмам ты не пара!

Топором взмахнёт палач...
В дни печали и раздора
Оренбургский карагач –
Малой родины опора!

ИСТИНА ШУКШИНА

Мы все – немного чудики.
А ты у нас – один!
Нам истину на блюдечке
Преподнеси, Шукшин!

Она, по-русски ёмкая,
Необходима нам.
И с голубой каёмкою,
Конечно, по краям.

Её ты в муках выстрадал,
Когда ночей не спал.
Но неподкупной истины
Язвительен оскал.

В порыве откровения
Ты нам её изрек
В угрюмом окаймлении
Сибирских вольных рек.

...Пока молчим растерянно,
Над ней глумится враг...
Подарена... Потеряна!..
А без неё – никак!

**Виктор
БИРЮЛИН**

ЧТО БУДЕТ ЗАВТРА, ЗАВТРА И УЗНАЕМ

Рассказы, зарисовки, эссе

ГЛАВНОЕ, МОЙ ДРУГ, НЕ БОЙСЯ

Дождь закончился. И сразу зачирикали воробьи. Внизу в овраге вновь защёлкали соловьи. Вышел на дачную лоджию, привычно глянул сверху на зелёную садовую шапку с цветными вкраплениями. В глаза бросался растущий вдоль дорожки пышный куст сиреневой монарды. Неожиданно внимание привлёк бодро прыгающий по двору неизвестный птенец. Видно, пробуя силы, спорхнул перед дождём с гнезда. Спрятался под той же лоджией. Дождь закончился, и он отправился домой.

Вначале он подпрыгал к соседскому забору, но сразу сообразил, что не переберётся через него. Птенец подпархивал, но взлететь с земли ещё не мог.

Тогда он деловито попрыгал в глубь сада, стараясь прыгать по лежащему на влажной земле поливному шлангу боком. Впрочем, и лужайку пришлось преодолеть. Прыгающий пушистый комочек был настолько мал, что сразу затерялся. Но вскоре я увидел птенца уже на подпирающем террасу листе шифера. Он отряхивался от воды, которой всё-таки набрался в мокрой от дождя траве.

Представил потерявшегося малыша, недавно вставшего на ноги. Как бы он повёл себя? Малыши разные. Один заплакал бы и стал звать маму, а другой, вот как птенец, потихоньку поковылял бы, руководствуясь инстинктом, в сторону своего дома, к которому он столько раз возвращался с прогулок.

Отряхнувшись, птенец спорхнул в сторону дорожки, ведущей к нижним воротам, попрыгал дальше, выбирая твёрдую почву, нырнул под ворота и повернул направо, в переулок.

-
- Виктор Владимирович Бирюлин родился в 1951 году. Окончил филологический факультет Саратовского государственного университета. Автор сборников литературно-критических статей, книг публицистики и эссе. Печатался в различных российских и зарубежных журналах, альманахах. Живёт в Саратове.

На меня, следующего за ним по пятам, он не обращал внимания. Да и ни на что другое внимания не обращал. Страх ему был ещё неведом. И он действовал в открытую. Как и любой малыш.

В узком переулке между двух заборов образовалась канава с текущей дождевой водой. Вначале он перепорхнул через неё, но, видно, поторопился. Вернулся и вдоль высокого забора из профиля, сквозь кусты, по ухабам допрыгал-таки до места. Ещё раз перепорхнул через канаву и исчез в зарослях за пошатнувшимся старым забором из редких досок. Послышался голос взрослой птицы, его явно приветствовали. И он, кажется, подал наконец свой голосок.

Конечно, ему повезло, что не попался шныряющей вокруг соседской кошке Аське. Хотя я бы не позволил ей посягнуть на прыгающее чудо. Получается, и со мной ему повезло.

Птенец был мал и слаб, с ним справилась бы и мышь. Но его упорство, невозмутимость вызвали уважение. Он был явно из тех, кто дерётся не до первой капли крови, а до последней.

Побродил ещё под впечатлением по тихому предвечернему саду.

ПОСЛЕДНЯЯ РОЗА ЛЕТА

Кажется, сам воздух в августе меняется. Начинаешь подрезать пионы, вспоминаешь их роскошные бордовые, розовые и белые шапки, манящий аромат. И в тебе что-то очень важное, прекрасное затаивается глубоко до следующего лета. Доживём ли? Доживём, мой друг, доживём.

Выбрался из бани, в которой наслаждался паром и дубовым веником. На очереди чай, много чая. А там и неспешный вечер с бокалом домашнего вина. На ночь немного старого доброго Шерлока Холмса.

Зацвели жёлтые хризантемы – ярко, неистошимо. И разноцветные петунии по-прежнему радуют своим нежным видом. И розовая эхинацея распустилась, поддержав своих оранжевых двоюродных братьев – рудбекии.

Дождь разогнал вчерашний туман, уже само небо выглядит поднявшимся кверху сплошным туманом. Появившееся пятнышко солнца похоже на круглую луну. Но, в отличие от луны, от солнца всё равно веет теплом. Это чувствуешь даже сквозь оконное стекло.

Пилили с женой дрова. И внук Никитка целый час терпеливо ждал на лавке возле кострища, иногда по нашей просьбе улыбаясь.

В общем, лучшие часы нашей жизни – это те скоротечные мгновения, когда думаешь со слезами на глазах: «Как мне хорошо!». Они так глубоко запечатлеваются в нас, что всё окружающее – пейзаж, время – примешивается к воспоминанию о нашем счастье, наподобие водорослей и сломанных кувшинок, которые рыбак вытаскивает в сетях вместе с трепещущей среди них золотой рыбкой.

Это сказал Альфонс Доде, французский классик, но какая разница, если чувствуешь и думаешь так же.

Одинокая жизнь в октябрьском саду с неспешными хлопотами в винодельне, вечерним телевизором в натопленной комнате завораживает.

Но сад уходит. Приходит время рукописей. Когда хорошее уходит, всегда грустно, хотя бы его сменяло тоже хорошее.

Бывает, охватывает жалость. Не к себе. Жалость ко всему и всем. В том числе к глиняному коту Сёмке, коротающему в одиночестве долгую зиму.

Запомнилось где-то прочитанное: мы не ищем ответов на вопросы, мы ищем утешения.

ДРЕЙФ, ИЛИ НЕ ДРЕЙФЪ

При оформлении пенсии кадровик довёл до сведения Владимира Петровича, что возраст дожития составляет девятнадцать лет. И вот уже девять лет, как Владимир Петрович доживает. Осталось, получается, ещё десять. Впрочем, можно и не дожить отпущенные государством годы. А можно и пережить. Это уж как повезёт.

Но Владимиру Петровичу хотелось не доживать, а жить, не важно, сколько лет.

Хотя грех ему было в общем-то жаловаться на жизнь.

Тянущимися зимними днями и вечерами он писал семейную биографию. Что за семья без истории? Перекати-поле. Лето проходило в саду. Да и внуки, игривые, шумные, чего там, не давали скучать. Казалось бы, пенсии на привычную жизнь хватает, рядом жена, дети. Чего ещё надо встречающему старость человеку?

Наслаждаться праздностью мешали оставшиеся силы, не желавшие вянуть в бездействии. Да и мысли, требующие выхода, порой одолевали.

Ему было мало семейных забот.

Не прошла же ещё жизнь с её радостями и бедами! Или прошла? Всё чаще желанья гасли, не успев завладеть воображением.

Где-то грохотали газовые и настоящие войны, стремилась работать на всю катушку мировая промышленность, богатели торговцы, проходили нескончаемые конкурсы, горячо обсуждались футбольные и хоккейные чемпионаты, и много ещё чего проходило и обсуждалось.

Владимир Петрович наблюдал за этой неудержимой жизнью с палубы своего семейного кораблика, дрейфующего посреди необозримого житейского океана.

Хорошо хоть бес в ребре не успокаивался. Пусть ворочается, с ним веселее. Не хотелось раньше времени оказаться в шкуре мерина, равнодушно жующего овёс и сено.

Купил неожиданно французский разговорник, мечтать-то не вредно.

Провели с приятелем очередную пробу своих домашних вин, наговорились вволю. Душа расправила крылья, пахнуло обаянием нового горизонта.

Как далеко заносит воображение! Где не побываешь, с кем не поговоришь!

Хотя для душевного равновесия лучше ничем и никем не обольщаться. В обольщаемости есть нечто дурацкое.

Засыпая, вспомнил старика, кормившего возле тротуара дворнягу. Наклонив голову, она со свойственным собакам достоинством, не спеша ела предложенное угощение, а он держал над ней раскрытый зонт от морозящего дождя.

Быстро, по-флотски, уснул и восемь с лишним часов беспробудно спал. Выспался. Хорошее начало дня.

КАРТИНА СЕРОЙ КРАСКОЙ

С выходом на пенсию Владимир Петрович наладился записывать впечатления о незначительных на сторонний взгляд событиях – прогулках с внуками, запомнившейся встрече с незнакомцем, удивившим его случаем из жизни растений, животных.

Получавшиеся как бы сами собой рассказы он раздавал читать приятелям, их даже печатали в местном журнале. Многим нравились его незатейливые строки, настраивающие на радостное восприятие ускользающего бытия.

Но встречались и упрёки, мол, где суровая правда жизни, не розовые ли у него очки на глазах.

Не то чтобы это досаждало, ведь словотворчеством Владимир Петрович занимался в своё удовольствие и писателем себя не считал.

Но однажды, выслушав в очередной раз жалобы 90-летней матери на ноющие суставы, он представил готовящихся к смерти простых стариков по всей России, в основном-то старух. Своей беззащитностью, зависимостью от родни они напомнили ему послевоенных инвалидов. По словам знакомого ветерана, стук костылей одноногих и безногих молодых фронтовиков по городским мостовым утих уже через несколько лет.

Жизнь передаёт нас смерти. Иногда бережно, бывает, что впопыхах, но чаще с безразличием – как получилось передать, так и получилось.

Перед мысленным взором чередой прошли ушедшие в небытие близкие люди. Бабуля умерла мгновенно, упав с кухонной табуретки. Её помучивало высокое давление. От него же, видно, умерла и тёща, прилёгши на кровать отдохнуть. Отец умер во сне от инфаркта, тихо, не вскрикнув, черты его лица не изменились.

Как же он-то будет умирать?

На днях около часа простоял за льготными проездными билетами. Перед заветным окошком женщина из очереди подвела старушку в аккуратном бежевом костюмчике, попросив пропустить её вперёд. Старушка одной рукой опиралась на клюшку, в другой держала пакет с необходимыми документами. Обе руки дрожали. Она была худенькой, со спокойным выражением чистого, интеллигентного лица. Неужели рядом с ней не осталось никого, кто помог бы? Или она до последнего вздоха желала быть самостоятельной, независимой?

Понятно, что лучше умереть в глубокой старости, быстро и ещё на ходу. Но если дело затягивается, а жизнь становится пустой, невыносимой от боли и бессилия, превращая в маленький ад и жизнь окружающих тебя людей? Что же, самому прервать её?

Владимира Петровича всё чаще охватывала грусть от увядания, упадка сил. Мышцы слабели. Волосы седели и редели. Где его непродираемая курчавая шапка?

Бывало, ночами ему становилось не по себе. Мысли о никчемности своей жизни и всеобщей суете наводили тоску и не давали заснуть. Сердце начинало колотиться и покалывать, от чего душа трепыхалась зайцем в волчьей пасти. И хотелось уже только одного – не умереть в одночасье, жить и жить ещё.

Вот в чём неразстворимая печаль.

ГДЕ ТЫ, ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ? (О ПОЭТЕ ПЫРКОВЕ)

Не сразу раскусил его поэтическую изюминку – точность выражения, изысканность даже, богатую палитру. Глубокое понимание, чувство слова отзовётся и в творчестве его сына Ивана.

О том, как Владимир Иванович Пырков растил сына, ходили легенды. Впрочем, и фактов хватало. Он не выпускал его в толпу, на улицу, лелеял и ходил его талант, собирал рисунки, потом стихотворные строчки, кото-

рые тот разбрасывал по комнатам. Брал с собой на службу, провожал в школу, затем в институт. Как-то обронил в разговоре, что если сына заберут в армию, то он и в армию с ним поедет. Они часто рыбачили в волжских протоках. Затаив дыхание вслушивались в перекликающиеся птичьи голоса.

В армию Ивана не взяли – зрение, да и в целом здоровье оказалось у него не для воинских затей. Зато он вырос в интересного поэта, рассказчика, затмив своими успехами отца, чему тот, конечно, был только рад, гордился. Иван бережно хранит память о чудесном человеке, давшем ему жизнь и вдохнувшем в неё трепетное отношение к растениям, животным и людям.

В далёком июне 1987 года рыбачили со старшим сыном на Зелёном острове. К нам присоединились Владимир Иванович с Иваном. Рыбалку на острове устроил писатель Юрий Сидоренко, заведовавший тогда одной из баз отдыха. Пырков посвятил запомнившемуся дню стихотворение:

*Гул реактивный.
Морщится залив.
Кувшинки вздрагивают
И дребезжат,
Пытаясь затвориться.
Чад и галдёж
Нагляющих моторок.
Грохочущее солнце,
Обливаясь потом,
Вбивает сваи в берег,
Из лучей
Возводит
Адский день отдохновенья.
И только на одно
Какое-то мгновенье
Затихло всё.
И торопливо,
Коротко, –
Печаль в ней,
А не сила, –
О чём нас
Флейта иволги
Спросила?*

Для меня Владимир Иванович оказался добрым и мудрым товарищем, с которым посчастливилось несколько лет делить рабочий кабинет в редакции журнала «Волга», где он заведовал отделом поэзии, а я – критики. Он был намного старше, звал меня Виктором, предлагал перейти «на ты» и мне. Попробовал, но не смог. Язык не поворачивался.

Один его совет пронёс по жизни и другим передавал. На мой вопрос, как же, мол, оценивать человека, если он такой противоречивый, Пырков ответил:

– А ты в одну сторону отложи его хорошие дела, в другую – плохие. Потом сравни. И всё встанет на свои места.

Он был скромен, интеллигентен, рассеян. Но мог писать стихи за рабочим столом, невзирая на болтовню сослуживцев.

Родился и вырос Владимир Иванович в Ульяновске. Рассказывал, что в войну его мама рисовала на деревяшках акварели, продавала их, чем отчасти и держалась.

О своём взрослении и незабываемых днях в родном краю Пырков написал книгу пронзительных и одновременно очень мягких рассказов «Лилии с ближних озёр». Как и в стихах, он и в прозе сумел коротко и нежно сказать о главном в жизни человека.

Но как-то приспособиться, скалымить, схитрить Владимир Иванович так и не научился. Воровская перестройка таких, как он, шарахнула наотмашь.

В 2009 году у него случился инфаркт. Он выжил. Но небывалую жару 2010 года не перенёс. Как всегда, 20 августа позвонил поздравить его с днём рождения. Чужой голос ответил: «А Владимира Ивановича уже нет».

Сколько ему было? 75.

Невысокий, коренастый, с лёгкой бородкой и устремлённой вперёд походкой. Где ты, Владимир Иванович?

ЖИВЁТ ТАКОЙ ПАРЕНЬ (О ФОТОГРАФЕ САВКИНЕ)

Кто такой Геннадий Николаевич Савкин?

Он гражданин России. Ему 70 лет. Родился и живёт в Саратове. Женат, у него есть сын, дочь, две внучки и правнук. 60 лет занимается фотографией. Участник российских и зарубежных конкурсов, организатор многочисленных выставок местных мастеров. Председатель правления Саратовской областной организации Союза фотохудожников России.

Уважаемый, одним словом, человек.

Однажды шустрый мальчуган, любивший читать большие книги, заниматься радиотехникой, астрономией, прививкой деревьев и выращиванием кроликов, вызвался помочь старшему товарищу печатать фотографии. Неожиданное появление на бумаге лиц и фигур знакомых ребят его потрясло. И то далёкое явление обыкновенного чуда живёт в нём до сих пор.

Вначале у него была «Смена-8», которая и стоила восемь рублей – подарок матери, поощрявшей его увлечения. Но надо было трудиться – материальное положение семьи не способствовало нахлебничеству. Окончил профтехучилище, работал электрослесарем на заводе, но жизнь по гудку быстро наскучила. Устроился лаборантом к профессиональному фотографу и сразу почувствовал под ногами свою дорогу жизни.

И в армии служил фотографом, и в ателье работал разъездным фотографом, и у старых мастеров учился, и сам стал наставником. Однажды ему предложили заведовать фотолабораторией в техникуме имени Яблочкова. И вот уже почти полвека он работает в ней. Вся его профессиональная жизнь сосредоточена в этих музейных стенах.

Вот что говорит о своём призвании сам Геннадий Николаевич: «Фотограф – человек, пишущий светом. Однажды занявшись этим интереснейшим делом, я уже не мог остановиться. И всегда хотел сделать фотографию в первую очередь для себя. Когда получается задумка, несколько дней хожу под впечатлением, что свершилось радостное событие – родилось, состоялось моё произведение. Частичка моей жизни удалась. После этого показываю работу близким по духу людям. Для меня, как и для всякого творческого человека, важна зрительская оценка».

«Свой» Савкин есть у каждого почитателя его светоносного таланта.

Мне, как и многим, нравится этот «парень», живущий и работающий рядом с нами. Высоко ценю созданный им огромный разнообразный художественный мир, который освещает и согревает его преданность искусству, любовь к людям, которые в свою очередь тоже чувствуют красоту и тепло невыдуманной жизни.

А ещё нравится Савкин – знаток человеческих лиц и душ, природный философ, чудесный выдумщик, прекрасный рассказчик, обладающий великолепной памятью, в которой всегда найдётся место и острым шуткам, и незаурядным мыслям, и светлым впечатлениям от прожитого дня.

УЖИН С ВИНОМ

Устроил себе ужин с бородинским хлебом, русским пармезаном и болгарским перцем под бокал домашнего вина. Поставил на стол старинный абхазский кувшин, сразу сделавший его нарядным, щедрым.

За ужином вспомнил недавнюю пробу с приятелем наших молодых вин. Хорошо посидели. Выговорился, пообщался с близким по духу и мыслям человеком.

В Бургундии красное сухое вино делают из сорта винограда «пино-нуар», в Бордо – из «каберне-совиньон», а в окрестностях Саратова – из сортов с амурскими корнями, выдерживающих и сорокаградусные морозы.

Но в любой стороне вино, приготовленное вручную, отличается от вина с больших заводов, как штучное изделие от ширпотреба. Например, как работы Ван Гога или Серова от их фотокопий, наштампованных в миллионах экземпляров.

ЧТО БУДЕТ ЗАВТРА, ЗАВТРА И УЗНАЕМ

Наслушался учёных мнений о том, что человек живёт в четырёх стенах своего уровня познания мира, который совсем другой, чем ему представляется. И выйдет ли когда наружу?

За творчеством стоит Вселенная, а Вселенную никто и никогда постичь не сможет, сказал известный дирижёр. Откуда такая уверенность? Не оттого ли, что так принято считать между недалёкими людьми, пусть и профессионально талантливыми?

Философ, социолог и футуролог Тоффлер: «Необходимо социальное сознание, ориентированное на будущее. Чтобы его организовать, нужны гении-политики». То есть без чуда не обойтись.

Гёте: «Кто ищет – вынужден блуждать».

Верный план не самый точный, выверенный до последнего пунктика, а тот, исполнить который хочется наперекор всему.

«Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...» – это ведь к каждому относится, не только к поэтам. Хлеборобу тоже не дано знать, кто его хлебом насытит. Могут и террористы. Наедятся хлеборобского хлеба, с трудами и любовью выращенного, и пойдут убивать добрых людей.

Движение вперёд даёт надежду, но не больше.

Насчёт киборгбудущего. В самом деле, если человек когда-то сел на колесо и поехал, то почему бы ему теперь не вставить колесо в самого себя?

Мы живём мечтой о жизни наших детей, внуков и правнуков. Без этого нам и жизнь не в жизнь, так, прозябание. Церковь это понимает и поддерживает традиционные семейные ценности. Но что она может предложить на случай всемирной катастрофы? Упование на божью милость? Это дело веры. А нам нужно точно знать, что наш род не пресечётся. Поэтому вначале мы только смотрели на звёзды и планеты. А когда получили возможность – устремились к ним. В них мы видим живой выход своему продолжению, если Земля прикажет долго жить.

Пожилой человек говорит молодёжи:

– У вас ещё утро. У меня – вечер. В светлое время живётся лучше, чем в сумерках. Но я прожил весь день, наслаждаясь каждым его часом. А вы – ещё нет. И кто знает, проживёте ли его во всей полноте, доберётесь ли до вечера.

ХОРОШЕЕ МЕСТО

Отец Ломоносова, живя на острове в устье Двины, вырыл перед домом пруд. Зачем? Затем, что и он уже размышлял-чувствовал не как все.

В берёзовом лесу возле села Ягодная Поляна старые берёзы растут как кусты малины – кружком, по несколько стволов от одного корня.

У людей глушь – это где безлюдно, одна дикая природа. А у природы глушь – это где много людей с их мусором.

Как же сладко выйти утром на свой обустроенный двор! Полюбоваться на важно расхаживающего петуха. Перемигнуться с котом. Потрепать загривок у подбежавшего пса. Постоять с ними возле крыльца, посмотреть по сторонам – что там, на белом свете, делается?

В Торонто есть общественный сад, в котором любой может выращивать всё, что захочет. Считается, что для человека важна работа на земле и такая возможность должна быть у каждого.

«Святая земля...» Да земля вся святая, любой её клочок, самый неприемный.

На проспекте возле памятника гармонисту с саратовской гармошкой фотографируют группу школьников начальных классов. Они облепили памятник и скамейку. Рядом с ней лежит серая симпатичная дворняга и даже ухом не ведёт на суету возле своего носа. Впрочем, и ребятне она не мешает. Малыши осторожно, чтобы не задеть, двигают ногами рядом с её высунутым языком.

Смотрел блоги о переселенцах из Германии. Некто Андрей разводит виноградник на Южном Урале. Душа опять позвала в родные с детства места, хотя неплохо вроде бы устроился и на исторической родине. По его мнению, человек живёт душой, а не задницей, которой хорошо, где теплее.

Распределённый образ жизни – это когда человек живёт и работает в городе, но у него есть земля в сельской местности, на которой он тоже живёт и работает.

В саду пахнет цветущим виноградом – непривычно, тонко, маняще.

Говорят, что мы на Земле всего лишь гости, приходим и уходим. Да, мы уходим. Но пока живём – хозяева в своём доме.

Младший сын Иван приехал вечером в сад. Затопил ему баню. Он попарился от души. Посидели в беседке за бутылкой привезённого им испанского красного сухого вина. Рано утром отправился с ним в город. Отвёз домой яблок, коммуналку оплатил одним махом. И вернулся автобусом к вечеру того же дня.

ПОЙМАТЬ ЗА ХВОСТ СУДЬБУ

Нил Армстронг о Гагарине: «Он всех нас позвал к звёздам».

Если живётся нерадостно, может быть, попробовать поменять своё положение в потоке жизни? Или поменяться самому? Не жить же, постоянно ковыряясь в своих болячках.

Несчастье может настичь и счастливого человека. Но он всё равно останется человеком, у которого счастье было. И скорее постарается его вернуть.

Самоубийство – звучит жёстко и плоско. Добровольный уход из жизни – благородно, хотя и напыщенно. А суть одна. Хорошо бы умереть мгновенно, ещё на ходу. Но если дело затягивается и человек превращается в живой труп, его жизнь становится невыносимой и ему, и окружающим. Почему не прервать её самому, не доводя до безобразия? Люди в оправдание заученно бормочут, что, мол, это грех. Ладно, верующие, а неверующие-то что за это цепляются? Страшно.

Записка Эйнштейна, данная им посыльному в отеле Токио в обмен на извещение о присуждении Нобелевской премии (в ноябре 1922 года): «Спокойная и скромная жизнь дарит больше счастья, чем погоня за успехом, сопряжённая с постоянным беспокойством» (в Библии – лучше горсть с покоем, чем пригоршня с беспокойством и томлением духа).

Виноделие Франции перед войной переживало упадок. Во время оккупации благодаря немцам, закупавшим в больших количествах вино для своей воюющей армии, оно расцвело.

Посмотрел несколько документальных фильмов из цикла «Счастливые люди», на этот раз на Алтае. Счастливы они тем, что умелые, самостоятельные и вдали от начальства. Живут, как хотят. И радуются каждому дню.

Пожилой человек, отошедший от суеты жизни, видит, как многое он упустил. У него возникает желание наверстать упущенное – испытать по-настоящему любовь, дружбу, деньги, путешествия и много чего ещё. Удастся ли? Ведь время не повернёшь вспять.

Хорошая погода, лёгкие садовые хлопоты, дружеские разговоры в беседке за бокалом домашнего вина. Откуда же неожиданный упадок сил? Причиной тому явно не возраст, ещё вполне бодрый. А вот ворочается внутри червячок и постоянно задаёт важные вопросы о жизни, на которые не находишь ответов. Нашлись, он бы, глядишь, успокоился. Но не находятся, и твоя энергия расходуется впустую. И силы падают.

Человек укрепляет свой дом, возвращает сад, собирает мудрость поколений, помогает людям. И делает это каждый день, выстраивая свою судьбу. Зато, когда приходит ненастье, та же старость, у него есть свой надёжный угол, в котором он никому не мешает, достаточно необходимых средств для достойной жизни, и друзья ещё не все умерли, есть с кем отвести душу.

Неужели всё на Земле вертится вокруг удовлетворения личных потребностей? Чему, например, служат озарения гениев, их титанический труд? Да и вся загадочная эволюция человеческого мозга? Не одному же удобству проворачивания делишек? Может, они служат и Вселенной?

МЕЖДУ СОБАКОЙ И ВОЛКОМ

В сумерки, говорят, трудно отличить собаку от волка.

Зима закончилась, лето ещё не развернулось. Мир остался в своей сущности прежним. Но выглядит иначе, и впечатления рождаются новые.

При физической усталости тело отдыхает, отвлекаясь только на еду. И никаких звонков и разговоров.

Шведский фильм «Квадрат» называют комедией. Но он не смешной, скорее жутковатый. Современная жизнь выставлена бессмысленной, бесчеловечной, как и сам музей современного искусства, где разворачиваются события. В том числе вокруг «произведений» в виде песочных холмиков. Оказывается, случайно уменьшив уборочной машиной, их можно восстановить без ведома «творца», досыпав песком из ведра.

Второго января рванул со сватом на его дачу в Волжских Далях сжечь осенний хворост. Но костёр быстро затух. Огляделись, полюбовались на полудиких играющих кошек и вернулись в город.

Как проводят люди отпущенное судьбой время? Пока живут, работают. Пока работают, живут. Поэтому жизнь бездеятельных стариков похожа на тень настоящей, ветхую её оболочку.

Говорят, что для долгой жизни нужно общение. Но ведь общение не само по себе. Как и правильная еда, спорт и всё остальное, способствующее долголетию. Важно, чтобы это приносило радость, удовлетворение, терпкое ощущение жизни. А если нет? Я вот не люблю толпу, которая у меня начинается с трёх человек. Люблю небольшое дружеское застолье, садовые и винодельческие хлопоты. Пусть в старости каждый занимается тем, чем он хочет, что любит. Не надо ничего навязывать. Ведь ясно же, что дело не в долгих годах, а в счастливых.

Погостил у чудесного Аникеева. На этот раз он угощал пятилетним саперави, а домой отправил с северной олениной. Не спеша, с толком поговорили о скверной власти, радостях жизни, книгах Битова, нам непонятных, могучем дубе в старом дворике. И ещё о чём-то говорили. Хозяину под девяносто, ходит уже затруднённо, но взгляд не без лукавинки, голова светлая.

**Анатолий
АВРУТИН**

...И ДЫХАНИЕ С ВЫДОХА ВНОВЬ НАЧИНАЛОСЬ

Наступает такая пора –
Золотая пора листопада.
Кроме спички и кроме пера,
Ничего-то мне больше не надо.

Спичкой нервной чиркну в ночи,
Подожгу эти нищие стены..
Про пожар – не звони, не кричи,
В нём все фразы, что не сокровенны.
Всё, что лгало в красивости строк,
Все наброски в набухшей тетради,
Всё, что прежде не смял и не сжёт,
Что явилось напрасности ради...

Пусть огонь шуганёт в облака,
Выше мрака, обмана превыше.
Пусть останется только строка,
Да перо ещё строчку припишет.
Если выживут, значит, судьба..
Выжить – больше, чем смертная кара.
И торчат, как печная труба, –
Там... На огнище... После пожара.

-
- Анатолий Юрьевич Аврутин родился и живёт в Минске. Окончил БГУ. Автор двадцати трёх поэтических сборников, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде, лауреат Национальной литературной премии Беларуси, Большой литературной премии России и многих международных литературных премий, в т.ч. им. Э. Хемингуэя (Канада), «Литературный европеец» (Германия), им. К. Бальмонта (Австралия), им. А.-С. Экзюпери (Франция – Германия), «Золотое перо Руси» и др. Академик Международной Славянской академии литературы и искусства (Варна, Болгария). Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Указом Президента Беларуси награждён орденом Франциска Скорины (2019), а также одноимённой медалью (2009). Удостоен многих общественных наград, в т.ч. ордена «Трудовая Слава России».

Быстроглазая боль не прощала грехи,
Уносила крылом в золотистую млечность.
И сомнения капали с мокрой стрехи,
И цеплялись мозолями за бесконечность.

Было всё бесконечно – и выдох, и тишь,
И к морозным губам прикипевшая влага,
И вдали – бесконечная выгнутость крыш,
И вблизи – бесконечная утренность шага.

Было что-то тревожное в этих шагах,
В неразлучности, что предвещала разлуку.
Воздух поздней любовью причудливо пах,
И перчатка не грела озябшую руку.

Было что-то напрасное в близкой дали,
В том, как чёрные ветви причудливо гнуты.
И какие-то тени растерянно шли,
Чтобы с тенью моею на миг разминуться.

И казалось – всё кончится там, за углом,
Где давно среди шума счастливо молчалось.
Две руки, два дыхания плыли вдвоём,
И дыхание с выдоха вновь начиналось.

ПАМЯТИ МАМЫ

1

Птицы громко кричали о том, что ты тихо ушла,
Замолкали на миг... И встревоженно снова кричали.
И не видела света внезапно наставшая мгла.
Только птицы кричали... Испуганно птицы кричали.

Мне бы вздрогнуть от боли, но кожа моя запеклась,
И молчанья свинец опалил воспалённое горло.
И гремучий осколок порвал нашу зыбкую связь,
И зловещая ночь над бедой моей крылья простёрла.

И какие-то люди в двойной непрозрачный чехол
Положили твоё голубое прозрачное тело...
Погасили свечу... Но цветок в изголовье расцвёл,
И неясная сила в тяжёлом бутоне вскипела.

Мы назавтра пришли... Через ужас назавтра пришли...
Там лежала не ты, а твоя оскорблённая брэнность.
И узнать не смогли ни единой родимой черты,
Лишь на плечи легла чёрных дней роковая согбенность.

Почему, почему в этот год всё случилось не так,
Как мечталось, когда стекленели февральские льдинки
И казался проблемой какой-то извечный пустяк...
А сейчас чередую – поминки, поминки, поминки?..

Будто съёжилось небо со всех погребальных сторон,
И на ватных ногах чуть плетётся согбенное тело.
Но цветёт и не чахнет всё тот же багряный бутон,
И глядит мне в глаза, как недавно мне мама глядела.

2

Мамино наследство... Старенькая кружка,
Полкатушки ниток, ножницы и плащ.
Да с гусиным пухом смятая подушка,
Где забился в перья одинокий плач.

Многое мне, мама, видится иначе,
Нынче не поплакать полночью вдвоём...
Мне опять не спится на измятом плаче,
Как всегда, неслышном плаче на твоём...

3

Мне без мамы и дышать нелегко,
Нынче мама высоко-высоко...
Спросит с неба: «Ты опять нездоров?!»
И не нужно мне других докторов.

Мне без мамы тяжело говорить,
Оборвалась пуповинная нить.
Бьют осколки... Недолёт... Перелёт...
Это мама мне солгать не даёт.

Мне без мамы эти травы топтать
И без мамы мне её понимать,
Хоть без мамы я не чую земли,
Будто горем мне подошвы сожгли.

Мама видится росинкой в цветке,
Огонёчком, что мелькнул вдалеке,
Причитаньем: «Наглядеться бы впрок...
Не спеши ко мне подольше, сынок!..»

Ветер выл... Из окон сильно дуло.
Босиком... По лужам... Через грязь.
Незаметно детство промелькнуло,
Ну а следом юность пронеслась.

Тихо жил... Грешил немного вроде.
То любовь... То книжки... То дела.
Всё страшился – молодость проходит,
А уже и зрелость отошла.

И лицо у женщины не рдеет,
Если в лифте встретится со мной...
Мне всю жизнь казалось, что согреет
Родина и стужей ледяной.

Что не может Родина по-волчьи
Поднимать отступников на щит.
Мне казалось: Родина и молча
Говорит со мною, говорит...

А теперь всё спуталось навеки,
Глаз влажнеет, прошлое двоя.
И любимой вздрогнувшие веки –
Это нынче Родина моя.

Неужели нам вновь пригибаться завещано,
Вспомнив строки, что в память вошли навсегда:
«А ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины?..»
Ну а дальше по тексту, совсем как тогда...

Неужели же снова дороженька узкая
Приведёт к полотну посреди суеты,
Чтоб шептать: «По бокам-то всё косточки русские...»
Про Некрасова, Ванечка, знаешь ли ты?

Что ты скажешь, когда перелеском, пригорками
С автоматом зимою пойдёшь сквозь снега?
А «Катюшу» ты слышал?.. А слышал про Тёркина?
А ты знал, что «до смерти четыре шага»?

Пожалею тебя – не спрошу про Русланову,
И какие тут «Валенки»? Валенки нет!
Вам придётся всё это осваивать заново,
Только вот не пришлют вам из тыла кисет.

Вновь оставит снаряд в колоколенке трещину,
Вновь обрушится небо, живое губя...
Это, Ванечка, Русь... И какая-то женщина
Всё равно, глядя вслед, перекрестит тебя.

Мальчик нежный, мальчик мой кудрявый,
Ты всё вдаль мучительно глядишь.
У тебя от бренности и славы
Лишь одна раздумчивая тишь.

У тебя остался гул трамвая,
Чей-то шёпот, визги тормозов.
Ты глядишь в окно, не понимая
Бренной жизни истинных азов.

И тебе всё чудится: далече,
Где видна разлука на просвет,
Золотисто падает на плечи
Тихий отсвет звёздных эполет.

Ты подумай просто, милый, где ты,
Если время близится к шести,
И какие нынче эполеты,
Если и погоны не в чести?

Ты заметил, милый, где-то близко,
По безлюдью... смело... до угла –
Не вещунья и не одалиска –
В платье белом женщина прошла?

А куда она?.. Какое дело
Мальчику, глядящему в окно,
До её волнительного тела?..
Мальчикам не всё разрешено.

Звёздный воздух пахнет медуницей,
И разлукой тянет из дверей.
Ты гляди, пока тебе глядится,
И робей, мой милый, и робей...

**Александр
ЛАЙКОВ**

СОЗВЕЗДИЕ ПРОТОК

Здравствуй, Волга и свежесть моряны,
Дом родной и дымок из трубы!
Как давно не бывал я в Икряном,
У истоков капризной судьбы!

Здесь без матушки холодно в доме,
Без любимой сестры и отца...
Лишь лампадка горит у иконы
И Россию всю видно с крыльца.

В ней церковей златоглавые свечи,
А на травах роса как слеза,
И звенит, где болотник, у речки
С мелодичным шуршаньем коса.

А в серванте тетрадки из школы,
Где лиловые кляксы с пера...
Здесь мои зарождались глаголы
Из уроков любви и добра.

Обмелели речные протоки,
И всё реже поют соловьи...
Я поэт переломной эпохи,
С деревенской живинкой в крови!

-
- Александр Дмитриевич Лайков родился в селе Икряное Астраханской области. Окончил филологический факультет Астраханского педагогического института. Работал в сельской школе, корреспондентом, редактором отраслевой газеты «Волжский строитель», редактором литературного журнала «Симбирск». Автор поэтических сборников «Из пепла и света», «Подкова в золе», «Зимородок» и других. Публиковался в литературных изданиях Москвы, Санкт-Петербурга, Минска, Калининграда, Поволжья и Сибири. Лауреат нескольких журналистских и поэтических премий, в том числе им. Н. Благова (Ульяновск, 2015), Международного поэтического конкурса «Душа добру открыла двери» (Санкт-Петербург, 2016). Награждён медалью Фонда памяти поэта и воина Игоря Григорьева (2018 год) «За большой вклад в сохранение и развитие культуры, русской словесности, традиций патриотического воспитания, а также изучение и популяризацию творческого наследия Игоря Григорьева». Член Союза писателей и Союза журналистов России. Живёт в Ульяновске.

А вокруг меркантильные нравы,
Нувориши стригут барыши...
Слава Богу, что эти отравы
Не спалили крестьянской души.

Хлещет время, как пиво из крана.
Вижу: предок седлает коня...
Все надежды мои и утраты
Бумерангом стреляют в меня.

Моя Россия – это дельта Волги,
Созвездие проток и острова.
Бугры к реке спускаются полого,
Вдоль берегов – роскошная трава.

Как барышни, в залив глядятся ивы:
Живая в нём иль мёртвая вода?
Трудяга-бакен светит терпеливо,
Чтоб плыли по фарватеру суда.

И нет чудес и скатерть-самобранки,
Как глину, воду месят рыбаки.
Былых времён герои и подранки,
На лавочках гутарят старики

О том, какая жизнь была в Союзе,
Какие песни пели у костра.
И день и ночь гудели сухогрузы,
В домах водилась чёрная икра...

Теперь село и вся страна в разрухе,
На рыбзаводе мрак и ни души.
К иранским берегам ушли белуги,
И не клюют на удочку берши...

Качают нефть – и Волга, обессилев,
Под знойным небом дышит тяжело.
И грезит молча о былой России
Икряное – рыбацкое село.

Владимиру Подлузскому

Я отстал от сумрачного века,
Где погоду делает «Газпром»
И в руке блажного человека
Верещит обласканный смартфон.

Я читаю по старинке книги,
Иногда пишу карандашом...
И ложатся солнечные блики
На полы, где топал малышом.

А теперь вот перегуды-гусли
Слышу я над русской головой...
То не лебеди, а в небе гуси
Над Россией и моей судьбой.

Было дело – рассыпали гранки,
Как экзамен, жизнь не пересдашь...
И кувшинки ерика Икрянки
Не заманишь в бодрый репортаж.

А в чулане пахнет керосином,
Вечностью и бражкой молодой...
Я колдую пёрышком гусиным
И лечу травую чередой.

И растёт берёзка из слезинки –
Вырвалась, кудрявая, на свет!
Гусли-перегуды из глубинки
Берегут нас в окаянный век.

Сентябрь отстучал по рельсам.
Над Волгой темнеет просинь.
В Ульяновск, любимый сердцем,
Я прибыл из лета в осень.

Я здесь вспоминаю юность
С героями репортажей,
И как в листопад и лунность
Гулял я с прорабом Наташей.

А осень – природы зрелость,
Где яблокам долго падать...
А как мне любилось-пелось,
Хранит благодарно память.

Но зрелость впадает в старость,
А дальше мне путь неведом.
И всё, что сбылось-осталось,
Завалит прощальным снегом.

Опять осенняя хандра,
Туман безденежья...
И небо пасмурно с утра –
Куда тут денешься?

Сидишь в потёмках, как в кино,
Сердечко мается.
А мне бы солнышка в окно,
Хоть самой малости!

Дождинки тренькают в стекло
Гитарным трёмоло.
Уже с карниза натекло –
Но это временно.

Тускнеют краски октября,
Деревья в инее.
И дышит лист календаря
Погодкой зимнею.

Суровой стужею – январь,
Февраль – метелицей...
Хандра, безденежье, печаль –
Всё перемелется.

Ударит первая гроза,
Взойдут подснежники.
И я взгляну в твои глаза,
Такие нежные.

Растопит холодок в крови
Лучами вешними.
И губы влажные твои
Запахнут вишнями.

**Татьяна
ЦВЕТКОВА**

РЫЖАЯ ГОЛОВА

Солнце садилось. Михаил Иванович закрыл ворота, постоял чуть-чуть, всматриваясь в его исчезающую за горизонтом ярко-рыжую макушку и пошёл к дому, низко наклонив голову.

Больше всего Михаил Иванович не любил вечера. Когда была жива Любовь Егоровна, он даже не замечал, как проходило время до отхода ко сну. Только сейчас в памяти начали всплывать отрывки воспоминаний.

Вот он сидит и перешивает ставший ей тесным свитер в безрукавку. Отрезал рукава, подшил, аккуратно разрезал посередине и шил молнию, которую, конечно, тоже выпорол из какой-то старой олимпийки. Молния оказалась длиннее, поэтому он подогнул её снизу, получилось отлично, заподлицо.

Когда он перебирал детали этого незамысловатого занятия, в голове проходил туман, сердцу становилось чуть свободнее в груди, а в руках чувствовался зуд, хотелось взять иголку, нитку... Но потом отпускало, и снова ничего не хотелось.

Михаил Иванович поставил чайник на газовую плиту. Газ коптит, покрывая посудину с боков чёрным матовым налётом. Давно нужно было, конечно, поменять баллон... Но когда чайник вскипал, Михаил Иванович просто подкладывал под него сложенную в несколько раз газету, чтобы не испачкать клеёнку на столе. Когда закопчённое дно, всё же случайно касаясь поверхности, оставляло чёрные отметины, торопливо начинал искать тряпку. Но вспоминал, что никто не будет браниться, и оставлял как есть. Клеёнка покрывалась пятнами, как небо заволакивает тучами перед грозой, и сложно представить, что солнце когда-нибудь пробьёт эту дымящую завесу и там, наверху, опять воцарится мир цвета ленты ордена Андрея Первозванного.

Единственное, что спасало Михаила Ивановича – это телевизор. С горячей кружкой чая он шёл в комнату и, пока тот работал, не замечал, как остывает чай.

Раздался стук. «Наверное, показалось», – промелькнуло в голове. Деревня Елисеевка вымирала, оставалось пять домов, и то зимовали только в двух – он да бабка Маша. К ней приез-

● Татьяна Ивановна Цветкова (Мазепина) живёт в Москве. Окончила филологический факультет МГУ. Публикуется на сайтах <https://gorky.media>, [Правмир.ру](http://pravmir.ru), [Милосердие.ру](http://miloserdie.ru), [Матроны.ру](http://matrony.ru), [Вода живая http://aquaviva.ru](http://voda-zhivaya.ru), [Татьянин день http://www.faday.ru](http://www.faday.ru). Лауреат Международной литературной премии «Дебют» 2009 года за эссе «Путешествие в сторону рая. В Египет по земле». Работала корреспондентом в пресс-службе Санкт-Петербургской митрополии.

жал внук, наполовину негр, или, как сейчас говорят, темнокожий. В Белгородской области в советские времена был сельскохозяйственный известный на весь Союз техникум. В него приезжали студенты из африканских дружественных стран. Если на таком расстоянии страны умудрялись дружить, то что уж говорить о непосредственной близости, свидетельством которой и становились темнокожие малыши – мулаты. Один такой и родился у Светы, дочери бабы Маши, назвали Николаем.

Света так и не вышла замуж, а потом умерла от рака в 38 лет. Колю баба Маша отправила в тот же сельскохозяйственный техникум, который, однако, теперь гордо именовался академией, хотя не унаследовал и половины от прежней всесоюзной и даже, считай, мировой славы. Коля закончил академию, устроился на работу в Сбербанк, поселился в Белгороде и раз в две недели приезжал на собственной машине проведать бабулю, как он её с детства называл.

Раздался громкий стук в стекло.

– Анька! – ахнул Михаил Иванович, увидев в окне улыбающееся веснушчатое лицо внучки и копну её рыжих волос.

Заторопился к двери, на ходу разгибая спину.

Аня коротко обняла деда.

– Лебёдушка моя, – сказал он.

А девушка подумала, что в старости люди становятся сентиментальными и трогательными.

– Откуда ты?

– Ну как ты?

Спросили оба одновременно, и оба не ответили.

– Кушать будешь? – забеспокоился дед.

– А есть что?

– Колбаса, чайник только вскипел...

– Я картошки начищу.

Картошку чистили вместе, дед скрюченными от артроза пальцами справлялся не очень, но отговаривать было бесполезно. Аня рассказывала про институт, про маму, про Максимку, младшего брата. Дед не всё понимал, но не переспрашивал, слушал с удовольствием, как шумит её голос, и ловил интонации – здесь спокойная, радостная, а здесь немного тревожная. Она и в детстве могла вот так говорить не останавливаясь. И всё время переспрашивала: «Дед, ты слушаешь?»

– Ты слушаешь?

– А? Ну конечно, Ань, рассказывай.

Потом ели жареную картошку, смотрели телевизор, теперь дед что-то говорил. Про погоду, про огород, про то, что собирается переделывать ворота, впрочем, он это ей и в прошлый раз говорил, с тех пор ничего не переделал.

Девушка поставила пустую тарелку на пол, перегнувшись через спинку кресла, и, смотря в телевизор, сказала:

– Дед, я беременна.

Михаил Иванович, тоже смотря в телевизор, спросил:

– От Кольки?

– От какого Кольки? – Аня повернулась к деду, удивлённо в упор посмотрела на него.

– Негра нашего.

– А он тут при чём?

– Не знаю, – ответил дед.

Единственного из мужчин, с которым Михаил Иванович когда-нибудь видел Аньку, был Коля. Правда, тогда он был ещё не мужчина совсем, а высокий худой мальчик-подросток. Анька с ним в детстве играла то у них, то у бабы Маши, то непонятно где.

Помолчали.

– Ну так и хорошо, – проговорил наконец Михаил Иванович.

– Мне 22 года.

– Твоей бабке двадцати не было, когда она твою мать родила.

– Моя бабка была с тобой, – голос у Ани сорвался.

– И ты со мной, – твёрдо ответил дед.

– Я не буду жить в деревне, – от слёз голос звучал нетвёрдо.

– Живи, где хочешь. Я же тебе давно откладываю на будущее, вот и пригодится...

– А учиться? А кто меня замуж возьмёт? Я не буду рожать, бабушка, я уже всё решила.

– Если бы решила, не приехала бы. Ладно, давай спать. Ты, кстати, надолго?

– В понедельник утром поеду... 12-е – выходной.

– А ну да, ну да, – ответил дед, задумавшись о чём-то своём.

Утром, когда Аня проснулась, деда дома не было. Девушка успела нажарить блинов, когда он наконец появился.

– А я уже позавтракавши, – проговорил весело Михаил Иванович, снял кепку и положил на подоконник. Достал из чёрной тканевой сумочки – сам шил – литровую банку молока.

– Где? – спросила Аня.

– К Марусе ходил, – довольно проговорил дед.

– И часто ты к ней ходишь? – улыбнулась Аня, наливая молоко в крепкий чёрный чай.

– Пей-пей молочко, Анютка.

Девушка нахмурилась: дед не называл её Анюткой с самого детства. «И зачем я приехала? Только расстраивать его». Аня свернула блин в трубочку, обмакнула в вишнёвое варенье.

– Ну всё, Коля вечером к нам придёт, – объявил дед. – Надо бы что-то приготовить. Он обещался бабе Маше приехать, вот она его к нам и направит.

С Аниного блина на стол капало варенье. Она утром «пемолуксом» долго оттирала клеёнку от копоти. На светлой поверхности с выцветшими цветами тёмно-красные капли выглядели как шляпки крошечных боровиков...

– Главное, гостя хорошо встретить, – продолжал дед. – В морозилке, вроде, курица была. Нет, курицу я съел уж недели две назад. Куплю у Потехи. Я сам обдери, не волнуйся... Может, сразу и посватается.

Аня захохотала. Так заразительно смеялась, до слёз, что дед не выдержал и тоже стал с ней смеяться. Но вдруг у неё поджалась нижняя губа, и она громко, по-детски заплакала, открыв рот. Дед сжал губы, уставившись в стол. Хотел что-то сказать, но не мог... Он даже на похоронах Любови Егоровны не плакал. Только губы сжимал, и зубы, и кепку всю измял в руках. И с тех пор не проронил ни одной слезинки.

Аня понимала, что, несмотря на горячее желание бабы Маши и деда, никто к ним вечером не придёт. Но курицу всё-таки запекла с картошкой. Очень уж хотелось полакомиться домашней птицей. Дух от неё стоял на весь дом. Аня не могла дождаться, когда вынет блюдо из духовки и поест с удовольствием.

– Мы Колю подождём. Без него кушать не будем, – вдруг сказал дед.

Он сидел за столом в бежевой старой рубашке, зашивал Анину правую сандалию – ремешок расслоился.

Аня открыла рот, чтобы сказать, что так они вообще этой курицы не поедят, как дверь с шумом открылась.

На пороге стоял высокий мулат, светло-голубая рубашка наполовину выбиралась из брюк. Туфли запыхались. «Наверное, прямо с работы», – мелькнуло у Ани.

- Бабуле плохо, – вырвалось вместе со сбившимся от бега дыханием.
- Скорую вызвал?

Аня скинула фартук, стала торопливо обуваться. Дед сидел словно в ступоре.

- Не даёт, говорит, ничего страшного.
- Идиот, вызывай скорую!

Вместе исчезли в дверном проёме. Дед остался сидеть. Он не мог решить, идти за ними или нет, правда ли Марусе плохо или она специально это придумала, а если она всё-таки умрёт, то свадьба точно расстроится... Наконец решил разобраться во всём сам, машинально взял кепку с подоконника и заторопился к соседке.

Скорая ехала сорок пять минут, за это время Аня узнала, что темнокожие могут белеть. В больницу бабу Машу брать отказались, сделали укол, сказали, что ничего не поделаешь. Ровно в полночь она умерла.

«А от чего умирают в старости? – думала Аня, держа под руку деда по дороге домой. – Какой-то орган выходит из строя? Первый из всех остальных... Сердце? Или печень отказывает? Нет, если печень, человек ещё будет жить... Сердце или лёгкие, наверное. А может быть, мозг. А может быть, одновременно...» Только у дома Аня вспомнила, что не потушила духовку, вся кухня была в дыму. Дед Аню не ругал, не до этого.

Через два дня, в понедельник, были похороны. Из Харькова приехала двоюродная сестра бабы Маши, Виктория Игоревна. Она молодо выглядела для своих шестидесяти лет, носила очки и даже курила. Виктория Игоревна отработала в школе 40 лет. Под её строгим взглядом даже Михаил Иванович чувствовал себя школьником, хотя и был старше её почти на восемнадцать лет.

Она помогала Николаю с организацией похорон, поминок, давала бытовые советы, предлагала помощь в продаже дома... Николай мало отвечал, делал то, что говорили.

Когда гроб опускали в могилу, в толпе вдруг послышались странные звуки, показалось, что кто-то смеётся, стали искать глумливого виновника.

- Дедушка... – Аня гладила деда по плечу.

Михаил Иванович плакал навзрыд.

Посреди большой светлой комнаты в доме бабы Маши стоял застеленный скатертью стол, стопками высились вымытые досужими женщинами тарелки, в тусклом стекле старинных бокалов мягко отражался свет заходящего солнца. Виктория Игоревна сидела на диване с сумкой в ногах. В дверном проёме стоял Михаил Иванович. Коля сидел во главе стола, отвернувшись к окну. На кухне домывала кастрюли Аня.

– Точно не будешь продавать? – строгим голосом спросила Виктория Игоревна.

Михаил Иванович вздрогнул, но снова мысленно проговорил, что это профессиональная издержка, а так она женщина хорошая.

- Нет, – глухо ответил Николай.

– Ну, я поехала. Если что-то нужно звони, не стесняйся.

Николай ничего не ответил.

– Я провожу, – Михаил Иванович взял сумку. – В автобусе как же?..

– Я только до Октябрьского, а там Витюшка встретит.

– Внук?

– Да, младший.

Аня пришла из кухни, вытирая руки о полотенце.

– Спасибо вам, Виктория Игоревна...

Та ничего не ответила, властно притянула к себе Аню, обняла.

– Ребёночек Колин? – вдруг спросила полушёпотом и показала Ане на живот.

Девушка остолбенела.

– Да я только рада. Женитесь. Без всяких там предрассудков. Поняла?

– Ага, – кивнула Аня испуганно, она всегда слушалась учителей.

– Или Николай чудит? – нахмурила женщина брови. – Так я с ним поговорю.

– Не надо, – еле разжала губы Аня, но женщина уже направилась к Коле.

– Дружочек, ты давай не тяни с этим. Вышел ребёночек ненароком, ничего страшного. Ты и сам на свет появился точно так же, а вон какой красивый вышел. Нечего долго горевать, животик уже виден, надо новую семью строить.

Аня полными ужаса глазами смотрела из дверного проёма. В хату вернулся Михаил Иванович.

– Виктория Игоревна, – позвал кротко, – опоздать можете.

– Иду, – отозвалась женщина, крепко обняла парня и вышла.

Аня по-прежнему стояла в противоположной части комнаты и не могла пошевелиться. Как бывает, когда видишь страшный сон и понимаешь, что нужно бежать, но не можешь.

Коля обернулся от окна, медленно подошёл к ней. У Ани вспотели ладони, жгутом скрутило внутренности, в глазах забегали круги. Её вырвало на пол.

– Бедная, – Коля взял за локти, помог сесть на диван. – А какой срок?

Аня легла и закрыла лицо руками.

– Я сейчас встану уберу, – глухо послышалось сквозь ладони.

– Когда мама болела, её постоянно рвало, – ответил Коля, встал, пошёл в коридор за тряпкой.

В доме ничего не поменялось с тех пор, как он двенадцать лет назад отсюда уехал на учёбу.

Когда Аня проснулась, за окном было темно, с кухни доносились приглушённые голоса. Аня резко села, но почувствовала, что снова мутит, и прилегла. Она стала прислушиваться к разговору.

– Да она просто ребёнка оставлять не хочет, понимаешь? – настаивал дед.

Аня почувствовала, как жарко стало щекам.

– Тётя Вика говорит, что на этом сроке уже не решают, оставлять или нет.

– Да ну? – искренне удивился дед.

– Короче, будем рожать!

В ответ наступило оторопелое молчание.

Аня улыбнулась, представляя лицо деда. А потом испугалась, что ему на радостях может стать плохо, и потихоньку приподнялась.

«Только вот что люди скажут? – испуганно подумала она. – Наверняка ведь назло рыжий родится. Скажут, родила рыжего от негра. Стыдно».

Тут Аня поняла, что безумно хочет запечённой курицы. Надо просить деда бежать к Потехе. Или самой сходить, привыкать к хозяйству?

**Амир
МАКОВЕВ**

ЗАТАЁННЫЕ НАДЕЖДЫ

Я снимал квартиру на набережной близ речного вокзала. Мне не хотелось делить её с кем бы то ни было, пусть она и обходилась теперь много дороже. Я больше не выносил никакого соседства, посторонний человек не позволял расти во мне тому странному миру, который я, двадцати двух лет, обнаружил в себе накануне. Мир этот пугающе быстро разрастался и манил в увлекательное путешествие в глубь себя.

Каждый вечер я гулял по набережной от речного вокзала до белой шестиколонной ротонды и обратно. Тихие пассажиры прогулочных теплоходов не привлекали моего внимания, рыбаки понуро следили за поплавками, на скамьях сидели молодые мамы, присматривая за своими детьми. Праздные люди были сами по себе, они говорили о своём, восторгались отблеском заходящего солнца на воде и дышали речным воздухом. Завсегдатаи примелькались друг другу и при встрече отмечали знакомых добрым взглядом, но в разговор не вступали.

Публика в небольшом кафе, где я ужинал, была привычной. Приходили сюда в основном не очень удачливые интеллигентные люди. Если и менялись посетители, то и они обсуждали те же проблемы, пили то же пиво с водкой, закусывали сосисками с тушёной капустой, котлетами с картофельным пюре и жареной рыбой с рисом. Ещё здесь можно было отведать пирожных четырёх-пяти видов, всегда свежих и вкусных необычайно.

В половине шестого там неизменно появлялся сухопарый пожилой мужчина, которого все звали профессором. Он был в тёмном костюме с галстуком, фетровой шляпе и роговых очках. Ни одна черта его продолговатого лица с отрешённым взглядом глубоко посаженных глаз не реагировала на посторонних. На приветствие он отвечал доброжелательно, но сухо, произ-

-
- **Весмир (Амир) Леонидович Маковев** родился в 1963 году в г. Тереке, Кабардино-Балкарской Республики. В 1985 году окончил Саратовский институт механизации сельского хозяйства им. М.И. Калинина (ныне Саратовский аграрный университет им. Н.И. Вавилова) по специальности «Гидромелиорация». С 1985-го работал инженером насосной станции, в Министерстве мелиорации и водного хозяйства КБР, в Кабардино-Балкарском отделении Литфонда РФ, в исполкоме Кабардино-Балкарского отделения Всероссийского общественно-политического движения «Наш дом – Россия», в штаб-квартире Международной Черкесской ассоциации, был помощником депутата Государственной Думы. В коллективных сборниках и литературно-публицистических журналах РФ опубликовал около тридцати рассказов и повестей. Автор книг «В ожидании смысла» и «Возвращённое небо». Член Союза писателей России. Живёт в г. Нальчике.

носил какую-нибудь односложную фразу, по сути означавшую: прошу меня не тревожить. Наверное, строгий преподаватель, думал я.

Профессор просил рюмку коньяку, неспешно выпивал её и откусывал половину карамельки, которую доставал из кармана пиджака. Затем он заказывал несколько варёных сосисок, просил каждую порезать на четыре кусочка и угощал подъедавшихся у закуской собак. Потом возвращался к столу и с явным удовольствием выкуривал сигарету. Ровно через полчаса выпивал вторую рюмку, снова брал порцию сосисок и шёл к собакам. И так строго три раза. После третьей рюмки он рассчитывался, вежливо прощался с буфетчицей и удалялся. Говорили, он уходит до начала музыкальной части в прибрежном ресторане, где звучала современная громкая музыка. Оказавшись как-то за соседним столиком, я слышал, как он в глубокой задумчивости тихо произнёс: «Сюда бы духовой оркестр Дома офицеров».

Почему я всё это вспоминаю, более того, уделяю место в моём рассказе? Ведь ни с кем из этих людей я так и не познакомился, даже не заговорил ни разу. Наверное, они вмешиваются в моё повествование потому, что в каком-то смысле имели отношение к той женщине, которую я в один из вечеров заметил на набережной.

Она стояла у парапета и смотрела то ли на другой берег, то ли на рыбаков, а то просто на воду. Может, я и не задержал бы на ней взгляда, если бы она не переходила с места на место на короткие расстояния, да и там недолго задерживалась. Не обратить внимания на её походку было невозможно. Осанка горделивая, мышцы плеч не напряжены, голова приподнята, сначала вперёд идёт стопа, затем корпус – женщина, можно сказать, плыла. Я подумал: она идёт, получая удовольствие от самой себя. Проходя мимо, я отметил белизну её кожи, очень мне симпатичную, красивые икры, утончённые и ровные, и бирюзовые туфли-лодочки на острых каблуках. Из-за пышных до плеч рыжеватых волос, почти закрывающих лицо, я не мог определить её возраст ни со спины, ни даже в профиль.

Она была в винтажном платье сиреневого цвета с отложным воротником на стойке. Такие я видел в потрёпанных журналах «Крестьянка» и «Работница», оставшихся в моей новой квартире от прежних постояльцев. Временно оказавшись без книг и телевизора, я перечитал их много раз и даже изучил рисунки выкроек женских платьев на их вложениях. Глядя на неё, я подумал: сними её с высоты каблуков, она станет одного со мною роста, и решил, что эта женщина мне подходит и с нею нужно познакомиться.

В тот вечер она не повернулась в мою сторону, и я ушёл, так и не увидев её лица. На следующий день я остановился вблизи неё, надеясь привлечь к себе внимание, но не мог найти повод. Вдруг она повернулась ко мне и улыбнулась как знакомому человеку.

– Я тоже за ним наблюдаю. Правда, он странный? – быстро сказала она и тут же отвернулась. – Рыба, я вижу, его не интересует, он разговаривает сам с собой. Ведёт диалог и сам выступает в двух лицах. Такой смешной. – Она снова взглянула на меня, вероятно, ожидая подтверждения своей наблюдательности, и на мне задержался её оценивающий взгляд.

Меня несколько не занимал этот чудаковатый рыбак, меня удивила она: незнакомка оказалась значительно старше, чем я предполагал – ей было лет тридцать пять или около того. Её хрустально-зелёные глаза с чёрным ободком казались бездонными, чудилось, что от них идёт невидимая холодная волна, и я до физического ощущения испытал её на своём лице. Но голос у неё оказался нежным, с медовым вкусом, с тёплым, убаюкивающим тембром. Я подумал, что и свет этих глаз, и голос плывут ко мне с волшебной поляны, где чародейные пчёлы и цветы создают мёд для какого-то сказоч-

ного королевства. А под левым уголком её губ я заметил светлый шрамик в виде запятой.

Она улыбнулась, посмотрела на меня через плечо и сказала:

– Ходите кругами...

– Что? – не понял я.

– Ну, пусть не кругами. Ходите туда-сюда за моей спиной. Я всё вижу.

– Разве ходить запрещено? – сказал я, не умея ничего глупее придумать.

– Ходить – нет. Но вы прожгли мне затылок. Я же чувствую.

– Неправда, я смотрел... на ваши ноги. Туфли... Они интересного цвета.

Просто привлекли моё внимание. Я думал, они бирюзовые. И походка у вас...

– Выкрутились, – сказала она и тихо засмеялась.

И меня снова отнесло к волшебной поляне: я решил, что такие несмелые, но волнующие звуки можно обнаружить у полевых цветов во время дуновения ветра, если б, конечно, мы умели слышать их голоса. Я бы сказал, что она смеялась шёпотом.

А потом она добавила:

– Хотя верю вам. Почему бы и нет?

– Верите, потому что ноги ваши и вправду красивые.

– Верю – потому что мои туфли меняют цвет в зависимости от освещения. Интересные, как вы выразились. Европа! Слышали? Может, читали? Вы книги читаете, студент? Впрочем, за студента извините. Просто рука в чернилах. Правая, вот здесь... – И она коснулась моего запястья.

Как оказалось, и рукав моего светлого пиджака тоже был слегка запачкан. Мне стало очень стыдно, и я повёл себя ещё глупее, начав оттирать пятна.

– А походка... Я занималась балльными танцами. Вот я, например, – сказала она, указывая на большой плакат с двумя девушками, – так бы ногу не поставила. Сидя, я обязательно вытянула бы носочек... Почему вы замолчали? Вы что-то про ноги говорили. Продолжайте, я слушаю. Тема любопытная. Особенно для молодых людей вроде вас. – Она выпрямилась, встала напротив меня и добавила: – Смелый какой.

– Какой там смелый. Знали бы вы... Мои бесы жалко суетились, когда я стоял за вашей спиной.

– А вы мне нравитесь. Скажите, это у вас способ такой располагать к себе? Выдаёте свои приёмы. Обнажение метода называется, да? Собеседник верит в вашу искренность – чик! – и попадает на крючок.

– Какой там чик... Берите выше: я знал, что встречу вас.

– Как вы сказали? Даже так? Любопытно.

– Я переехал вон в тот дом. И такая тоска меня взяла. Сам себя не выношу. И никого не хочу видеть. Разве что мне нужен человек, который... которая... Короче говоря, я вас вызвал. Я вас придумал. И вызвал.

– Знаете что, – сказала она, заметно грустнея, – я взрослая девочка и не люблю банального трёпа молодых людей. Но сейчас, кажется, я готова поверить любой сказке. Что вы улыбаетесь? В этом нет никакой вашей заслуги. Просто мне очень грустно. – Последние слова она произнесла с таким усилием, как будто на них ушли все её силы.

Я предложил пройтись по моему маршруту – что зря стоять?

– Нет, я устала, хочу присесть, – сказала она.

– Тогда присядем за столик в кафе, – пригласил я. – Выпьём лимонаду или, если пожелаете, чего-нибудь... вина, например.

– Боже меня упаси здесь пить. Так посидим. А вы пьёте, любите это дело?

– И я не пью. Иногда только. Я вроде как ещё спортсмен.

- Почему вроде?
- Бросаю. Думаю, теперь брошу.
- Так говорят курильщики или пьяницы. Спорт разве бросают? Из спорта уходят. С достоинством.
- Именно брошу. По своему желанию я не смогу из него уйти. Мне тяжело принять решение. Была серьёзная травма. Полгода не занимался. За это время перечитал весь пятнадцатый отдел институтской библиотеки: философия, этика, эстетика, психология. Знаете, во мне что-то пробудилось. Можно сказать, стал другим человеком. Я вдруг понял: впереди меня ожидает что-то важнее спорта. Спорт – что? – временное занятие. Брошу. Хотя и обидно – ведь я выигрывал крупные турниры. Для себя, конечно, понемногу занимаюсь. Но главная причина – у меня нет энергии для чемпиона мира. А быть рядовым спортсменом я не желаю. Нигде не желаю быть рядовым.
- Охотно верю. Похоже, знаете ли, это на вас. И чем вы занимались?
- Борьбой.
- Я должна была догадаться. По шее, плечам, ну, и по рукам, конечно. Как это, наверное, интересно. Не бросайте, я хочу посмотреть, как вы боретесь.
- Борьбу вы и так можете посмотреть. Придёте как-нибудь в институт, в зал. Пока я здесь.
- А вот и приду. Хотите, угадаю, где учитеесь? В политехническом!
- Нет, наш институт возле «Крытого рынка».
- А, знаю, знаю... И куда уезжаете?
- Пишу диплом. Защита. А потом – куда распределят.
- Вот как, – сказала она. – И всё-таки зря уходите из спорта.
- Я не всё сказал: был ещё соблазн весёлой жизни. До моего переезда сюда я жил с двумя приятелями. Это они заперли мои вещи на квартире и уехали на Кавказ. Так они пишут диплом. Думали, я с ключом ушёл, а его-то я в той квартире на подоконнике оставил. Я приходил с тренировок и находил на столе записку: «Мы в ресторане «Олимпия», или в «Русских узорах», или в «Садко». А то и с девушками заставал дома.
- Ах, вот оно что! Не устояли, значит. Так, конечно, чемпионом не станешь.
- Присаживайтесь. В ресторан пока пригласить не могу. Студент – вы угадали. Но скоро я буду богатым и счастливым. Запомните моё имя.
- Я назвалась и пошёл в буфет за лимонадом и пирожными «корзинка». Вернувшись, сказал:
 - Что мы всё обо мне? Ничего о вас не узнал. И так, она звалась...
 - Не поверите – Татьяной! Да, да... А за студента я извинилась. И что с того, что студент? Выглядите вы очень даже взрослым. Это из-за борьбы такой мужественный вид, я знаю. И говорите вы не как студент. Чувствуется пятнадцатый отдел. Я что, студентов не видела? Они шалопаи. Так что... Ммм, пирожное просто чудо! Свежее-пресвежее! Верите, никогда здесь не была. Откуда вы знаете, что «корзинка» – моё самое любимое из всех? Только не врите мне – мы с вами никогда не встречались, и нечего мне заливать. Ой... – Она заметила приближающегося к кафе профессора. – Не хотелось бы с этим товарищем встречаться. Подумает чёрт знает что. Мой сосед по подъезду. Теперь уже не улизнёшь. Сейчас скажет: «Графиня...»
- Когда профессор её заметил, глаза его на мгновение оживились, но он сделал вид, что ситуация вполне обычная, приподнял шляпу и приветствовал мою спутницу:
 - Графиня, доброго вам вечера.

– Здравствуйте, лорд Баттенберг! – парировала она. – Как поживает ваш манчестерский тойтерьер?

– Благодарю вас. Третьего дня немного зашиб лапу, а теперь всё хорошо. Иду вот кормить. Ждёт не дожждётся.

Когда он пошёл к буфету, Татьяна пояснила шёпотом:

– Это мы так с ним играем. Хороший дядька. Во всём доме он общается только со мной. Но всё равно – допивайте свой лимонад, и бежим отсюда. Я ужасно его стесняюсь. Мне кажется, он читает все мои тайные мысли.

Мы пошли по аллее набережной, и Татьяна рассказала историю профессора, которая оказалась на удивление романтической: вот уж никогда бы не подумал, что главное событие его жизни – любовь. Впрочем, она поначалу была таковой. Жена оказалась с червоточиной, со множеством кротовых нор в сердце, поди поймай её и настрой на серьёзную семейную жизнь. Неудержимая выдумщица, лёгкая и влюбчивая, она совсем не подходила углублённому в себя молодому учёному, уже тогда автору какого-то изобретения к турбореактивным двигателям самолёта. Возможно, её привлекли деньги, квартира на улице Космонавтов и радужные перспективы. А может, любила по-настоящему. В первое время – кто знает, почему бы и нет? У них родился сын.

А потом наш герой чем-то отравился и четыре года не мог нормально работать – лежал по больницам, лечился в санаториях, медленно приходил в себя. Вот тут и проявилась сущность лёгкой и влюбчивой: взяла сына и ушла к другому перспективному человеку. Когда он вылез из больницы, она стала время от времени присылать к нему сына, а через год сама вернулась. Он всё ей простил и был безмерно счастлив, потому что любил. Так она уходила ещё раза два, а на третий исчезла. Вышло, что навсегда. Как, должно быть, ему было больно от этих потрясений! Возможно, всё это время он как-то с ней общался, но жильцы дома об этом ничего от профессора не узнали, человек-то он наглухо закрытый. Да и сын таинственно исчезал во время школьных каникул. Его он вырастил и за папу, и за маму, да ещё каким – тоже большим специалистом в авиастроении. Сын теперь живёт в столице и по занятости редко приезжает к отцу. Говорят, и мать где-то от него недалеко – чего только не разудают сплетницы их образцового дома! А наш профессор остался один, учит студентов в своём родном институте и клянёт всех, кто разрушил в стране прежний строй и порядки – это у него самое больное. «Какую страну погубили!» – скажет он, когда, забываясь, говорит сам с собой. Единственное его развлечение – это вечера в Доме офицеров, что находится через дорогу от сада Липки. Говорят, именно там профессор познакомился с будущей женой и потому так любит этот оркестр. Он садится в укромное место – знакомый Татьяны видел там его несколько раз – и грустно наблюдает за танцующими парами. Бывает, подхватит понравившуюся мелодию, начнёт тихо подпевать, потом всё громче и громче, как вдруг, спохватившись, замолкает и смущённо озирается по сторонам – не заметил ли кто его оплошности.

– Да, грустная история... – я перебил Татьяну, чтобы сменить тему. – О профессоре я кое-что узнал. О вас – ничего.

– А мне уже пора, – ответила она. – Какая досада. Да и холодает. Как будто не лето, ей-богу. Хотя вечер уже.

Она протянула руку, и я её пожал. Мне почудилось, будто узкая ладонь Татьяны гает в моей крепкой руке. Не выпуская её, сказал:

– Я провожу.

– О, не стоит, – улыбнулась она. – Бурные реки, стрелы дикарей и хищные звери – позади. Дальше сама доберусь. Знаете, за время нашего разговора я поменяла о вас мнение три раза. Сейчас очередное – четвёртое. –

Она засмеялась тем же волнительным безголосым смехом. А уходя, добавила: – Это оценка, между прочим. Можете занести её в свою амбарную книгу очарованных вами женщин... Или разочарованных. Какое там соотношение? Выберите сами, в какую строку меня записать. Пока, пока!

С аллеи она поднялась по ступенькам и зашла в первый подъезд дома, напротив которого мы стояли.

Мне она понравилась. Но оставил ли я о себе хорошее впечатление? Может, она говорила со мной от скуки, оттого, что по каким-то причинам ей сегодня некуда было деться? Может, ждала мужчину, а он не пришёл. Или я всё-таки смог её чем-то заинтересовать? Ну, это вряд ли. Женщины с такими глазами редкость, я общался с ними – они гордые и неприступные, знают себе цену, во всяком случае, эта дамочка не про меня. Ничего о себе не сообщила, даже не сказала, что сможем ещё раз встретиться. А намёк на амбарную книгу – это она о чём? Воображаю, за кого меня приняла. А куда, если на то пошло, мне записать её оценку? Какая она? Задала задачу. Должно быть, посмеялась надо мной. И зачем я выдал такую глупость, что придумал её, вызвал? Мальчишество! Досадная оплошность! Хотя... ну и пусть! И вообще: она много меня старше, и у нас ничего бы не могло получиться. Правду сказать, не было никакого поражения и отставки – зачем себя принижать? Я пишу диплом, скоро уеду домой, и мне всё равно, что обо мне подумал случайный человек.

Я ушёл к себе с твёрдым намерением не искать с ней встречи. Не пойду больше гулять – и всё тут! Да и длительные прогулки теперь для меня роскошь: много работы по дипломному проекту, отстаю от графика.

Однако не удержался и уже на следующий день отправился на набережную. Я ходил около двух часов вдоль парапета, где её встретил, но она не появлялась. Зато появился профессор – и надо же было мне оказаться на его пути. Впервые он посмотрел на меня – посмотрел с интересом, глубоко и с любопытством заглянув в глаза. Мне стало приятно, что такой важный и строгий человек мною заинтересовался, хотя и по причине, от меня не зависящей. Я удлинил маршрут, но не настолько, чтобы не заметить её появления. Прошёл ещё час, а Татьяна всё не было. В её отсутствие мне скучно стало ходить из стороны в сторону, более того, понял: не смогу больше гулять по набережной без неё. Я почувствовал себя обманутым, униженным и обкраденным.

На следующий день в институте я встретил маленького ушастого Савву, своего однокурсника, и он пригласил меня пожить у него какое-то время. Общительный Савва не мог долго оставаться без собеседника, а от него съехали двое ребят, с которыми он делил двухкомнатную квартиру. Я согласился, потому что он был отличник, но взял с него слово, что будет мне помогать. Савва легко принял моё условие и потащил к себе в далёкий Заводской район, к самому чёрту на другой конец города. За пять дней я сто раз пожалел, что перебрался к нему. В его квартиру наведывались бездельники нашего курса за такой же помощью, и заканчивалось это шумной пьянкой. Каждый приходил с бутылкой коньяка (Савва пил только коньяк, помаленьку, но регулярно) и дешёвой закуской – в то время не принято было платить за услуги в учёбе. Считали: выпили с ним – и довольно с добродушного Саввы. Удивительно, он мог работать в любой степени опьянения, а под большим градусом становился только внимательнее. На моё недоумение он отвечал: «Да привык, это уже моё нормальное состояние». Он в два счёта вывел меня в финальную часть моего диплома, мне оставалось, как он сказал, только окультурить, что он накарябал. Утром я собрался было уйти,

но Савва, с вечно повязанным на голове цветастым платком и карандашом за ухом, воскликнул:

– Как! Ты разве не знаешь, что я родился в двенадцать часов пятьдесят с чем-то минут? А когда это случилось? Ровно двадцать один год назад! Дата в некотором роде круглая. Полное совершеннолетие. Так что никуда, голубчик, ты не уйдёшь. Я и запасы кое-какие сделал. Сейчас сестра приедет, тётка – они всё сделают как надо. Ребята подтянутся. Самое главное – невеста моя будет. Познакомлю.

– Поздравляю, – сказал я. – Я-то зачем? Посидите своим кругом, по-родственному. У меня и подарка-то нет.

– Какой ещё подарок? Ты сам подарок. Чемпион! Да ещё всесоюзный! А твои мои думают, я с пьяницами только вожусь.

– Неудобно как-то. Но подарок за мной.

– Умоляю, что за мешанство? Короче: говоришь моим, что ты мой самый лучший друг. Ну а я твой. И вообще, ты мой должник. Такого диплома, как у тебя, даже наш доцент не напишет.

С этими словами он достал из моей спортивной сумки вещи и небрежно разбросал по квартире. Зубную щётку, мочалку, бритвенный прибор вернул в ванную комнату. Мне стало стыдно, и – что делать? – пришлось остаться.

Вскоре появились старшая сестра и тётя с четырьмя большими сумками. Сестра такого же типа, что и Савва. Всё схоже: рост, вес, форма лица, живые круглые глаза, и если бы не её длинные волосы, то она точь-в-точь ещё один милый, обаятельный Савва.

– О, – воскликнула она, – я узнала! Савва о вас рассказывал. Вчера по телефону. Спортсмен, да? Штангист! Силища!

– Лозя, – крикнул Савва из спальни, – что такое ты городишь? У штангистов уши в состязании не участвуют. А посмотри, какие они у него – полуманые! Борец он. Самый что ни есть первый чемпион.

– Ой, простите! Верно... – согласилась Лозя.

И тётя высказалась:

– Очень приятно познакомиться. Лозя как сказала о вас, ну так я, знаете, обрадовалась! Теперь мы с сестрой за Саввушку спокойны. Те ребята, прямо скажу, чересчур шустрые были. Понимаете же меня? А вы такой положительный!

Савва высунул из-за двери спальни голову и кивнул мне за их спинами: мол, что и требовалось, дело сделано.

Тётя тоже была на них похожа, разве что старше на три десятка лет. Обе приветствовали меня как любимого ими старого знакомого. Какие сердечные люди, подумал я. Вот бы научиться этому – радоваться каждому человеку независимо ни от чего. Наверное, у них весь род такой, а вот я сложный и не очень весёлый человек. Но что об этом горевать, лучше помочь людям с сумками и отнести продукты и торт в кухню. В одной зазвенели бутылки, на что Савва, выходя из спальни, сказал:

– Мы не будем дожидаться закуски, примем по чуть-чуть. И нечего там шипеть, имею право! – крикнул он в сторону кухни возмущившимся женщинам. А мне сказал, ожидая солидарности: – Так легче дожить до официальной части, правда?

В этот самый момент появился его двоюродный брат – сын только что вошедшей тётя. Это был уверенный в себе темноглазый парень, в строгом синем костюме, с выверенным пробором в напомаженных волосах и красивыми ухоженными усиками. «Милый друг» – я дал ему прозвище героя известного мопассановского романа, потому что представлял того авантюриста именно в облике вошедшего молодого человека. В его кожаном портфеле

было пять бутылок грузинского вина. Ещё у него была небольшая джинсовая сумка, указывая на которую, он произнёс:

– Мой дорогой брат, здесь всё, что приблизит тебя к яхтам, девушкам и носкам без дырок. С ними ты будешь неотразим в любом обществе. Ну, и кое-какие безделушки от моего большого и чистого сердца... Не перебивай – что у тебя, прости Господи, за недержание?.. Короче! А вот этот кинжал – оружие доблестных черкесов. Оно не какое-нибудь там сувенирное изделие, а самое что ни есть настоящее, боевое. Мне его друг-черкес подарил по случаю моего блистательного дебюта в «Гамлете». Он считал, что Гамлет непременно должен ходить с черкесским кинжалом. И был недалёк от истины. Что-то черкесское есть в моём герое. А в тебе, мой дорогой брат, ничего такого нет и в помине. Поэтому тебе нужно хотя бы какое-то время подержать эту благородную вещь у себя. Кто знает, вдруг поможет. Мне помогло. Береги его, как... Я потом заберу.

Савва снял со стены давно бездействующие часы и повесил кинжал. Кузен продолжил:

– Вообразите, двести лет назад его рукоятку сжимала рука храброго воина. Интересно-то как: настоящего воина! Ну, довольно. Теперь моё величество готово есть, пить, общаться с красивыми девушками и произносить тосты...

С его появлением стало шумно. Савва настаивал на своём «по чуть-чуть». Тётя ласково укоряла: этим он перебьёт аппетит и себе, и другим, а ещё – разве не стыдно перед невестой? Но имениннику, сделавшему жуткую гримасу, покорилась.

Нам быстро нарезали огурцы, помидоры, сыры, колбасы, отварной говяжий язык, украсили веточками зелени и искусно разместили всё это в лоточках эллипсоидной формы. Я подумал: кто-то из женщин имеет прямое отношение к кулинарному искусству и сервировке. Оказалось, обе работают в ресторане. Уже были разложены по тарелочкам принесённые с собой сложные салаты, готовилось жаркое, кролик в сметане с молодым картофелем, подходили цыплята табака с хрустящей корочкой, а четыре жирных карпа ожидали, когда для них освободится конфорка газовой печки.

– Честь имею, – представился двоюродный брат Саввы, – Айзик! Артист столичных, а также областных драматических театров. – Он легонько скользнул рукой по блестящему пробору, поправил красный, в горошек, галстук и добавил: – А Савва дело говорит. Идёмте вмажем!

Мы устроились на краешке стола, чтобы не мешать женщинам. Разливая коньяк, Савва пояснил, почему Айзик сказал «театров» во множественном числе.

– Это потому, что он работал во многих театрах. Отовсюду его... как бы это мягче... его просят. Одним словом, репертуары отечественных театров ему не подходят.

– Нет, это потому, что я ищу новые формы. Я всегда хочу углубиться в роль, – сказал Айзик, уже обращаясь ко мне. – А вы, Савва, злобный карлик и хам. Точнее, хамёк. И такой, знаете ли, с самого голубого вашего детства. Пусть и товарищ об этом знает. Он поверит – у него честные глаза.

– Да, не то что у тебя, – парировал Савва.

– Жаль, что сегодня я обязан произносить тосты и пить за вас. Но заметьте: делать это я буду без всякого удовольствия! – сказал Айзик.

– А что я такого сказал? Ваше дарование не уместается в предлагаемые вам роли! И что это за «хамёк»? Нет такого слова в словарях.

– Теперь будет! Кстати, хорошая мысль насчёт словарей. Об этом надо позаботиться. Я намерен вас обессмертить, – заявил Айзик.

Неожиданно они расцеловались непринуждённо, по-братски, и мы выпили.

– Ну что, дуплет в середину? – спросил Савва.

– А как же иначе, мой милый? – сказал Айзик. – Плохое настроение нужно душить в зародыше – сильными, загорелыми, волосатыми руками!

Савва тут же наполнил рюмки, мы снова выпили, закусили. После второй рюмки коньяк меня с непривычки пронял. А ещё я не мог понять, когда братья играют, а когда говорят всерьёз. И почему они вдруг перешли на «вы»? Но раз, думаю, они обнялись и поцеловались, то недоразумения закончились. Но тут Айзик спросил меня:

– Как такой солидный товарищ, как вы, с ним дружит? Обратите внимание на его вид. На голове какая-то идиотская повязка! А что означает карандаш за ухом? Он что, так и будет с ним ходить? Парнишка Чингачгук. Или лучше – Чук и Гек, прости Господи. А еще лучше Чунга-Чанга какой-то. Торжество, можно сказать, уже началось – ну, раз уже я здесь. Сейчас придут гости, невеста, сказали, будет. А он до сих пор в затрапезном виде. Я в его годы Гамлета играл!

– И доигрался, – ответил Савва и побежал переодеваться.

– Давайте выпьем, пока его нет, – сказал Айзик. – А то при нём что ни отправляй внутрь, всё идёт мимо желудка.

Мы выпили по третьему разу. И тут время ускорило. Савва, одеваясь на ходу, несколько раз пробежал мимо нас на лоджию и обратно в спальню. Старательными женщинами стол был вскоре накрыт. Не устроенными остались хлеб и ваза с фруктами, и мы с Айзиком долго колдовали, куда бы их определить. Затем посчитали число ожидаемых гостей, количество стульев в зале, табуреток в кухне, плюс три верных места на диване, и, если подвинуть к нему стол, – разместить можно всех. Тётя и сестра попросили ради бога о них не беспокоиться, за стол они не сядут, лишь бы нам было удобно.

В этот момент в квартиру шумно ввалились возбуждённые молодостью и здоровьем две девушки и два парня. Они начали смеяться ещё за дверью, видимо, кем-то из них брошенной шутке. Одна девушка – блондинка, с красивыми длинными ногами – ростом выше своих друзей, поэтому нетрудно было догадаться, которая из них невеста Саввы. Другая – точно искусно сделанная куколка, с отточенными чертами белоснежного лица. «Ну прямо миниатюрная японочка», – сказал я Айзику. Как только она переступила порог, у неё зарделись щёки с ямочками, будто попала к нам с мороза. Оба парня смешливые, рыжие, губастые – вполне могли бы сойти за братьев, если бы, как потом оказалось, не разные фамилии и разные города проживания.

Все начали говорить разом и много, неизвестно о чём и зачем – нельзя было ничего разобрать. Однако гости быстро и легко расселись, вручив перед этим подарки и помыв руки. На почётный мягкий диван хотели посадить Савву с невестой, но они его уступили нам с Айзиком – ни он, ни она не дотянулись бы до блюд с низкого дивана. Это наблюдение озвучил Айзик, по-видимому, мстительно отвечая Савве за неподходящий его таланту репертуар отечественных театров. Все были радостно возбуждены, и никто не обнаружил колкости в его словах. Айзик произнёс приветственное слово. Он попросил гостей есть, пить, веселиться. Пожелал старшим здоровья, младшим быть достойными старших и всем унести с сегодняшнего вечера наиприятнейшие воспоминания.

Мне стало неловко, что один я без подарка, и решил сейчас же купить Савве дорогую электрическую бритву, которую видел в одном из ближайших магазинов. Он хотел её, об этом мне было известно. Деньги у меня имелись, родители за день до этого прислали на празднование защиты диплом-

ного проекта. Я сказал, что мне надо срочно позвонить, но Айзик выделил только семь минут, чтобы я добежал до телефонной будки, стоящей на углу нашего дома, переговорил и вернулся до истечения времени. Иначе последует суровое наказание, которое они будут придумывать в моё отсутствие. Всем эта идея понравилась. Один из рыжих парней снял с вешалки Саввино сомбреро, попросил присутствующих писать на салфетке способ моего наказания и передавать ему. Надо было торопиться, не в моих правилах осуществлять фантазии из чьей-то глупой и пьяной головы. Но, как только я взялся за ручку входной двери, в квартиру позвонили. Открыв дверь, я увидел Татьяну.

Надо сказать, я её не сразу узнал. Стоящая передо мной женщина в джинсовых брюках и куртке, больших солнечных очках и сумочкой за плечами ничем не была на неё похожа. Но что-то держало меня в сомнениях. Я смотрел на незнакомку почти минуту и всё это время молчал – не спрашивал, кто ей нужен, по какой надобности пришла, а потому не торопился приглашать. А ещё раздражали крики из гостиной, мол, зря ты так легкомысленно тратишь время – пощады не будет! Но почему этой женщине не оказаться очередной гостьей Саввы – мало ли, кого он ещё пригласил? За большими и совершенно непроглядными стёклами очков невозможно было с уверенностью распознать знакомые черты. И она ничего не говорила, только улыбалась. Не может быть, чтобы Татьяна сюда добралась? Это просто невозможно! Она запала мне в душу – вот и мерещится. А если принять во внимание действие коньяка, то других объяснений моим галлюцинациям и не нужно.

– Вы к Савве? – спросил я.

– Так, меня пригласят войти или как? – спросила она, не отвечая на прямой вопрос.

И даже тогда я не узнал её по голосу. Я посторонился, давая ей пройти, и закрыл дверь.

– Эй, там, на шхуне! – крикнул Айзик.

А дальше пошла виртуозная игра, какую я редко видел даже у выдающихся актёров. Впрочем, это и нельзя было назвать игрой, до такой степени он был органичен в каждом образе – а их он, чередуя, подал нам сразу несколько. Айзик спросил:

– Что там за шум? Кто пришёл? Ну что вы там стоите, как у архиерея на именинах! Я ничего не вижу! Позовите Вия! Хотя бы дайте в прихожей свет, невозможно работать! А вас, Балаганов, я уволю к чёртовой матери! – сказал он, обращаясь ко мне с напускной сердитостью.

Я узнал, откуда эти реплики, и решил ему подыграть:

– Я думал... я думал... – начал я робко.

– Ах, вы думали? – убедительно возмутился Айзик и подмигнул мне. – Вы, значит, иногда думаете? Вы мыслитель. Как ваша фамилия, мыслитель? Зиновьев, Пятигорский, Мамардашвили? Вам куда было велено идти? Молчите, молчите! Правильно: встречать нашу бабушку из Мариуполя! А вы до сих пор не покинули пределов квартиры. Ладно, чёрт с вами, командуйте парадом! Кто с вами? Вводите! Должно быть, кто-нибудь из «Геркулеса». Савва, ты приглашал сегодня коллег из «Геркулеса»?

За мной в гостиную вошла Татьяна, и мы оказались у стола.

– Боже мой, какая фемина! – воскликнул Айзик. Он пригласил гостью сесть рядом с ним: – Сюда, пожалуйста, на почётное место. За товарища не беспокойтесь, он здесь свой. Признаюсь, не терплю соперников. Тем более когда они слюнтя. Раньше я убивал таких из рогатки! Но суровые законы демократии связали мне руки. Нет, знаете ли, прежнего энтузиазма в наказании нарушителей закона.

– Ах, – сказала Татьяна, – я вся какая-то угловатая, вся какая-то... Но стоит мне появиться где-нибудь, как все начинают ревновать меня ко всем.

– Ну что вы, разве я похож на старого глупого мавра? Вам удобно? Вот и хорошо.

Айзик взял левую руку Татьяны и с нежностью поцеловал. Он выпрямился, помолчал немного, осматривая стол, и продолжил:

– А тебя, Савва, я просто обязан полюбить с этой минуты. Я подарю тебе за это каурюю кобылу, ту, которую, ты помнишь, я выменял у Хвостырева, и золотую печатку к часам. Пожалуй, пристегну к ним щенка – того самого, ну я тебе его показывал, брудастого. Смерть как люблю этого мордаша, но что делать, придётся расстаться. Нет, нет, не отказывайся, я настаиваю. Ты оказал мне судьбоносную услугу в столь знаменательный день. Ценю. Это очень благородно с твоей стороны. Вот и невеста твоя здесь. И я здесь живу. Однако как тебе не совестно, софрон ты этакий: имея такую знакомую, ты до сего дня ни разу не вспомнил о брате, который тебе роднее родного и который – не за столом будет сказано – немножко да не женат. Но теперь не может быть сомнений – женюсь, какие тут могут быть игрушки!

– Прекрати, дай людям поесть! – перебила мать.

– Виноват, – сказал он, – не спорю, так нельзя. Вы правы, мама, я должен сделать официальное заявление! – Он встал во весь рост, несмотря на неудобство из-за тесноты, и торжественно произнёс: – Товарищи, революция в моей жизни, о необходимости которой всё время говорили отец и мать, братья и сёстры, близкие и приближённые, дальние и удалённые, а также зарубежные родственники, свершилась! Ура, товарищи!

Все так дружно и громко крикнули «ура», что, возможно, жители всех семи подъездов нашего дома вздрогнули, если они были дома.

– Лозя, – приказал Айзик, – неси прибор для гостыи и бокалы для хванчкары и кинздмараули! – Он нагнулся и достал из портфеля две бутылки вина. Сказал, чтобы она откупорила их сейчас же. Указывая на бутылки, он спросил меня: – Кстати, уважаемый, вы случайно не из этих?

– Нет, я как раз вон из тех, – кивком головы я указал на кинжал.

– Однако. Как мир тесен, – сказал Айзик.

Ребята вызвались помочь Лозе, но Айзик их остановил:

– Голуби вы мои сизокрылые, не беспокойтесь. Лозя открывает винные бутылки лучше любого из нас. А вы, мамаша, – обратился он к матери с поклоном, – благословите своего непутёвого и многострадального сына! Что моя жизнь, в сущности? Нищее детство и отрочество, полуголодное студенчество, угар застойных лет, а теперь вот – тревожная перестройка, да ещё с ускорением! Негде обогреть своё сердце, не к кому прислониться в минуты душевной невзгоды. Кто я такой был до этой самой минуты? Ничего не значащий червь мира сего. Но свершилась мечта – она сама пришла! Был бы жив отец, как бы старик порадовался за сыночка!

Мать смутилась, махнула рукой на сына и пошла в кухню, а у сына неожиданно выступила слеза.

– Простите, издержки профессии, – сказал он, доставая платок.

Тем временем я любовался знакомым мне светлым шрамиком в виде запятой у губ Татьяны, которую не заметил в тёмном подъезде. Я почувствовал в ней что-то очень мне родное, будто знал и любил её много лет. Я был горд тем, что эта красивая женщина имеет хоть какое-то отношение ко мне.

Айзик опустился на диван и попросил руку гостыи. Сначала он поцеловал левую руку, затем попросил правую, потом снова попросил левую. Гостыя

послушно и кокетливо подносила их поочерёдно к его губам. Признаюсь, я вспыхнул от ревности. Не то чтобы это была ревность, но в те свои годы я не терпел пренебрежительного к себе отношения. И не позволил бы этого ни ему, ни тем более ей – ведь она, надо полагать, приехала ко мне.

– А теперь прошу тишины, – объявил Айзик. – Имя, слушаем имя прекрасной незнакомки!

– Не поверите – Фемина! – коротко и уверенно ответила гостья и сняла очки.

С улыбкой, которая угадывалась на концах её губ, она обвела присутствующих добрым взглядом. Все смотрели на Айзика. Казалось, у него остановилось дыхание.

– Да, настоящая Фемина! – сказал он. – Однако... Но, дамы и господа, подоспел тост за именинника. Видите ли, на меня как предводителя дворянства возложена почётная обязанность вести сегодняшний стол. Скажите, Фемина, что вы предпочитаете: вино с насыщенно рубиновым цветом, со вкусом красных ягод, с оттенками карамели, розы, фиалки, трампам-пам, прошу пардон, или же другое – с цветом переспелой вишни, такое... ммм... обволакивающее, такое, знаете ли, бархатистое, с нотками сливы, граната, траливали, пардон ещё раз, ну и, допустим, ежевики? Бог мой, это же настоящая поэзия! Майский день, именины сердца. Согласитесь, народ, который создал такие вина, иначе как чародейным не назовёшь. Однако мы отвлеклись. В задачнике спрашивается: какое вино вы предпочтёте?

– Конечно же, то, которое трампам-пам, если оно готово пойти с сыром в кино. Ну и траливали тоже, если оно не откажется дружить с мясом, – не растерялась Фемина.

– В такие лета и уже такие сведения! – воскликнул Айзик. – Я должен вам сказать, что в вас большие способности. Учитесь, Балаганов! А вы свои семь минут так нелепо потратили. Мои янычары жаждут крови – вам не повезло! Где шляпа? Каждому, как говорится, своё! Вынос тела состоится...

– Не-е-т, отдайте его мне! – театрально взмолилась длинноногая девушка. – Зачем ему пропадать без пользы? Савва занят, вы себе даму уже нашли, а у меня аллергия на рыжих. Так что для меня он в самый раз. Я заколдована и несчастна – никто замуж не берёт.

– Что за разговоры?! Кто смеет указывать королю?! – возмутился хозяин стола. – Савва, у нас есть в королевстве свободная темница?

За меня вступилась Татьяна:

– И в самом деле, не нужно линчевать безвинных людей. Прошу вас отменить экзекуцию. Ведь это же он, ваше величество, обманул злого волшебника, вызволил красавицу из тёмного подземелья и привёл сразу же к вам. И даже не коснулся её руки.

– И то верно, – сказал Айзик. – Да ещё какую! Находчивую, учтивую, с умом и добрым сердцем, одним словом – Шахерезаду. Прощаю! Я даже поощрю его! Но потом. А сейчас, прошу прощения, я должен вернуться к своим обязанностям. Итак, милостивые государи и милостивые государыни, если приподнять завесу жизни моего подзащитного, то становится весьма очевидным, что...

– Как ты меня нашла? – спросил я Татьяну. – У меня в голове не укладывается.

– Как нашла? Шла, шла и случайно увидела твой институт. Ты же говорил, что он возле Крытого рынка. В вестибюле увидела огромный стенд с поздравлением тебя и ещё какого-то велосипедиста и ваши фотографии. Под стендом стояли девочки, спросила их, где можно найти того героя, кото-

рый борец? Они не знали, но указали на двух парней, которые спускались по лестнице. Те и сказали, где ты теперь живёшь. Повезло же мне сразу – они оказались с твоего курса. Адреса назвать не смогли, но очень живописно объяснили, как сюда доехать. Назвали, значит, остановку, от неё по аллее до первого поворота, потом направо до пивного бара, от него через дорогу панельный дом, на углу которого телефонная будка с разбитыми стёклами. Третий подъезд, пятый этаж, на площадке – квартира справа, с дверью, обитой коричневым дерматином. А говорил, бросил борьбу. Обманщик.

– Так это давнишние соревнования, зимой было дело, – пояснил я. – Теперь лето. Все заняты – стенд обновить некому. Лучше подумаем, как отсюда выбраться. Я пытался еще до начала, но...

В этот момент к нам повернулся Айзик:

– А ведь я предупреждал, что не терплю соперников. Вот закончу дела и начну карать. – И продолжил: – Так вот, господа присяжные заседатели, подзащитный мой не виноват, у него столько достоинств, что в его же интересах от них сегодня не упоминать. Лучше пусть скорее наступит день, когда мы сможем делать взносы в его честь и в честь вот этой, с позволения сказать, живописно молчащей скромной девушки. Ура, товарищи!

– Только не кричите, ради бога, – опередила мать Айзика.

Она несла жареных карпов и лимоны, и все принялись освобождать под них место. Потом добавила:

– Сначала хорошенько поешьте, а уже потом пейте. А то головушки закружатся.

Все затихли на несколько минут, пробуя блюда. Только теперь к нам пришёл аппетит.

Длинноногая предложила сменить тотальную застольную церемонию на музыку, чтобы они могли потанцевать. Её поддержали. На что Айзик сказал:

– Времена пошли: подданные не хотят жить по-прежнему, они хотят демократии и низложения короля. Учтите, я без борьбы не сдамся!

Но танцы объявил.

Мы встали из-за стола, тут и я, беря Татьяну за руку, сказал Айзику:

– Нам уже пора. Пока не поздно, мы хотели бы провести одного человечка.

– Какого такого человечка? – спросил Айзик. – Ну-ка, скажите: к кому едете? А главное – зачем? Как будто визит нельзя перенести на завтра. Да вы сами не будете рады и даже опешите, если думаете там найти доброе вино и хорошую компанию. – Он повернулся к Татьяне и, переходя на шёпот, сказал: – Обратите внимание, как смотрит на меня этот злой черкес. Я вызвал бы его на поединок, но мы в разных весовых категориях. Я не хочу быть убитым в разгар представления. Хотя вы что-нибудь скажите! По глазам вижу, что не хотите уходить.

– Не имею права, ваше величество, – сказала Татьяна. – Я вообще фольклорный элемент. Я из фей, что живут на набережных. Он меня выдумал и вызвал к себе. Я и...

– ...Материализовались, – помог Айзик.

– Точно, – подхватила Татьяна, – так что спрашивайте с него.

– А я тайн своего волшебства не выдаю, – сказал я. – Мы должны уйти, человечек ждёт!

– Так вот, где таилась погибель моя, – сказал Айзик. Он опустил голову и достал сигареты. – Я должен был догадаться. Кинжал! Зачем только я его принёс? Сам же и навёл на себя беду. Как это вы сказали: он вас вызвал – так? А я, получается, вызвал его. А он возьми и... Увели девушку! Прямо

из стойла увели. Мне ничего не остаётся, как распустить армию и отбыть в Урюпинск. В изгнание!

Я искал свои вещи, мешая танцующим, а они были аккуратно сложены женщинами в спальном комнате. Попрощался с гостями, извиняясь за вынужденный уход, крепко их обнимал и почему-то обещал вернуться, хотя и не уточнил, когда. Вышел на балкон, где в одиночестве курил Айзик. Его лицо в тот момент мне показалось усталым и печальным – такими, подумал я, бывают лица у актёров в гримёрке, в коротких перерывах между выходами на сцену. И вместе с тем это лицо выражало что-то важное и глубокое. Мне почему-то стало жаль его, даже хотел сказать ему что-то приятное и ободряющее. Но он опередил меня: грустно улыбнулся и пожелал удачной защиты дипломного проекта. А потом меня позвала тётя Саввы и вручила нашу с Татьяной долю торта в какой-то картонной коробке с ручкой из фиолетовой ленты.

Мы спустились по лестнице бегом, точно нас могли догнать и принудить к продолжению вечера. Мы обернулись пару раз – на балконе по-прежнему стоял Айзик. Такси, конечно, не найти, но нам повезло: когда мы выбрались на трамвайную линию, один из последних в ту ночь вагонов, громыхая, шёл в нашем направлении. В салоне находилась одна пожилая пара, но она сошла через две остановки, и мы остались одни. Почему-то мы не сели.

– Подумать только: я вышла тебя разыскивать. Ты удивлён? – спросила она.

– О, мы уже на «ты», – сказал я.

– Ты первый так ко мне обратился. Ещё за столом. Ты пьян и ничего не помнишь.

– «Удивлён» – не то слово. И нисколько я не пьян.

– Подожди, не в этом дело. Я, правда, нарочно не выходила на берег. Целых два дня. Хотела тебя помучить.

– Я мучился, поверь.

– Честно? Поклянись!

– Не увидеть мне солнца до самого утра.

– Не смейся. Ты не представляешь, как я жалела! А тебя целых пять дней не было. Говорила себе: дура я, дура, зачем только я всё это устроила?

– Устраивать ты мастерица. Скажи, зачем кокетничала с Айзиком, руки давала целовать? Он от удовольствия чуть тебя не проглотил.

– Затем, что ты вредный. А почему ты меня одну оставил? Я ведь говорила, как мне плохо... Боже мой, что я несу? Всё рассказываю. Ты считаешь меня легкомысленной?

Я взялся за горизонтальные поручни так, что Татьяна оказалась заключенной между моих рук. Трамвай разогнался и грохотал старым корпусом, заглушая слова. На левой моей руке покачивалась коробочка с тортом, на правом плече висела сумка с вещами. Какое-то время мы молчали и смотрели друг другу в глаза, но неожиданно для самого себя я прильнул к её губам. Она схватила меня за лацканы пиджака, вероятно, намереваясь оттолкнуть, но не сделала этого. Я чувствовал, что Татьяна растерялась и не знала, как поступить. Она не отвечала мне, а только разрешала себя целовать. Я ловил на её губах остаток возбуждающего винного аромата, вспоминал розы, фиалки, трампам-пам с нотками сливы, граната и ещё какие-то трали-вали Айзика. Меня снова понесло на поляну к чародейным пчёлам, и я думал, что они, должно быть, берут нектар не только с цветов, но и с уст таких красивых женщин сказочного королевства, как Татьяна. В этот момент я ощутил ответное движение её губ, и за эту её стыдливую попытку разделить со мною удовольствие был ей благодарен.

В наш район трамвайного пути не было, мы сошли как можно ближе к нашим домам и пошли пешком, держась за руки.

– Знаешь, – сказала она, – на чём я погорела в первую нашу встречу? На твоём взгляде. Ты время от времени смотрел вдаль. У паркета, а ещё в кафе. Не на меня – а за мою спину, куда-то вдаль. И глаза твои становились грустными-грустными. Такой милый, думала, такой беззащитный. Что он там видит, о чём думает? Тебя не было со мной в тот момент. Тебя тогда не было на земном шаре.

– А я просматривал набережную, шерстил – нет ли там феи поприличнее.

– Вот все вы такие! – Она легонько бьёт меня по плечу.

– Но как ты Айзика положила на лопатки! Его же приёмом. Фольклорный элемент... Меня распирал смех. Надо же такое выдумать! Фемина!..

– А ты заметил, как он ловко входил в образы! Голос так искусно менял.

– Я заметил, что он тебя заметил. Не смейся!

– Каурюю тебе, Савва, говорит... кобылу, что выменял у... у Хво... Хвост... Хвостырева... дам, говорит... и... – Татьяна смеётся, не может остановиться. – Я сначала не поняла. Думаю: что он несёт? Какая кобыла? Какой Хвостырев? И поверила, знаешь! Ой, умираю – не могу!

– Да... и печатку в придачу... золотую... и щенка...

– Вот и невеста твоя здесь...

– И я здесь живу...

– Уф, над чем смеёмся?.. Глупости какие-то...

– Почему глупости? Классика! А это: благословите, мамаша... революция, о которой... свершилась... Ой, в нас смешинка попала.

– Это от вина. Недопили, значит.

– Или перепили... А он интересный, этот Айзик. Так естественно играл. Скажи.

– Не скажу. Ты не очень-то. Играл он! Этак и я его обыграю, согласись он бороться. Тогда я посмотрю, какой он игрок.

– Ну, всё. Не могу больше! Давно так не смеялась. Даже под ребром заболело... Ой, что-то я проголодалась. Постеснялась там поесть.

– А у нас кусочки от праздничного торта. Думаю, что это мешает моей руке? Надо бы честно поделить трофей. Я свою долю уступать не намерен.

– Кто бы сомневался. Можем кинуть жребий, кому всё достанется. Хотя жалко студента. Чёрт с тобой, пойдём ко мне пить чай. У тебя, небось, и чая приличного нет.

– Чай как раз есть, приличный. Нет приличного общества вроде тебя. Но сейчас я хочу ледяного... Хочу продолжения праздника. По дороге забегу в «Волну». Я только захвачу алмазы, я их в гостинице оставил.

– Не нужно брать шампанского, у меня есть. Тащить ещё...

– У тебя есть – это есть у тебя. Не встревай, не женское это дело. Да и тащить тут – два шага.

– Чёрт возьми, как приятно, когда мужчина разговаривает как мужчина, – она почти поёт эти слова и пританцовывает.

– Повод имеется. Диплом почти готов, мелочь какая-то осталась. Эх, Савве не успел электробритву купить. Всё из-за тебя, между прочим. Надо будет вернуться.

– Надо будет... Хочу петь и танцевать. Трам-пам-пам.

– Эх, сейчас бы разломленных крабовых голяшек, сваренных на пару с солёным желтком утиного яйца!

– Садизм какой-то... Хорошо, если краб ушёл из жизни с восторгом... Петь и танцевать. Трам-пам-пам. Жалко краба...

– Не приходишься – это я вычитал в кулинарной книге.

– Тогда прикажи подать мне морского окуня с имбирём, зелёным луком и соевым соусом... Хочу в классики играть. Кстати, ты читал «Игру в классики»? Эх ты, студент. Конечно, не читал.

– Кажется, и я проголодался.

– У меня дома шницели из телятины, уже готовые. Почти австрийские. Такие, знаешь, красивые, важные. Ну, подумай: какими ещё им быть? К ним картофельный салат, грибочки в сметанном соусе. Выловлю, думаю, беглеца в миллионном городе и приведу домой. Накормлю насильно. Кажется, дождь будет. Небо закрыло. Чувствуешь ветерок? Беги уже за своими алмазами. «Волна» скоро закроется.

Шампанского я взял две бутылки и еле уместил в сумку. Пришлось вынуть черновик дипломного проекта и сунуть под мышку. Благо, мы почти у дома. Через пять минут мы уже были в квартире Татьяны.

– Э-э, не туда! Мыть руки и сразу на кухню, – сказала Татьяна, когда я по ошибке направился в гостиную. – Это была шутка, приглашать я тебя не собиралась. Что-то я не сообразила...

– Спасибо за доброе слово, за ласку. Приободрила ты меня, – сказал я, не скрывая обиды. – Это значит: особо не располагайся, да? Чай хотя бы выпьем? Может, ты просто стыдишься неприбранной комнаты?

– И не надейся. У меня всегда прибрано. Я одна живу, – сказала Татьяна. – Просто хочу, чтобы ты не оставлял меня одну на кухне. Ну и... держал бы себя в руках. А руки у тебя сильные – справишься. Открывай уже бутылку. Вот я достала свою, она холоднее. Говорю же: у меня всё готово. Разогрею только.

На шум пришла соседка. Я слышал, как они разговаривали в прихожей. Сначала соседка сообщила, что Татьяну искал новый жилец сверху, затеявший ремонт: тот хочет, чтобы они вскладчину поменяли проржавевшую между их квартирами водяную трубу. Тот якобы просил передать, чтобы утром Татьяна не уходила, не встретившись с ним. Потому соседка и пришла, а то они со Славкой уже легли и... почти смотрели телевизор. Они обе засмеялись после «почти смотрели телевизор». А когда соседка узнала, что Татьяна не одна, то перешла на полушёпот.

– Как?! Ты что, Тань? Это на тебя не похоже. Шутишь! – удивлялась соседка.

– А я, Ленок, сейчас сама на себя не похожа, – отвечала Татьяна, и обе приглушённо смеялись.

Татьяна пригласила соседку за стол, и та, скорее из женского любопытства, согласилась. Я в это время разламывал шоколад, купленный к шампанскому. У соседки уже горели глаза, когда она переступила порог кухни.

– Здрасьте, я на минутку. Елена! – Протянула руку. – Очень приятно. О-о, шампанское! С удовольствием. Славка будет меня потом облизывать.

Особенно был заметен красивый овал её лица с мило заострённым подбородком. Взгляд под нитками бровей выдавал женщину, желающую нравиться всем и всегда. Лицо и шея белые, руки нежные. Она всё время поправляла велюровый халат в области груди, мне кажется, неосознанно привлекая к ним внимание. Известие, что она ещё минуту назад была с мужем в постели и они «почти смотрели телевизор», придавало Елене какую-то порочную привлекательность. От шницеля она отказалась: только глоток шампанского – и домой. Она не хочет нам мешать.

– Ленок, ты не мешаешь, – поспешила сказать Татьяна. – Что тебе такое вообразилось? В гостях нам дали по куску торта, и мы решили выпить чай.

– Ну да, конечно. Заливайте! Ни торта, ни чая не вижу. Вижу батарею шампанского и богатую закуску!

И только тогда я вспомнил, что освободил руку от коробки с тортом в вестибюле ресторана. Перед тем как идти в зал за шампанским, оставил её на полке пустого гардероба, а уходя, конечно же, о ней забыл. Что было делать, не возвращаться же за нею? Впрочем, и Татьяна недолго разубеждала Елену в её догадках.

Мы выпили три раза, открыли вторую бутылку. Я узнал, что они теперь коллеги: одна из них нашла работу другой в проектном институте. Кто кому – не помню. Оказывается, Татьяна заведует отделом технической литературы в том институте. Они обсудили начальство, график отпусков, премиальные, нового соседа сверху, а уходя, Елена ещё раз поздравила меня с окончанием учёбы, поцеловав в щёку на глазах у изумлённой Татьяны. Она тут же ответила в шутовском тоне:

– Я вам не мешаю? Нет, я ничего – пожалуйста, пожалуйста. Продолжайте. Просто Славку жалко: он вот уже целых сорок минут почти смотрит телевизор в полном одиночестве.

Снова посмеялись над «почти смотрит телевизор», и Елена ушла, явно не желая покидать нашу компанию. Как только мы остались одни, Татьяна сказала:

– А теперь! – Она подняла указательный палец. – В задачнике, как говорит Айзик, спрашивается: почему я не пустила тебя в гостиную! Тс-с! Берём наши бокалы, бутылку, не забыть шоколад, салфетки на всякий случай, выключаем здесь освещение и тихо-тихо уходим. Осторожно – не упади, до прибытия в пункт назначения не будет видно ничего.

Гостиная нас встретила едва заметной игрой цветных лампочек, поочерёдно загорающихся по всей комнате, и медленной мелодией на космическую тему. Татьяна перешла на шёпот:

– Перед тобой диван – садись. Рядом столик. Можешь на него поставить бутылку. И бокал, если захочешь.

Мы сели. Молчим.

– Мы должны говорить шёпотом? – спросил я. – Кого боимся разбудить, кошку?

– У меня нет кошки, – отвечает. – Тут другое. Тс-с! Только тихо. Смотри.

Она отключает лампочки и включает другое освещение. В дальнем углу загорается объект, похожий на камин. Я на минуту впадаю в мистическое состояние. В глубь камина идёт дорога. По сторонам – замки, сторожевые башни. Где-то видны гномы. Выше них застыли в полёте сказочные существа: феи, ведьмы, драконы. Дорога уходит в лес, под своды густых и мрачных деревьев. А наверху – ночное небо с мерцающими звёздами. Я хотел было подойти ближе, но Татьяна удержала: «Не сейчас».

Она взяла бокал, приглашая и меня сделать то же самое. Мы выпили. Сказала, что свет ей поставил однокурсник, мастер по этой части, а камин – её изобретение. В дни тоски и невыносимого одиночества она садится перед волшебным камином и уносится в сказку. Она вообще много что умеет. Сидеть в отделе технической литературы не основное её занятие. Она умеет искусно оформлять квартиры, красиво обустраивать усадьбы, дачные и садовые участки. Эта профессия везде уважаема, но почему-то у нас не принято обращаться к таким специалистам. Но желающие всё-таки есть. А началось просто: помогла друзьям с ремонтом квартиры и дачи в стиле, который она им рекомендовала. Результат увидели их многочисленные знакомые, те рассказали другим – и она стала получать заказы. Дизайн – это именно то, для чего она рождена. Но государство не считает её вправе этим заниматься и получать деньги. И один раз она чуть было за это не пострадала. Заказ

чик отвёз её на свою дачу, чтобы она осмотрела участок, сделала наброски, предложила варианты. Затем пригласил в дом, чтобы она нарисовала своё видение и сообщила, во что ему обойдётся её услуга, солгав, что в мансарде жена с детьми вешают занавески. Она рисовала, а в это время хозяин накрывал на стол, мол, не отпустит без угощения. А уже через несколько минут, когда она отказалась пить коньяк, он пытался затащить её в кровать, в борьбе она поранила губу – вот тут остался шрамик – о замок его спортивного костюма. Она не помнит, как вырвалась и выбежала на пустынную улочку в изорванной кофте, со сломанным одним каблуком и кровоточащей губой. А тот кричал вслед, что если только пикнет о произошедшем, то посадит её за незаконную деятельность – не знает она, с кем имеет дело. Подобрал её дачник на мотоцикле с коляской и довёз – спасибо ему – до самого дома.

Что? Почему не замужем? Второй вопрос в задачнике: почему я не замужем? Она была замужем. Да. Правда, давно. Как говорится, на заре туманной юности. С ним ничего не получилось, он был славным, но слабым человеком. Даже детей не смогли родить. Вероятно, он был в том виноват, наверняка он. Она уверена, с ней в этом смысле всё в порядке, но... почему-то не получилось у неё и с другими, потом уже, когда развелась с мужем. Других было не так много, но были. Всего двое... нет, трое, с мужем – трое. С этими она встречалась короткое время, и всегда это были какие-то случайные встречи, чтобы могло получиться. Но... хотя... как могло получиться, если ни один из этих людей ей не нравился? Это важно: человек должен нравиться, чтобы родить от него ребёнка. Она не выносила кислых запахов мужских тел, то были не её запахи. Только после разрыва с ними она поняла, что ей не нравилось ни как они одеваются, ни как разговаривают – её организм сопротивлялся зачать плод от чуждого ей мужчины. Бывало, она не хотела, чтобы они оставались в её квартире на ночь, а шли бы прямо среди ночи, откуда пришли.

И всё. Больше никого не знала, даже близко к себе не подпускала. Знаешь, а теперь страх появился: а вдруг в ней дело? И возраст... Слышишь? Ты слушаешь?.. А то бы остался, а? Разве здесь нет работы? Да сколько угодно. Ты быстро поднимешься, я знаю. Я сделаю тебя самым счастливым человеком на свете! Не веришь? А давай поспорим. Я очень хочу, чтобы ты был со мной. Всегда. Ты смотрел бы вдаль своим таинственным взглядом и рассказывал мне, что там – за морями-океанами – видишь. А я в это время смотрела бы на тебя. Я могу смотреть на тебя часами, годами... столетиями. И мы бы никогда не умерли. Люди умирают поодиночке, они умирают, потому что друг другу чужие, так себе – случайные знакомые. А мы бы друг друга любили и стали бы бессмертными. Только я могу сделать тебя счастливым. Разве ты этого не понял? Глупышка, ты ещё не разбираешься в женщинах. На твоём месте я ухватилась бы за такую, как я, и ни за что бы не отпускала. В моих сокровищницах несметные запасы любви. И я никого не поила из этих волшебных кувшинов. Ни одного мужчину. Не нашёл-ся такой. Я готова отдать тебе всё. Слышишь?.. Молчишь. Веришь, я вижу в темноте как кошка. Господи, до чего же мне нравится твой взгляд. Ты как будто смотришь в запредельность. Ведь так можно смотреть только на то, что не имеет ни очертаний, ни границ... Я говорю серьёзно. Как никогда. Ты нужен мне, слышишь? Иначе стала бы я тебя искать? Да ни за что на свете. Никого. Никогда.

Я онемел от волнения, как будто не было долгого и сблизившего нас поцелуя в трамвае. Я держал в руках податливую руку Татьяны, ощущал на себе её дыхание, даже чудилось, что слышу стук её сердца. Сверкнула молния – я успел запечатлеть её растерянный взгляд и влажный блеск

приоткрытых губ. Ветер залетел в обе открытые форточки и вздул занавески, как паруса на боевых фрегатах. Он качнул люстру, пошарил в углах, затем ворвался в кухню и на минуту пропал. Вернулся он с новой силой: ударом открыл оконную створку, уронив на пол коробку с карандашами, смёл со стола салфетки и бросил к моему лицу кончики Татьянинных волос, пахнувшие предгрозовою свежестью...

Большую часть времени, оставшуюся до защиты дипломного проекта, я проводил в институте на консультациях, гулял с друзьями, ходил в кино. Мы виделись с Татьяной только вечерами. Пару раз мы устраивали застолье с Еленой и Славкой – один раз Татьяна их пригласила, потом они нас позвали. Не забыть эти вечера, наполненные остроумными шутками и беспричинным смехом. С тех пор в голове сидит выражение «...и когда мы почти смотрели телевизор». Навестили мы и Савву в его квартире. Я отнёс ему электрическую бритву, извинившись за задержку подарка. Он смутился, покраснел, передал бритву оценить своей невесте, которая оказалась в тот вечер у него. В квартире была чистота, которую там давно не видали. Надо сказать, пили мы только чай, и Савва время от времени виновато смотрел на меня, мол, сам понимаешь, в оборот, заразы, взяли. Потом они приходили на набережную прогуляться. Его невеста, которую я нарёк «японочкой», и тогда была немногословна. Ели в кафе мороженое, лорд Баттенберг нам кланялся, а Савва записал адрес Татьяны. Вот, собственно, и всё.

В аэропорту меня провожала одна Татьяна. Она храбро держалась до объявления посадки, пыталась даже шутить, а потом разревелась так, что я долго не мог её успокоить. У пропускного пункта из пассажиров оставался я один. А она всё смотрела на свои руки и говорила, что обронила все свои надежды. Она так их берегла, держала ото всех в тайне, но ничего не сбылось. «Что это? – подумал я. – Как бы с ней не случилось чего». Но моё молодое сердце ничего не чувствовало. Я знал: и моё пребывание в этом городе, и люди, с которыми я там познакомился, всё это временно. Я устал за эти пять лет. Неустроенность, отсутствие домашнего уюта и постоянный страх не окончить институт, подвести родителей истощили мои душевные силы. Мне хотелось домой – скорее жить свою настоящую жизнь.

Моя история могла бы на этом закончиться, потому что, кроме одного письма, Татьяна ничего мне больше не присылала. Недели, примерно, через две по приезде домой я получил письмо, в котором она просила не обременять себя скорой женитьбой, а пожить немного для себя. Вполне возможно, что она меня в ближайшее время кое-чем удивит, хотя и не знает, как к этому отнесусь. Но, как бы там ни было, это принесёт мне счастье, не сейчас, так потом когда-нибудь. Я ответил, что как раз-таки свадьба уже намечена, приглашу обязательно. Ещё через две недели я послал телеграмму с приглашением. Какой же я был глупец! Конечно, не было ни поздравления, никакого другого ответа.

А я ей писал: через два месяца, через полгода, писал по письму каждый год, потом на десятилетие окончания института, на двадцатилетие – писал ей, как своим однокурсникам, но ответа не было.

Как ни странно, мне ни разу не удалось попасть на встречу с выпускниками в город моего студенчества. Всё было недосуг, да и никогда встреча с прошлым не приносила мне радости. Прошлого нет, а если оно и существует где-то, то не в том уже виде, в котором нам запомнилось. Нет смысла с ним встречаться – оно не приносит ничего, кроме разочарования.

Я попал туда через двадцать семь лет. После того, как семейная жизнь пошатнулась, после осознания, что ни в ком из родных – ни в жене, ни в детях – не имею близкого сердцу человека, а ещё после двухнедель-

ной депрессии и лежания на даче, подобно затонувшей галере. Я собрался и поехал за билетом в город моей юности и корил себя всю дорогу, что эта мысль не пришла мне раньше.

По прибытии я снял номер в гостинице, принял душ и направился к Татьяне. Было сухо, но ветрено. Солнце уже не грело, и люди его попросту не замечали, ожидая дождей и скорого похолодания. На звонок в дверь вышел светловолосый подросток в спортивном костюме. Он сказал, что я, наверное, ошибся, здесь такая не проживает. Да, сами они живут давно, он был ещё маленький, когда переехали сюда. Я извинился и позвонил в соседнюю дверь – в квартиру Елены и Славки. Открыли не сразу, и я хотел было уйти, думая, что никого нет дома, как вдруг за дверью зашевелились. Потом ещё с минуту на меня смотрели в глазок, я это чувствовал. Наконец замок щёлкнул, и появилась женская голова с взлохмаченными волосами. У женщины было какое-то перекошенное лицо и явно что-то не то с левым глазом – он был опущенный, как и вся сторона лица. Уж очень недоброжелательно глядел этот глаз, хотя, возможно, женщина никак этого не хотела. Она продолжала меня осматривать, не пытаясь выяснить, что мне нужно. И вдруг меня кольнула догадка: не следы ли это некогда мило заострённого подбородка, который затерялся на располневшем лице? Я его обнаружил. Неужели это она?

– Лена?.. Это ты, Елена? – спросил я.

– Я, кто ж ещё? – ответила она без тени радости или удивления в голосе. Ни одна чёрточка её лица не дрогнула. – А я вас сразу признала. Совсем не изменились. И как это людям удаётся?

– Скажешь тоже. Не завидуй – ничего нам не удаётся. – Я указал на соседнюю дверь, спросил: – А Татьяна.. Что Татьяна?

– Подождите внизу, на аллее. Я спущусь, – сказала она, не меняя ни каменного выражения лица, ни холодного тона в голосе.

– Елена, а почему ты называешь меня на «вы»? – спросил я.

– Мне как раз за молоком, – продолжила она, как будто не слышала моего вопроса. – Только я долго собираюсь, учтите. – И захлопнула дверь.

Я сказал вдогонку: «Привет Славке» – но вряд ли она услышала.

Я спустился, вышел на аллею. Думал, сяду на скамью, эта дама, как я погляжу, и в самом деле соберётся не раньше чем через час. На скамье справа, в сторону ротонды, сидела шумная молодёжь. Ближайшая скамья слева, в сторону речного вокзала, была занята древним стариком с инвалидной тростью. Отходить далеко было нельзя, я мог не заметить появления Елены. Так постою, решил я, буду смотреть на реку. Я так давно её не видел.

Елена появилась минут через десять, с завёрнутой в газету то ли коробкой, то ли небольшим альбомом для фотографий, то ли книгой. Махнула рукой, мол, идите сюда. Сказала:

– Поверили, что буду долго собираться? Что мне собирать: надела шапку, куртку – и вперёд.

– Ну, мало ли... – ничего путного я не нашёлся сказать.

Но меня она не слушала.

– Даже ноги ни во что приличное не вставишь, отекают. На меня давно никто не смотрит. А мне всё равно. Пойдёмте.

Елена посмотрела на меня, не поворачиваясь, искоса, я снова видел только её левый глаз. Было что-то презрительное в этом взгляде по отношению ко мне. Она молчала.

– Мы в магазин? За молоком? Погода у вас замечательная! – сказал я.

– Ничего замечательного. Эта погода говорит: скоро я вам покажу кузькину мать. Холода вон обещали, дождь со снегом. Короче: у нас мало време-

ни, я рассказываю, что касается вас, а охи-вздохи, пожалуйста, у себя там. Вы где остановились, в гостинице? И не перебивайте меня. Без того, знаете, с трудом подвожу мысли к языку. Сегодня ещё слава Богу. Так вот: умерла Татьяна, двадцать лет назад умерла. Дочке...

– Как! – я остановился.

– Вот так! Идёмте, идёмте, мои молоко ждут. Значит, дочке было шесть или семь лет, в школу мы её собирали, это я точно помню.

– У неё дочь?

– Вы какой-то не слава Богу! И что с того? Не знаете, откуда дочери берутся? Да, дочь. А вы как хотели? Я просила, между прочим, не перебивать.

– Хорошо, я больше не...

– Сторела она быстро. Мы ничего толком и не поняли. Мать с братом приехали. Но в больнице с нею была я. Мать простуженная, вся больная, её не допустили. Эх, Таня, Таня, какое сердце! Всегда ласково меня называла... Ленок, Ленок... а сама уходит уже. Доктор осмотрел и пошёл к себе. По лицу его было всё понятно. Я зачем-то вышла из палаты, буквально на пару минут, и слышу оттуда непонятные звуки. Бегу обратно. Матрац сместился. Видимо, она хотела встать, да где взять силы. Таня бьёт по сетке, по каркасу кровати, да так бьёт – в кровь разбила руку. Ленок, говорит, позови доктора скорее, я умоляю! Нет, Таня сказала: «скорее, я умираю». Я побежала за доктором, он курил на лестнице – я туда. Я, говорит, уже ничего не могу сделать, но пойдёмте. Когда мы вернулись, Тани уже... Никогда не забуду эту руку в крови... и её открытые... бездонные... безумно красивые глаза. Ей было только сорок. Не сделал счастливой её волшебный камин. А сколько надежды на эту жизнь она таила в себе, не рассказывала никому.

– Елена, почему не написали мне об этом? Разве трудно было? – спросил я.

– Знаете, как мой внук отвечает, когда его ругаешь, что он то или это не сделал? Команды, говорит, не было. Вот и мне команды не было. Таня говорила: придет – расскажешь всё, не придет – не беспокой, у него своя, настоящая жизнь. Она часто повторяла эту фразу про настоящую жизнь. Не от вас она её слышала, нет?

– Не знаю, не помню. – Я не мог дальше идти. Сказал: – Мы не могли бы где-нибудь присесть?

– Некогда мне присаживаться. Славка ногу подвернул, лежит. Капризничает как маленький. Каши вот попросил. Ему за семьдесят, он же много меня старше. Помните, наверное. Так вот, дочку они забрали к себе в район. Квартиру сдали студентам, я присматривала и аккуратно высылала им деньги. Потом её решили продать – глупо, конечно, ребёнок ведь растёт. Не моё это дело. Брату понадобились деньги в его бизнесе, вот и продали. Племянницу он обеспечивал хорошо, тут я ничего не скажу. Но, знаете, дети быстро растут, девушке уже больше нужно, чем девочке. Она училась на заочном отделении и в сессию жила у меня. А у кого ещё? Таня мне как сестра была. Дочка её стала, я вам скажу, красавицей – не насмотришься. Мамины глаза, волосы, даже ходит как мама, а всё остальное... в остальном... в общем, нормально. Пока не окончила университет, торговала на улице бананами, апельсинами, да. Подрабатывала. Это там, в районе. И как-то приезжает в университет заграничный молодой учёный. Целый барон, понимаете, наследник богатого рода. А сам с виду простой учёный, приехал к нам зачем-то. Правду сказать, я не совсем поняла, кто он. Родом из Италии, живёт в Швейцарии, работает в Германии. Чтобы мы так жили... Вот они в университете и познакомились. Так себе – шапочное знакомство. Она сессию сдала

и к себе уехала. А он возьми и поезжай туда, искать её. Выспрашивает, ищет, ищет – и на тебе, находит за лотком. Апельсины-мандарины, привет из Абхазии. Думаете, его это смутило? Нисколько. Говорит, выходи за меня замуж, умру на месте, если откажешь. Премилый парень, были они у меня. Чуть не забыла, вот вам подарок от меня. На память. Всё-таки Танина дочь. Куча её книг у меня осталась. Она хотела бывшим однокурсникам раздарить, но не все приехали на встречу. За эту книгу она получила какую-то европейскую премию, молодёжную. За дебют, говорят. За переведённую, конечно, книгу. Откуда у неё талант, не пойму. Инженеры все. Она её ночами писала, когда жила у меня. Какое это трудное дело, скажу. Я впервые такое наблюдала. Напишет слово, встанет, походит, ляжет, снова встанет, ещё чуток напишет и плачет, плачет... Плакала без конца, пока писала эту книгу. Думала, умом тронется девочка. Вот и наш магазин. Я на минутку.

Большую часть рассказа о дочери Татьяны я прослушал, на что мне это? Но подарок взял, протянул руку и взял машинально. Дальше мне тяжело было слушать Елену. Захотелось уйти, остаться одному, осмыслить потерю человека, которого двадцать лет как уже нет в живых, а я узнаю об этом только сейчас. Смотрю на набережную – как будто моя первая встреча с Татьяной произошла вчера. Думаю, попрощаюсь с Еленой и пройдусь немного.

Появилась Елена, спросила:

– И не посмотрели, что там завёрнуто?

– Я после посмотрю, – сказал я, – в спокойной обстановке. Тревожно как-то на душе, Елена. После ваших-то рассказов. Хочу пройтись немного.

– Как знаете. Что, и не проводите даже? – спросила она, читая надпись на пакете молока. – Уф, думала, жирное взяла. Нам жирное молоко ни к чему.

Горше всего на свете мне было видеть её каменное лицо.

– Да, конечно, – сказал я. – Провожу.

– Как-то я видела в городе вашего друга, Савву. Он был с дочерьми.

Вылитые японки. У него что, жена японка?

– Не знаю. Что-то было в ней от них, это правда. Но дочерей я не видел.

– А дочери самые настоящие японки по внешности. Савва какой-то проектный институт возглавляет. Забыла, как называется.

– А вы откуда его знаете?

– Приходил к Тане со своим другом. Нет, братом. Артистом. Гуляли тут. Потом он не раз здесь появлялся.

– Кто, Савва?

– Нет, артист этот.

Мне стало ещё хуже, чем минуту назад. Так вот в чём дело. Елена не зря о нём заговорила. Теперь понятно – за что-то она хочет расковырять мою рану.

– Елена, вы хотите сказать, что между ним и Татьяной...

– Я ничего не хочу сказать. Просто говорю, что было.

– То есть... дочь... его? Айзика?

– Станный вы! Я откуда знаю?! Может, его. А может, она выставила этого артиста куда подальше. А может, и вовсе не пускала к себе. Говорю: гуляли здесь. Таня закрытый человек была.

Ах, Савва, гадкий, маленький сводник! Теперь понятно, почему он взял у Татьяны её адрес. Разумеется, чтобы привести к ней своего брата. Тот, поди, от Саввы не отставал. Воображаю, каким был тот спектакль с участием профессионального артиста. Камин, говоришь, гномы, ангелы и феи. Что ж, во всяком случае, всё встало на свои места. Скорее, скорее прочь отсюда.

Слава богу, вот и подъезд. Холодно благодарю Елену, прощаюсь, ухожу. Нет, я почти убегаю. Она что-то говорит вслеп, но я не разбираю её слов. И слышать её не хочу. Оказываюсь на аллее, там, у скамеек, урна – туда и брошу её подарок. А затем никаких прогулок по памятным местам, а прямо к землякам – напиться. Надо же, руки дрожат. Столько лет я носил в себе мечту об этой женщине. Я поступил гадко, что там говорить, а она – ну не век же ей меня ждать, у неё своя жизнь, настоящая. Бог мой, кого я упрекаю – умершую! Сводит горло. Не хватало ещё расплакаться. Я не плакал с двенадцати лет, а такое ощущение, что не удержусь. Но почему так больно?! Чёрт, во сколько же слоёв завернут этот подарок, изорвать на мелкие кусочки и выбросить в мусор. Урна там, рядом со стариком. Это, оказывается, книга. Ну да, она же о книге какой-то говорила. А я думал... чёрт его знает, что я думал. Вырываю листы, засовываю в карманы, не сорить же прямо здесь, скоро доберусь до урны. Нет, надо остановиться, выровнять дыхание, да, так лучше. Смешно будет, если расплачусь на виду у прохожих. Татьяна дочь написала книгу, ну да, европейская премия. Ребёнок-то в чём виноват?

Я правильно сделал, что остановился, стало намного легче дышать. Так можно и сердечный удар получить. Это всё неприятности последних лет. Надо делать глубокие вдохи-выдохи. Ну а как посмотреть текст – он вроде ничего. Написано поэтично, ярко и выпукло, как сказал бы мой учитель. Успокоюсь немного и пойду. Ребёнок ни при чём. Название «Затаённые надежды», «посвящается моей матери». Мать – святое, умница. Вот почему она много плакала, когда писала книгу. Это что же, отсутствует фотография автора? Нет, что ли, фотографии? Теперь книги печатают как попало. Да нет, просто листы склеились. Вот и фотография. Да, вижу – волосы матери, вижу – глаза матери. Глаза и волосы матери... минутку... а в остальном... Я повторяю слова Елены. Не может быть! Как! Да это же я! Глаза и волосы матери, а всё остальное – я! Совершенно я! Это ведь я на фотографии. Только у девочки длинные волосы и глаза изумрудные, а в остальном – я! Елена, ведьма, что ей стоило продолжить фразу после «а в остальном...» и всё по-человечески мне рассказать. Думаю, она и дочери ничего не сказала обо мне. Команды, говорит, не было. Как это не было? Именно что была команда: поручено же ей было всё мне рассказать, если приеду. Дочь – вылитая я! Именно таким я был, когда окончил институт. Из книги выпадает листок, подбираю, на нём адрес, её телефоны. Я плачу в голос, слёзы застилают глаза, не вижу, куда ступаю, быстрее бы добраться до скамейки. Уже недалеко, нащупываю её, точно слепой, сажусь. Хочу смотреть и смотреть на её лицо, я не успел толком его разглядеть, слёзы быстро сделали мои глаза невидящими, ну да, не плакал с двенадцати лет, сколько всего накопилось.

– Что вы плачете, молодой человек? – говорит старик, к которому я подсел. – Сегодня такое солнце. Посмотрите, как оно играет на листьях. Красиво-то как! Почему-то никто их не замечает. Жалко. Эх, сюда бы ещё духовой оркестр Дома офицеров!

**Юрий
ТАТАРЕНКО**

ТРИ КАПЛИ НЕБА

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА

Красная площадь над нами.
Красная площадь вокруг.
Страсть измеряю шагами
В страхе услышать: «Ziguck!»
Спросишь, улыбку ослабив:
«А это всё – наяву?»
В списке нескромных желаний –
Снова приехать в Москву
И без тоски и занудства
Жить, не старея, сто лет...
Если к тебе прикоснуться,
Можно услышать рассвет.

ОПУСТОШЁННОСТЬ

Солнечный август закрыт на защёлку,
И растянулась в улыбке луна.
Ливень царапнет оконную щёку.
Книжная полка не застеклена.
Анна, Владимир, Марина и Осип
Ищут себя – ну, да им не впервой...
Некуда жить. Вот и спряталась осень
Между минутною и часовой.

-
- Юрий Анатольевич Татаренко родился в 1973 году в Новосибирске. Окончил Новосибирское театральное училище. Служил актёром в театрах Новосибирска и Томска. Поэт, прозаик, драматург, критик. Автор девяти книг стихов. Публиковался в литературных журналах и альманахах России, Украины, США, Германии, Франции. Лауреат всероссийских и международных литературных конкурсов и премий. Участник многих всероссийских литературных фестивалей. Член Союза писателей России (2006), Союза журналистов России, Союза театральных деятелей РФ. Руководитель литстудии «ЛОМ (Тик)». Член редколлегии альманаха «Образ». Живёт в Новосибирске.

ДЕНЬ ЗНАНИЙ

«Я кто тебе?» – В ответ заминка.
«А листьям неба – не хватает...»
На наших летних фотоснимках
Влюблённость первой выцветает.
Письмо в неровных восемь строчек
Летит в костёр за голубятней..
И жизнь на облако короче
И на глоток вина понятней.

ВЕЧЕР В КУДРЯШАХ

Чайник на плитке
Упорно шлифует шипящие.
Дачный сезон закрываю –
И вновь сгоряча.
Осень для жёлтого с красным –
Всегда настоящее.
Вечность и прошлое
Не различает свеча.
«Лето не лечится», –
Август изрёк опрометчиво.
Примем как данность,
Что многого нам не дано.
Отчество Бога
И беглых снежинок Отечество
Мне не знакомы..
И сторож стучится в окно.

Я всё время в пути,
Траекторию задал сверчок:
От окна до двери
И от Бродского до Элиота.
Купол неба –
Огромный с отломанной ручкой сачок..
Если птицы – для гнёзд,
То уж мы-то с тобой – для полёта!

С небом только на «вы»
Скорый поезд «Москва–Кулунда».
Спать уйдёт пассажир
И оставит открытой фрамугу..
Полночь.
Стрелки в часах
Начинают свой путь в никуда,
Где из тьмы вариантов
Единственный:
Боком – по кругу.

ПЯТНИЦА

Я прилетел. И снова на два дня.
Но время ты ещё не засекала...
И вкусное в тарелке у меня,
И красное разлито по бокалам.

И покурить мы выйдем на балкон.
Как в прошлый раз, нас будет слишком двое.
И пригласительный в «Сатирикон»
Из пиджака вдруг выпорхнет на волю...

Полжизни пролетело в суете –
Но слава Богу, что рассвет не скоро.
Мы говорим руками в темноте –
О том, что темы нет для разговора.

Ранен март: водой – по нержавеющей,
Солнце в небе – рыба без хвоста...
Я сегодня – резко и навеки –
Распрощался с возрастом Христа.

Угловато и не нагловато
Выглядит четвёртый палиндром.
В жизни всё случается когда-то –
И пустеет наш аэродром.

Мы взлетаем в прозу ежедневно,
Снегу и дождю наперекор.
Розыгрышем кажутся Женева,
Рио-де-Жанейро и Мисхор.

В пелене ответов и вопросов,
В сумраке журналов и газет
Обнаружить лишнее непросто
С высоты одиннадцати лет...

Блондинистые ночи. Майский Питер.
Рукой подать до звёзд и Царского Села.
Седой поэт в гламурном общепите
С утра боржоми пьёт. Украдкой. Из горла.
Обрывки фраз: «Парадное... Соснора...»
Холодные стихи и рук твоих тепло...
Всё это, слушай, будет так не скоро,
Что кажется мне: всё
 давно уже
 прошло.

ГОСТЬ

Иди ко мне. Закрой глаза. Открой.
Теперь скажи: мы целоваться будем?
В багетной раме – Николай Второй.
На книжной полке – Бунин, Бунин, Бунин...
Черешня не доедена. Июнь
Не задался. Не дождь тому причиной.
И в тесной ванне вспенится шампунь:
Всё началось с двух порций капучино...
Иди сюда. Мне было хорошо.
Закрой глаза. Я позвоню в субботу.
И толком не просохший капюшон
Уравновесит бодрость и дремоту.

ЭВОЛЮЦИЯ

Три капли неба выжать из стихов,
Забить в девятку, отслужить в десанте,
Заткнуть за пояс Вильяма и Саню
Всегда казалось парой пустяков!
И в прошлой жизни (в классе так в восьмом)
Мы все хиты играли в ля-миноре...
Бутылка рома, брошенная в море,
В конце концов становится письмом.

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Стихи бесстрашно в прошлое уводят,
По краю рифмы змейкой проскользнут...
Выкладывать подробности – увольте,
Я с детства недолюбливал зануд!

На сколько лет назад вернусь – на пробу?
На сколько дней останусь в том раю?
Какую распрोकлятую хворобу
«Случайно» по дороге оброню?

Вопросы остаются без ответа –
Но хватит, не себя пришёл спасти...
И Лермонтов под дулом пистолета
Стоит и ждёт. И глаз не отвести.

**Виктор
УМАНСКИЙ**

АСТАРТА

Меня так замучила ругань с Дашей, что я вовсе перестал о ней думать – и переключился на астероид. Он должен был разнести наш брак на атомы, развеять пеплом. А может, дать ему новую жизнь? Я не знаю. И постойте, какая тут вообще связь?

Связи никакой не было. Если Астарта, конечно, не столкнётся с Землёй, уничтожив на ней всё живое – это-то безусловно скажется на наших отношениях, закончив их очень романтично. Но конца света не планируется – уже тысячу раз всё рассчитали.

Меня зовут Павел Фёдоров. Тридцать лет, инженер первой категории в «Газпромнефти». Работаю я по большей части здесь, в Питере, в офисе на Почтамтской. Но бывают и командировки: в Астраханскую область, ХМАО, Ноябрьск... впрочем, не резюме пишу.

Давайте лучше о женщинах и о клише. Вот, к примеру, такое: «красавица-невеста». Слышу его время от времени – на Дашин счёт, конечно. А вот в универе её красавицей не считали. Максимум – симпатичной. Худенькая блондинка с прямыми волосами, вечно серьёзная, с упрямо опущенной головой – как будто собралась лбом стенку пробивать. И походочка, конечно!.. Декоративные элементы – основа ходьбы у некоторых особ – у Даши были стальными болтами прикручены к простому алгоритму: уверенному движению по кратчайшей траектории. И неважно, что было целью – экзамен, работа или мужчина. Так она и ко мне подошла на четвёртом курсе, перед лабой по ТПЭА – с уверенной улыбкой.

Кажется, Даша всегда лучше меня знала, чего хочет. Уж во всяком случае, меньше сомневалась.

Для меня универ стал дорогой разочарований. Родители – сами отличники технических вузов – живописали мне учёных на острие прогресса, престиж и ответственность... Вместо этого по сырым коридорам шаркала старость. Дрожащими руками опираясь на кафедру, она много кряхтела о былом и мало – о настоящем. А в настоящем – падали с неба ракеты «Роскосмоса». Санкции, остались без деталей из Франции, на зарплатах

-
- Виктор Александрович Уманский родился и живёт в Москве. Окончил Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана. Работает в сфере IT. Участник Совета молодых литераторов Союза писателей России, победитель Межрегионального слёта молодых литераторов в Болдино в 2020 году. Опубликовал в сети роман и больше десятка рассказов. Рассказ «Чёрный палочник» напечатан в журнале «Юность», рассказ «Дом на болоте» – в журнале «Литература», рассказ «Марракеш» отмечен в конкурсе «Сквозь пену дней» и зачитан на радио. Рассказ «Чегет» войдёт в сборник «Твист 2», готовящийся к публикации в «Эксмо».

и комплектующих сэкономили, миллионы разворовали – и миллиарды сторели в пламени взрыва.

Лёха, пришедший со мной из лица, болезненно пытался примириться с новостью: выдающиеся способности и усилия находятся в подчинении у глупости и жадности. Меня это не так сильно трогало. Скрипение голоса и костей очередного препода отходили на задний план, и я поворачивался к окну. За стеной питерского дождя мне мерещились жаркие страны, сведённые чёрные брови врагов и опущенные трепещущие ресницы красавиц. Нужно было только взять билет в один конец – или заглянуть за неприметную дверь.

На третьем-четвёртом курсе мы начали искать работу – и поняли, что ситуация кислая. Хорошие вакансии по специальности разрывали, и если в этой битве не вышел победителем, оставалось, ссутулившись, уходить в КБ¹ на двадцать тысяч. Ну, или – с высоко поднятой головой – в другую отрасль. Так многие ушли – кто в бизнес, кто в аналитику, кто куда.

Двое моих однокурсников, правда, пробилась прочнистами в «Боинг» – с прицелом на переезд. А мне вот никогда не хотелось переезжать! Я люблю Россию, Россия любит меня... шучу, такой информации у меня нет.

В КБ я не хотел. Каждый раз, когда появлялась приличная вакансия для инженеров без опыта, я бежал на собеседование – туда же бежали десятки таких, как я. У меня чесались руки – от неудовлетворённости, неприкаянности. Хотелось быстрее найти достойную работу или же достойно проиграть – провозгласить, что работы нет, и перенести усилия на что-то иное. Кажется, мне больше хотелось последнего, но я должен был показать родителям, что испробовал всё.

И вдруг вариант нашёлся. Я прошёл отбор на стажировку в «Газпром-нефть».

Почти забросив учёбу, я сосредоточился на работе. Стажировка была пройдена успешно, и я пошёл – пополз – по карьерной лестнице. Времени на мечты о путешествиях, приключениях и любви почти не осталось.

Вы только не подумайте, будто я был одним из тех задротов, что девушки в глаза не видели. В школе у меня была Лиза, на которой я вообще чуть не женился. В универе – ещё пара подружек. А потом – Даша.

После Лизы я подрастерял задор и готовность всего себя отдавать любви. Не знаю, чувствовали ли это новые девушки, да меня это не слишком-то и интересовало. Я не хотел связывать себя серьёзными узами, пока не разберусь, чего в принципе хочу от жизни.

С Дашей моя тактика дала осечку. Она в точности знала, чего хочет, и ей не требовалось моего осознанного и деятельного согласия. Она пустила на тряпки мои старые футболки и приучила надевать на встречи с друзьями поло, а в ресторан и театр – костюм. Я прописался на выставках живописи, рассеянно скользя взглядом по картинам. Надо же проводить время вместе, а заодно самообразовываться... так я себе сказал.

С Дашей вообще трудно было спорить. Когда я вёл себя так, как ей хотелось, она была очаровательна. Заботливая, страстная. До неё ни одна девушка не устраивала мне внезапных романтических ужинов... А чего только стоит сюрприз в виде поездки на майские: после работы меня ждали такси в аэропорт и билеты в Рим.

Чего стоит, чего стоит... Возможно, немногого стоит то, что она могла устроить скандал, когда нам пора было ехать в гости к друзьям, – из-за

¹ Конструкторское бюро.

того, что я опять забыл протереть духовку. Духовка, конечно же, на даче у друзей не понадобится, но Даша ведь просила, да и сколько вообще можно жить в грязи?.. Естественно, она с ледяным лицом надевала перчатки и начала тереть, пока я уговаривал её ехать, потому что нас ждут. «Езжай сам».

Я таскаю из дальнего магазина её сумки, потому что там дешевле, чем в ближайшем, – и дешевле, чем заказать доставку тех же продуктов на дом? Это абсолютно нормально, не стоит и упоминания. А вот если я устал и в магазин тащиться не хочу – это событие. Не думаю о семейном бюджете – и о самой Даше.

Хочу встретиться с другом в субботу вечером? Оказывается, у Даши были планы: ведь мы давным-давно хотели провести вечер вместе, а у меня всё время дела. Видимо, я просто хочу побухать, а она мне надоела. «Ну иди, конечно. Я молчу. – Пауза в пять минут, которой хватает мне, чтобы собраться. – Думала, я для тебя значу чуть больше».

Каждая из этих ситуаций, наверное, не стоила бы упоминания. Но все вместе они со временем начинали знатно бесить. Пару раз я посылал Дашу ко всем чертям. Тут-то она и применяла последнее оружие – то, которому я не мог противостоять. Она начинала плакать.

Я не джентльмен. Никогда им не был. Но плач женщины, которую я должен оберегать, а вместо этого обижаю, меня обезоруживает. Я начинал успокаивать Дашу и всеми силами стараться исправить ситуацию. Уже неважно было, как много мне придётся сделать ради этого.

Возможно, такая тенденция могла бы насторожить меня уже давно... Но моя внимательность притуплялась тем, что Даша щедро вознаграждала меня за... содействие. Это я так называю, чтобы не говорить «подчинение». Она прижималась ко мне – ласковая, нежная. Я чувствовал, что важнее меня для неё никого нет. И это я должен быть здоровым и рассудительным, а ей дозволено выходить из себя, ругаться, а потом бросаться мне на шею. На то она и женщина.

Каждое примирение делало меня счастливым. И когда это произошло весной, неподалёку от Бзерпинского карниза (было туманно и свежо), я сделал Даше предложение. Она взялась за мою голову обеими руками и покрывала моё лицо поцелуями.

В течение последних двух лет Даша мягко, но настойчиво объясняла мне, как тесна, темна и стара квартира на Гривцова, оставшаяся мне от бабушки. «Конечно, тут хорошо, я тоже люблю это место... Но понимаешь сам, впереди дети, да и тебе нужно нормальное рабочее место...»

Я к этой квартире привык, да и расположение у неё было отличное. Любил ли я её? Не знаю. Дашины планы, очевидно, опережали мои, но звучали достаточно логично – так я себе сказал, вновь уступая её натиску. Я лишь попросил немного подождать с поисками квартиры – когда у меня на работе наступит затишье.

«Любил ли я квартиру» – вопрос, конечно, интересный. Но у меня есть и поинтереснее: «Любил ли я Дашу». Я бы ответил: «Иногда».

Пожалуй, в тот момент я ещё мог бросить всё и разойтись с ней.

А потом мы узнали, что она беременна. Она принимала противозачаточные, но, похоже, они не сработали. Даша говорила, что это большая удача и давно уже пора...

А я снова – ну точно как с работой! – ступил на путь, не будучи уверенным до конца, что иду в нужном направлении. А пройдя немало шагов, вдруг осознал, что переиграть не получится.

Не то чтобы я был уверен, что переигрывать нужно. Нет. Я тоже, наверное, хотел ребёнка. Но было бы проще, если бы я принял однозначное решение по этому вопросу заранее.

Впрочем, на какое-то время я даже приободрился: близится новая жизнь, а значит, мелкие бытовые ссоры будут забыты.

Мне пришлось быстро вернуться с небес на землю. Я всё ещё был виноват в том, что недостаточно забочусь, не слушаю и не хочу слышать, не думаю о будущем, несерьёзен. Самое страшное, что в какой-то момент обвинения перестали по-настоящему меня трогать. Я чувствовал, что теряю что-то очень важное.

И вот – я просто пустил ситуацию на самотёк, переключившись мыслями на астероид. Про него, конечно, вы и сами знаете – если не провели последний десяток лет в глухой тайге. Но мне всё-таки хочется рассказать.

26 ноября 2024 года на расстоянии около трехсот километров от Земли должен пройти астероид Астарта. Да-да, триста километров. Не тысяч. Так близко к Земле не подлетало еще ни одно крупное небесное тело – по крайней мере, в известной нам истории.

Астарта огромна. Почти три тысячи километров в диаметре – сопоставимо с Луной. Одно касание с нашей грешной планеткой – и всё было бы кончено. Да что там! Чтобы уничтожить всё живое на Земле, хватило бы и столкновения с астероидом диаметром в один километр.

Как я уже говорил, столкновения не планируется. Как и адского пламени и падающих на землю обломков: триста километров – это всё ещё существенно больше, чем толщина атмосферного слоя Земли.

Учёные нескольких стран независимо друг от друга просчитали траекторию. Астарта должна пройти над Баренцевым морем и северной частью Атлантического океана, после чего начать удаление, сделать несколько эллиптических оборотов вокруг Солнца и встроиться в нашу звёздную систему.

Событие это, конечно, уникальное. Фрики уже приготовились встречать апокалипсис – тут ничего нового. Но есть и реальные угрозы. Среди явлений, которые мы можем спрогнозировать, – цунами, магнитные бури, изменение орбиты Земли и, как следствие, изменение длины суток. Уже неплохо для начала, а ведь многого мы можем даже не предполагать! Трудно полностью предвидеть последствия того, с чем человечество встречается впервые.

Подготовка идёт уже два месяца. Людей отселяют из прибрежных районов, останавливают ГЭС – в том числе Беломорскую и Верхне-Териберскую, устанавливают волноломы.

ООН обнародовала рекомендации: на время сближения полностью удалить суда, авиацию и людей из «тени астероида» – его вертикальной проекции на поверхность Земли – и её 50-километровой зоны.

Нам с коллегами привалило работы: нужно было обезопасить нефтяную платформу «Приразломная». Серьёзной угрозы не было: 55 км от берега – слишком далеко, чтобы возможные цунами могли нанести ущерб платформе. Основные приготовления были связаны с тем, чтобы на несколько дней остановить откачку и эвакуировать большую часть персонала. Необходимости в этом мы не видели, но тут особый случай. «Приразломная», если кто не знает, является для РФ таким брендом, демонстрацией Западу наших технологий и ответственности перед людьми и окружающей средой. Поэтому руководство дало указание по максимуму соблюсти рекомендации ООН.

День пролёта астероида, 26 ноября, выпал на субботу. Уже за две недели люди записывались на вечеринки и бронировали столики на открытых верандах. Некоторые даже планировали лезть на крыши.

Я предложил Даше тоже сходить куда-нибудь, но она отнеслась к этой затее прохладно. Тема астероида не особо интересовала её, и она считала всеобщую шумиху частью досадного информационного фона. Зато выходной, в который я «наконец-то никуда не уезжаю», – отличный повод положить новую плитку в ванной. Это была часть предпродажной подготовки нашей квартиры. Даша даже вышла на балкон и угрожающе взялась за тяжёлый мешок со смесью для раствора, будто собиралась тащить его в ванную на протяжении следующих двух недель.

В понедельник я подошёл к шефу и вызвался добровольцем – дежурить на платформе. Шеф удивился, созвонился с Пластеевым и дал добро. Даша со мной не разговаривала.

26 ноября я встал в полчетвёртого утра. Даша тоже зачем-то вскочила и молча наблюдала, как я обуваюсь. Я и сам молчал, не желая провоцировать новый скандал. Хотелось просто сесть в такси, откинуть голову и расслабиться.

Когда я выпрямился, Даша шагнула ко мне и легонько провела рукой по предплечью. В глазах – лёгкое беспокойство. Я отметил, что животик у неё прилично подрос.

В такси до Пулково-3 я действительно откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Я не чувствовал ни раздражения, ни любви. Мне просто было хорошо одному, а впереди пунктиром бежала дорога.

Мы встретились с коллегами в маленьком бизнес-зале. «Особая» вахта насчитывала всего четверых. Геннадий – старший техник и старший смены, Семён – молодой оператор буровой, главный инженер вахты – то есть я, и медик Ольга.

Она сидела в наушниках с закрытыми глазами. Острые скулы, тонкие сильные руки. Короткие светлые волосы забраны в хвост. На веках играют блики рассвета, приглушённые стеклом аэропорта. Я прищурился, чтобы пересчитать звёздочки у неё за ухом...

Впервые мы пересеклись с полгода назад. Я проходил медосмотр в корпоративной больничке: ответил, что жалоб и аллергии у меня нет, а Ольга так стучала по «клаве», будто у меня наблюдались явные признаки рака прямой кишки и ещё десятка-другого заболеваний. Попытался улыбнуться – строгий взгляд в ответ. «Можете идти, Павел Михайлович». И вдруг сама улыбается.

Конечно, я не решился сразу спросить у неё телефон, и мне пришлось действовать в своём стиле: несколько дней обдумывать план, изучать расписание больнички, потом мяться у выхода, поджидая Ольгу, чтобы узнать, что сегодня у неё всё равно нет времени. Но было и два плюса: во-первых, она вышла одна, и мне не пришлось краснеть перед её коллегами. Во-вторых, мы всё-таки договорились о встрече.

Мы с Дашей тогда уже были помолвлены. И не то чтобы меня не беспокоило, что в такой ситуации я иду на встречу с другой женщиной. Беспокойство вилолось вокруг и напоминало саму Дашу – недовольную, что я в субботу опять проспал до одиннадцати, в комнате бардак, а ведь скоро долж-

на приехать её мама. Хотелось отмахнуться – и с Дашей это было нелегко, а с сомнениями по поводу Ольги – проще простого.

Я был воодушевлён: она согласилась! Я могу быть интересен девушкам! Да ещё и не возражала против прогулки на Елагинском острове – я до сих пор, как в школе, больше люблю гулять с девушками по паркам, чем где-то засесть.

Однако на встрече Ольга выглядела задумчиво. Казалось, я болтаюсь где-то на фоне, пока её мысли заняты чем-то более важным. В ней совсем не чувствовалось того лёгкого возбуждения, которое мы обычно испытываем при встрече с новым человеком. Будто мы гуляли каждый день перед завтраком.

Я начал расспрашивать. В школе Оля увлекалась околоспортом... Это такая себе субкультура: люди орут за любимую команду на стадионах, а после (до, вместо) матчей дерутся с фанатами других команд. Ольга заявила, что сама пару раз участвовала в таких драках, но чаще их «организовывала».

– Ты была школьницей! Ничего не перепутала?

– Знаешь, там такие ребята... Не то чтобы очень умные. К ним надо знать подход. А я тогда умела здорово говорить! И мне это нравилось. Ну, скажем так, заводит толпу.

Я неуверенно усмехнулся.

– Да я ж на бокс ещё ходила...

Как я понял, Оля достигла в боксе определённых успехов. Она продолжала посещать свой спортивный клуб и после поступления в медицинский. И в конце первого курса на спортивных сборах она упала спиной на край деревянного помоста.

– Это тебя так ударили?

– Ударили, а я споткнулась. Сама виновата, м-да... Неполный перелом позвонка в поясничном отделе. Трещина, короче.

Две недели она лежала, потом начала вставать – в жёстком корсете. Подготовиться к сессии уже не успела, пришлось брать академ. С боксом также было покончено.

Поворачиваться и наклоняться было больно, но Оля разрабатывала спину, постепенно добавляя упражнения. А в середине учебного года – она снова училась на первом курсе – пошла на греблю.

– Ты, блин, серьёзно?

– Спину укреплять.

Я спросил о её родителях, и она рассказала о глухом отце, за которым она ухаживала. «Он молодцом». Про мать не сказала ни слова.

Некоторое время я шагал молча. Ольга спокойно говорила о диких вещах. Она была молода, сильна – кажется, сильнее меня. И казалась уставшей.

– Ну а ты? – спросила она, будто для того, чтобы заполнить паузу.

Меня зовут Павел Фёдоров. Тридцать лет, инженер первой категории в «Газпромнефти»...

Кажется, я и не мог быть Ольге интересен, и это побуждало к откровенности: терять-то нечего. Повинуясь порыву, я рассказал ей о том, что меня тяготило. Время, утекающее сквозь пальцы. Приключения, обернувшиеся миражом.

– А чего бы ты хотел?

Хороший вопрос.

– Побывать в Африке. Как в «Сердце тьмы». Или это уже мейнстрим? Хотел бы работать руками: на пароходе, скажем, или какой-нибудь северной

станции... Знаю, это смешно. Да и не думаю, что меня надолго бы хватило, но хочется почувствовать себя живым: бегать, швырять что-нибудь, в гору идти... а не тут штаны высиживать... просиживать...

Я так разговорился, что не сразу обратил внимание, что Ольга опустила взгляд. Она наполовину вытащила телефон из кармана джинсов и отвечала на сообщение.

– Да... так я не поняла: в чём проблема-то? Или тебя тут кто держит?

И правда: что меня держит? Я не говорил Ольге про Дашу. Не рассказывал, как уже делился с Дашей своими желаниями – самыми безобидными. Хотя бы бросить на время надоевшую работу и поездить по миру. И даже это показалось Даше диким, когда надо зарабатывать на будущую жизнь с детьми.

Слова про детей я воспринимал тогда, как что-то далёкое... У меня ещё было время подумать. Гуляя с Ольгой, я ещё не знал, что скоро Даша объявит о своей беременности.

– Я с подругой встречусь как раз, удачно получилось, – невпопад сказала Ольга. – С кораблём ты, кстати, прикольно придумал. У меня друзья так ездили – стопом до Приморска, кажется, а дальше в Калининград. На баржу какую-то устроились. Но я тогда маленькая была.

Интересно, это значит, что, будь она постарше, присоединилась бы?

Напоследок, перед тем, как я пошёл в метро, а она – к подружке, я спросил, что означают её татуировки в виде звёздочек за ухом.

– А, ну да: четыре звезды – четыре победы.

– Над кем?

Я думал, она скажет, что победы – это, к примеру, поступление в универ или восстановление после травмы.

– Над оппонентами.

– На боксе?

– Ну... в том числе.

На том и расстались.

Как ни странно, Ольга согласилась встретиться со мной и во второй раз. Но мы долго откладывали встречу из-за разных дел, а потом я узнал, что Даша беременна, и это вовсе придавило меня к земле.

Я прищурился, чтобы пересчитать звёздочки у неё за ухом. Их по-прежнему было четыре.

Микроавтобус провёз нас по полю – мимо изящных бизнес-джетов, к Ан-24 с синей полоской на боку.

Вчетвером – на целый самолёт. Я протиснулся к иллюминатору. Надеюсь, что Ольга подсядет, но она прошла дальше. Геннадий же вообще стянул ботинки с мехом и улёгся на бок на три сиденья.

Двигатели заработали мерно и успокоительно. Холод лётного поля ушёл из пальцев, щёки потеплели. Я свернул флиску, подложил её под голову и задремал.

Мне снился странный сон. Будто бы астероид прилетел, но всё оказалось не так, как мы ожидали. Он принёс счастье всем и сразу, как у Стругацких. Люди выбежали на улицы, смеясь и протягивая к астероиду руки, а он висел неподвижно, излучая синеватое сияние и говоря: «Ну конечно, я останусь». Я тоже смеялся: мы столько переживали по поводу его прилёта, а он оказался тем самым, что нам было так нужно.

Самолёт споткнулся, дёрнулся, вырывая меня из сна. Удар был таким, какого не может быть при воздушной яме – он то ли столкнулся с чем-то, то ли начал разваливаться. «Ну, вот и всё», – успел подумать я. Мысль была спокойной и даже с налётом иронии: умереть накануне конца света – это надо уметь.

Я до боли распахнул глаза. Самолёт подпрыгивал на полосе, замедляясь с гудением турбин. Секунду-другую я привыкал к мысли, что всё ещё жив. Удивительно: я ещё никогда не просыпал снижение.

В иллюминатор я уже видел аэропорт «Варандей» – одноэтажный продолговатый домик с грязно-белыми стенами и тёмной крышей. Рядом с главным и единственным терминалом – небольшая пристройка с диспетчерской вышкой высотой в два этажа. Ангар в красную шашечку, справа приткнулись транспортные «Уралы» – синий и рыжий. И морда «буханки» торчит – совсем малышка рядом с грузовиками. Ни единого дерева или куста – только километры бурой мёрзлой земли вокруг.

Стоило мне ступить на трап, как в лицо ударил ледяной солёный ветер. Геннадий передо мной вцепился одной рукой в поручень, другой пытаюсь удержать рвущийся капюшон.

В здании нас встретил седой сотрудник в фирменной синей куртке и провёл в столовую. Перед дверьми пришлось притормозить: оттуда вывалились наши коллеги в количестве человек двадцати – уже в гражданке, шуточки шутят. «А вот и последняя вахта!», «Снимите конец света на видео...»

– Так, давайте-ка шевелитесь! – заворчал наш провожатый.

Пока мы брали подносы, Геннадий поинтересовался, где остальной персонала.

– Чуть больше сотни ночью улетели... Сейчас на платформе двадцать пять человек – их ваша «пчёлка» заберёт.

Подливка растеклась по блестящим от масла макаронам. Я опустил поднос на влажный стол. За окном техники осматривали наш «Ан». Ветер швырял обрывки снега, и я прищурился, пытаюсь различить вдалеке буруны холодных волн.

Потом снова снег в лицо, синий Ми-8 с белой полоской на боку, «хоп-хоп-хоп» – удары лопастей по воздуху, и небо и море бликуют в иллюминаторе, перетекая друг в друга.

На платформе нас встретил старший смены и отчитался, что все мощности остановлены. Мы надели фирменные белые каски, обошли машинное, отметились в журнале. Мостик, снова шуточки, пожелания удачи – и мы остались вчетвером.

Семён упал в кресло и уставился в телефон, пытаюсь поймать сотовый сигнал. Я набросил куртку – грела она не хуже, чем печка – и вышел на металлическую площадку. Ветер трепал капюшон, но слабее, чем в Варандее, зато по макушке стрекотало ледяное крошево.

Обычно рядом с «Приразломной» стоят суда сопровождения, но сейчас они все были уведены в Мурманск. Платформа неподвижно покоилась на морском дне, опираясь на массивное основание из стали и бетона – кессон. Тем не менее мне казалось, что она слегка покачивается – не иначе из-за бликов волн за бортом. Гигантский кракен, веками ползший по морскому дну, прилёг передохнуть – на денёк, а может, на десяток лет. Вышки, контейнеры, трубы, краны – вековые наросты на его спине – мерно покачивались с его дыханием.

Я стёр влагу со стекла водонепроницаемых часов: 15:15. Скоро мы увидим астероид.

Мы с коллегами договорились, что будем выходить наружу: как-никак раз в жизни такое случается. Но один из нас будет постоянно дежурить на мостике и наблюдать за приборами. Остальные будут рядом и при необходимости сразу вернуться.

Геннадий объявил первого дежурного – меня. Когда до появления астероида оставалось несколько минут, я по привычке взглянул на экран мобильного. Сигнала сети не было – он пропал вскоре после того, как мы вылетели из Варандея, и уже не появлялся. Наверное, весь мир сейчас активно постит в соцсетях фотки и видео далёкого астероида. Мало кто увидит его вблизи.

– Смотрите! – вскрикнула Ольга. Её голос, обычно уверенный и насмешливый, звучал взволнованно. – Вон он!

Геннадий поймал мой взгляд, прижал палец к рации на груди: «На связи». Ольга выбежала наружу, и Геннадий с Семёном вышли следом.

Я знал, что могу подойти к иллюминатору – они здесь большие, как самые обычные окна, только со скруглёнными краями. Но мне не хотелось наблюдать за появлением Астарты через стекло. Может, это нелепо, но я хотел сразу ощутить её присутствие кожей.

Я упёрся в подлокотники и закрыл уши. Теперь в них шумело море: пока спокойное, но скоро астероид пройдёт, и начнётся шторм..

Минут пять – и кто-то хлопнул меня по плечу:

– Давай!

Семён выглядел взбудораженным.

– Что, уже?..

– Давай-давай!

Я снял с крючка куртку и, на ходу натягивая её, вышел. Шаги были лёгкими, неловкими... Я запрокинул голову вверх.

Представьте: вы без памяти влюблены в девушку. Вы часто видите её по утрам на автобусной остановке, но её каждый раз утягивает толпа, оставляя вас ловить глазами профиль, изгиб шеи, выбившийся локон. Вы мечтаете встать рядом с ней, обнять, укрыть... но вначале – просто разглядеть, подробно, внимательно, не торопясь.

Проходит месяц, вы гуляете по парку перед сном. Просто походить, подумать. И вдруг она – стоит в тени ясеня и смотрит на пруд. Сомнений нет: это её профиль, все чёточки сходятся. Вы подходите и – стоя в нескольких шагах – начинаете сбивчивые объяснения. «Давно вас вижу и давно хотел заговорить.. То есть, хотя бы подойти, но остановка... Я хочу сказать, вы ведь ехали на работу, это, конечно, неважно, то есть...»

Девушка не говорит ни слова, смотря исподлобья. Она в тени, а слева вам в лицо светит фонарь. И когда вы неловко замолкаете, она вдруг шагает вам навстречу. И вот уже её лицо освещено фонарём. Оно прямо перед вами. Во всём мире – только её лицо. Оно не такое идеальное и не такое... потустороннее, как казалось раньше. Тонкие губы чуть приоткрыты, на левой скуле – родинка.

Надо мной не было неба – был лишь астероид. Пепельно-серый, он в то же время будто светился: то был отражённый свет блёклого северного

солнца, опускавшегося к горизонту. Поверхность астероида была испещрена тысячами кратеров и прорезана бороздами иссохших рек. Мне казалось, что я смотрю на дно озера с его неровностями и завихрениями песка. Хотелось вытянуть руки «рыбкой» и прыгнуть. Я ждал Астарту долгие месяцы, но она оказалась ещё прекраснее, чем мог надеяться.

Я скорее чувствовал, чем видел движение Астарты. Ни звука, ни пламени: астероид просто плавно закатывался мне за голову. Я шагнул к ограждению и вцепился в перила. Справа, чуть поодаль, застыла Ольга. Что-то непривычное было в её лице. Обычно дерзкая и насмешливая, сейчас она выглядела робкой и... маленькой. Девочка, приоткрывшая запретную дверь.

Астарта удалялась, а над морем густели сумерки. Их бетонная серость хлынула в море, обесцвечивая его, скрадывая от глаз, оставляя лишь звук.

Ольга справилась о нашем самочувствии, по очереди измерила всем давление и температуру. Работая, она смотрела только на манометр.

– Оля, – негромко позвал я.

Она подняла голову. В её серых глазах мне почудилась тень астероида.

– Ты-то как себя чувствуешь?

Она как будто не сразу поняла вопрос, а потом засмеялась:

– Так сейчас и меня измерим!

Вскоре после ухода Астарты мы распозлились по углам. Ольга исчезла в жилом отсеке. Геннадий застыл в кресле, с отсутствующим видом смотря на приборы. Только Семён пытался балагурить, но, не дождавшись от меня с Геннадием бурной реакции, обиделся и отправился курить – для этого на платформе существовала единственная оборудованная площадка.

Через час на море начался шторм: скорость ветра постепенно росла, пока не достигла 14–15 м/с. Волны поднялись до пяти метров. Мы с Геннадием молча сидели на мостике, а снаружи шумела и разбивалась о бетонные стенки тьма.

Волновой дефлектор был рассчитан на удары волн до десяти метров в высоту, и нынешний шторм не представлял угрозы. К счастью, мне не нужно было дежурить, и я мог спокойно завалиться спать. Забавно, что мужчин, согласно распорядку, расселили по двое, хотя кают хватало бы на каждого. Семён расположился на верхней койке – оттуда лилось бледное свечение телефона. Я закрыл глаза и попробовал различить отголоски шторма, бушующего снаружи, но слышал только слабое гудение – от коридорного освещения. Я провалился в сон.

Всю обратную дорогу я хотел поговорить с Ольгой, но в вертолёте рядом с ней плюхнулся Семён, а на Варандее с нами внезапно затеяли фотосессию. Когда же началась посадка в самолёт и я смог взглянуть Ольге в глаза, мне показалось, что она смотрит в глубь себя. Я не решился её тревожить.

Когда я приехал, Даши дома не было – ушла в гости к Наде. Вернулась она ближе к ночи и общалась вежливо и сухо. Мы попили чай – я при этом листал ленту в фейсбуке – и легли спать.

В следующие несколько дней соцсети ломались от фоток астероида – котятки взгрустнули, но наверняка знали, что скоро придёт время возвращаться. Фото дальних планов Астарты хватало, а вот ближние были в дико-

винку. Семён, успевший наделать фоток и видео, нежился в лучах славы в инстаграме.

Пролёт Астарты вызвал восьмибалльный шторм, а ураганный ветер ударил по портам и прибрежным деревьям. Дело, впрочем, обошлось поваленными деревьями, щитами и другой мелочёвкой: тут ООН со своими рекомендациями явно перестаралась.

Настроение у меня скакало по всем осям координат: слишком долго ждал, что астероид принесёт какие-то там перемены. Сердце рвалось, билось о рёбра, влекло прочь. Я успокаивал себя: вдох-выдох, вдох-выдох. Тебе уже не 20 лет, дружище, у тебя невеста беременна.

Корабль у причала – рычаги запылились, смазка в блоках засохла, а он всё мечтает о море. Пройдёт несколько месяцев – и на палубе устроят ресторанчик с рыбой и картошкой в мундире. Укрепят вход на палубу, потрёпанные канаты заменят на новенькие бутафорские. Через годик снимут двигатель, чтобы обустроить холодильную камеру.

В пятницу в дверях лифта на меня налетел Пластеев. Врезался плечом – больно-то как! Буркнул что-то не глядя.

– Эй!.. – я удержал его за локоть.

Он удивлённо уставился на меня:

– Паша? Блин, извини... – Он задержал дверь лифта рукой. – Что-то я сегодня... Слушай, до сих пор не обсудили! Как вахта-то?

– Как-как... А то ты фоток не видел?

– Вы ехать будете? – пропищала недовольная тётка из лифта. Из бухгалтерии, не иначе...

– Их не захочешь – всё равно увидишь... – Пластеев протиснулся в лифт.

В субботу я вышел прогуляться до центра: хотелось вдохнуть город, очистить голову. Накрапывал мелкий дождик, впрочем, минут через десять он полил с удвоенной силой. Зонт я не взял, но на мне была неплохая куртка с мембраной: в такой можно подنيا проходить под ливнем, прежде чем вода начнёт просачиваться. Я накинул капюшон и чувствовал себя вполне уютно.

Я спокойно переходил дорогу по зебре, а слева приближалась машина – серая «лада» или «логан», что-то неброское. Она ехала небыстро, и времени, чтобы затормозить, было более чем достаточно. Но она не затормозила вообще. Из-за капюшона я только в последний момент понял, что что-то не так, и изо всех сил прыгнул вперёд, чтобы не угодить под колёса.

Скрип тормозов и шуршание резины по мокрому асфальту.

Я в ярости развернулся: хотелось вытащить водителя и съездить ему по роже. Но резкая остановка напугала меня. Сейчас ещё выскочит какой-нибудь псих с травматом.

Водитель прижался лицом к боковому стеклу, но из-за струй дождя я не мог толком его разглядеть. Кажется, седой мужик лет пятидесяти. Машина тронулась и мягко покатила дальше. Я зло отвернулся. И только через несколько минут, когда спала волна адреналина, почувствовал, что спина взмокла от пота.

В Александровском было пустынно: дождь согнал туристов с улиц в кафешки. Только парочка с зонтом да девушка в объёмном розовом дождевике, фотографирующая Адмиралтейство. Ветер раздувал дождевик, и в его складках мне привиделось нечто странное. Будто рябь пробежала по краям, заставив их раздваиваться и подрагивать.

Я закрыл глаза и нажал пальцами на веки. Только сейчас я заметил, что всё лицо у меня мокрое – и обтёр его ладонью. Когда я открыл глаза, девушка в дождевике уже удалялась.

Промокнуть я промок, но домой не пошёл. Вместо этого погулял ещё и нырнул в бар, где взял сразу пиво и ледяной коктейль и сидел, упершись локтями в узкую деревянную стойку и заливая в телек с боевичком про роботов и огромных монстров из океана. Если бы астероид пробудил ото сна какую-нибудь гигантскую черепаху, наверное, я был бы удовлетворён. Главное, чтобы она не уползла в Антарктику или Гренландию, а пошла громить Россию. Разрушенные города, стрельба ракетами.. и никакого «Газпрома», никакой свадьбы.

Не знаю, сколько я так просидел – из забытья меня вывела вибрация телефона. Ого: Даша уже дважды звонила. Да и время к полуночи – пора домой.

Домой я пришёл уже после двенадцати и тихо отпер дверь. Перестук по клавиатуре с кухни. Выглянул из коридора: Даша, наморщив лоб, работала за ноутбуком. Рассеянно подняла голову и вздрогнула. Сощурилась:

– Это ты?

– Привет...

– Ты давно зашёл?

– Только что.

– Ох... – она встала и подошла ближе. В голосе смешались испуг и облегчение: – Ты почему не позвонил?

– Так я всё равно уже ехал...

Она вдруг поцеловала меня в щёку, потом пихнула кулаком в грудь и вернулась на кухню, закрыв за собой дверь.

В понедельник я не смог с первого раза пожать руку Роме: будто два идиота, мы не могли попасть ладонью в ладонь. Сел за стол я раздражённым, и моё настроение не улучшилось от того, что Лена Ильина пялилась на меня через стекло между столами, будто впервые увидела. Посмотрел вопросительно в ответ, повёл подбородком: «Что такое?» Она медленно покачала головой и перевела взгляд в монитор.

Забавно вспоминать! Каждое из этих происшествий: Пластеев, машина, дождевик, Рома... Все они по-своему раздражали меня, но я не видел связи. Или не хотел видеть – до тех пор, пока не замечать стало невозможно.

Столкновения с людьми, сложность пожать руку или передать документ. Вдобавок у окружающих как будто появились проблемы со слухом: меня часто не слышали, приходилось повторять. А что стало вообще рутинной, так это долгие внимательные взгляды. Нелепость какая-то...

Город стал шатким и ненадёжным. Вокруг шарахались силуэты людей, и я вздрагивал от гудков машин. Я больше не был уверен, что разминусь с ними, и жался к стенам.

Ах да, Даша. Неделя за неделей утекала и растворялась, а мы общались всё меньше, но не потому, что скандалили. Напротив, у нас впервые за последний год установились удивительно ровные отношения: мы просто друг друга не трогали. Более того: зачастую Даша вовсе не замечала моего присутствия, а я и не стремился попадаться ей на глаза.

Пару лет назад я бы перепугался. Теперь же – не хотел вникать. Шутил про себя: мало ли у людей милых карманных бзиков? Не заикливаться

на проблеме помогал алкоголь – я зачастил в бары, а дома в холодильнике прописалась бутылка вискаря.

Когда осознание всё-таки пришло, оно накрыло меня с головой и придавило к земле. Я обнаружил себя скрючившимся в офисном кресле, сжимающим пальцами виски. Очевидно: если у всего мира появились проблемы со слухом, зрением и координацией, то проблемы не у мира, а у меня.

Галлюцинации и бред. Они начались около месяца назад – вскоре после вахты – и усугубляются. Шизофрения?

Ха-ха, а что если и астероид был галлюцинацией?!

Я резко выпрямился. Обойдётся без «ха-ха», у меня и без невменяемого смеха хватает проблем с «крышей».

Если Астарта – вымысел моего воспалённого рассудка, то вымысел сложный и комплексный. Планы по защите объектов, регламент, вахта на платформе – а это, между прочим, новое для меня место. Это уже не милое карманное помешательство, а целая жизнь в структурированных грёзах. Если всё это и впрямь существует только в моей голове, впору гордиться.

Как-то это совсем уж неправдоподобно. А к тому же – бесперспективно. Не получится совладать со сломанной системой, то есть с мозгом, находясь в рамках этой системы. Иными словами, если я и впрямь настолько оторвался от реальности, можно расслабиться и тихонько ждать санитаров.

Я посёрфил интернет и нашел неувязочку: вроде как шизофреник не способен к самокритике и уверен в реальности своего бреда. Значит ли это, что я не сумасшедший? Ну, или у меня не шизофрения, а что поинтереснее...

Ещё раз: всё началось вскоре после пролёта астероида. Что если... хм. Не знаю. Какое-то поле или вроде того, заражение? Нет, глупость. Это было бы проблемой множества людей... С другой стороны, немногие находились к Астарте так близко, как мы. Какие-нибудь военные суда... может быть, авантюристы. Вряд ли больше, чем тысяча человек, а скорее – несколько сотен.

Ладно, если я грешу на астероид, то следующий шаг очевиден. Я вышел в коридор и позвонил Ольге. Недоступна. И в ватсап давно не заходила. Ну и ладно: будем действовать по старинке. Рабочий день только начался, но я был уверен, что моего отсутствия никто не заметит.

От метро «Технологический институт» до клиники было буквально несколько минут. И снова дождь – закончится он уже когда-нибудь? Лицо Ольги на платформе... Почему я так и не поговорил с ней?

«Балакина больше не работает, – ответила девушка в регистратуре, когда я до неё наконец докричался. – Вот буквально три дня как ушла... истекли две недели. Да, по собственному желанию».

Я отошёл и опустился на кушетку.

Почему-то мне казалось, что с Ольгой всё в порядке, но всё-таки дозвониться до неё в ближайшее время не получится. Конечно, я не девочка – любительница гороскопов, чтобы полагаться на интуицию, поэтому написал Ольге в ватсап и по смс. Теперь можно было на время отвлечься от неё и попробовать связаться с Семёном и Геннадием.

Оба работали в других отделах, и мне не хотелось привлекать внимание, запрашивая информацию у руководства. Но я знал их имена и мог поискать в соцсетях.

Начал с простого. Семён Павленко – сверхновая звезда инстаграма. Судя по последним постам, он теперь работал на судне «Газпромнефть норд»: ветер и дождь рвали воздух, холодные волны разбивались о красный борт. Тысячи лайков. И если к старым фоткам обязательно прилагался незамысло-

ватый текстик, а к фоткам астероида – и вовсе буря эмоций, то к новым – ничего.

Я написал Семёну в директ. Решил не тереться вокруг да около: сразу спросил, как здоровье и не замечал ли он в последнее время чего-то странного. Уточнять не стал: если замечал, то поймёт сразу. Правда, оставался вопрос, заметит ли он моё сообщение среди писем поклонниц.

Геннадий Клюжев – старший смены. Не так уж плохо – отыскал в фейсбуке минут за пятнадцать. Написал ему то же сообщение, что и Семёну.

Геннадий ответил почти сразу – я не успел и до метро дойти. Он был в командировке, возвращался через пять дней. Мы договорились встретиться.

После того дня, когда я впервые попытался поставить себе диагноз, я вдруг потерял к этому вопросу интерес. Происходящее с каждым днём теряло для меня... значимость. Окружение блекло. Галлюцинации вроде бы никуда и не делись, но перестали тревожить – скорее, я был рад, что отдаляюсь от привычного мира. На работе меня почти не замечали – но я продолжал туда ходить.

Лишь накануне возвращения Геннадия под конец рабочего дня я оживился. Мне пришла в голову забавная мысль: а почему бы не поискать в интернете конкретно мои симптомы? Конечно, их и сформулировать-то непросто: «Люди меня не замечают»? «В глазах рябит»? Но тем интереснее.

Вначале я искал на русском – выпадали тонны статей, с моей историей не имевших ничего общего. Уныло полистав результаты, я перешёл на английский. Потом прикинул маршрут Астарты и установил перечень регионов: Россия, Швеция, Финляндия, Норвегия, Исландия.

Зажглись лампы. Коллеги сновали вокруг меня с папками бумаг, сливаясь в бледный водоворот. Я всё читал и читал, постоянно залезая в переводчик. Голова гудела от сотен не связанных друг с другом заметок.

Кажется, я даже впал в транс: машинально просматривал статьи, думая о своём. Так что то самое сообщение я не сразу отличил от своих собственных мыслей. «Asteroid, collision, communication...» Мне пришлось потрясти головой, чтобы вернуться в реальность.

Это была статья некоего Амалека Мосби – физика в NINA, Норвежском институте природных исследований. Я пробежал статью глазами, большую часть не понял. Начал вчитываться снова.

5 декабря, через девять дней после пролёта Астарты, к Амалеку обратился его друг, пилот Хакко Ольден. Этот мужик проводил коммерческие полёты на легкомоторном самолёте – летал он и под проходящим астероидом. Надо думать, туристы отвалили ему гору денег – уж не знаю, рад ли он теперь этому.

Хакко столкнулся с теми же проблемами, что и я. Галлюцинации (здесь дипломатично и мудрёно названные «визуальными багами»), трудности коммуникации. Амалек описывал эффект со своей стороны: чаще всего он не замечал присутствия Хакко до тех пор, пока тот не привлекал его внимание в явном виде.

Когда Хакко двигался, Амалеку и его помощникам было трудно сфокусироваться на деталях его фигуры. Внимание приходилось возвращать силой – и тем сложнее, чем быстрее он двигался. Учёные вели журнал, где фиксировали постепенное усиление эффекта со временем.

Мне мучительно захотелось курить – такое со мной бывало редко. Я огляделся в поисках того, у кого можно было бы стрелкнуть сигаретку, и обнаружил, что за окнами темно, а офис практически опустел. Только Антон ещё сидел, напряжённо всматриваясь в экран. Я подошёл к окну и распахнул его настежь. В лицо ударил дождь, огни и гудки проспекта. Я поёжился и слегка взбодрился.

Далее по тексту статьи шла попытка теоретического обоснования. Не уверен, что до конца понял её. Попробую объяснить своими словами.

Есть такое понятие, как вторая космическая скорость. Это наименьшая скорость, необходимая объекту, чтобы покинуть орбиту небесного тела – если масса объекта мала по сравнению с массой тела. Например, такая скорость понадобится космическому аппарату, чтобы уйти с орбиты Земли.

Так вот, ещё в 19-м веке при наблюдении за скоплениями галактик был отмечен тот факт, что галактики в скоплениях не разлетаются, хотя движутся быстрее второй космической скорости. То есть видимой массы скопления галактик недостаточно для удержания входящих в него галактик. Следовательно, имело место какое-то невидимое вещество. Цвикки – астрофизик, проводивший исследование, назвал его тёмной материей.

Тёмная материя и по сей день считается «гипотетическим веществом». И вот Амалек Мосби замахнулся и поставил её существование под сомнение.

Как известно из теории относительности, время для наблюдателя и объекта течёт по-разному, если объект находится в гравитационном потенциале. Как предположил Амалек, гравитационный потенциал сам по себе создаёт некое «расслоение пространства-времени»: время в слоях течёт по-разному, но вблизи какой-то одной скорости. Само «расслоение» он считал не дискретным, а непрерывным, и даже ввёл новую величину, которую назвал «степенью расслоения».

Величина эта имела физический смысл только в том случае, если определена точка наблюдения. Допустим, мы с Земли наблюдаем за скоплением галактик. Для объекта вблизи гравитационного потенциала никакого «расслоения» не будет.

Амалек предположил, что объекты в слоях пространства-времени оказывают слабое воздействие друг на друга, в том числе гравитационное. Оно ослабевает со временем, потому что часы в этих «слоях» расходятся всё сильнее.

Таким образом, галактики в скоплениях удерживаются от разлетания, помимо собственной массы, не тёмной материей, а гравитационным взаимодействием этих самых «слоёв». А сам нынешний вид скоплений является таким исключительно из нашей точки наблюдения. Окажись мы за миллионы световых лет от Земли, на границе скопления галактик, в поле их гравитационного потенциала, мы увидели бы совсем другую картину: как галактики стремительно разлетаются в сосущие глубины космоса. Ведь из этой точки наблюдения никакого «расслоения» уже не существовало бы.

В обычное время все мы живём в схожем гравитационном потенциале – за исключением уникальных случаев вроде высадки человека на Луну, о которых мало открытой проверенной информации. Теперь же люди, находившиеся в непосредственной близости от Астарты, попали в её гравитационный потенциал, и их слой пространства-времени еле заметно отделился. Друг относительно друга они продолжали жить в одном слое – так же, как и остальное человечество – в своём. А вот при взаимодействии между слоями начинались проблемы синхронизации. Амалек считал, что «расслоение»

затронуло всех людей просто в малой степени. Почувствовать эффект пока могли только те, кто был к Астарте ближе всего.

Я пересказал статью максимально просто, и то, как мне кажется, получилось мудрёно. Я же над этим текстом всю башку сломал.

К трём часам ночи охранник зашёл, выключил свет, я снова включил его через десять минут – я уже скверно соображал. Всё, что я прочитал, папахивало натянутым солипсизмом: этак вообще всё происходящее зависит от точки наблюдения. Но в целом теория Амалека меня заинтересовала мало. Прав он или нет – главное, что проблема действительно существует. Я не сумасшедший.

Амалек заканчивал статью чем-то вроде социальной рекламы. Он предполагал, что Хакко такой не один, и страстно призывал всех, кто ощутил на себе эффект «расслоения», выйти на связь. Он был уверен, что «субъектам» нужно поселиться под профессиональным наблюдением и вместе с учёными искать лучшие способы взаимодействия с миром.

В NINA к его исследованиям отнеслись серьёзно и выделили финансирование. Амалек не писал, в каком размере.

Я отодвинулся от компа и нажал пальцами на веки.

Мы с Геннадием встретились в ресторанчике в центре. Он посерьёзnel и как будто постарел. Официант не подходил, но нам был и не нужен. Кажется, нам не нужно было и говорить. Рядом с Геннадием я впервые за долгое время ощутил себя спокойно: мне не нужно было ловить взгляд и мучительно напрягать слух. Он был здесь – настоящий, надёжный – и не собирался никуда пропадать.

Я протянул распечатку статьи Амалека и мой вольный перевод. Геннадий пробежался глазами, кивнул.

– Собираешься написать ему? – спросил я.

Помедлив, он пожал плечами.

– Не знаю... посмотрим, – усмехнулся. – Время, как говорится, покажет.

– На всякий случай... если вдруг ты не понял. Вот здесь он пишет, что эффект может усиливаться и с обращением лучше поспешить.

– Я всё понял.

– Куда ты теперь?

– Поеду, попробую жену обнять. И тебе того же желаю. Я с самолёта... не решался домой зайти.

Он внезапно протянул мне руку. Я осторожно пожал её, и он вышел из ресторана. Вот и поговорили – пяти минут не прошло. Я уставился в окно – по стеклу извивались струйки воды. Где-то в Норвегии, среди студёных ветров и величественных фьордов, меня ждала уютная лаборатория Амалека Мосби. Там мне нальют горячего кофе, внимательно выслушают, поместят под наблюдение. Интересно, где я буду жить? В статье говорилось, что пилот Хакко по-прежнему живёт дома, просто регулярно участвует в испытаниях, проводимых Амалеком, его помощниками и студентами. А мне предложат комнату в общежитии?

И далеко ли пойдут эти исследования? Быть может, скоро сильные мира сего поймут, что в науке произошло нечто доселе невиданное. Об этом заговорит весь мир, а Хакко Ольден, Павел Фёдоров и другие станут знаменитостями. Большие светлые лаборатории, ещё более светлые умы вокруг – похлопывают нас по плечам и показывают план исследований и помощи.

А может, нас закроют в застенках, как в «Районе № 9», и будут проводить бесчеловечные эксперименты?

Ха-ха. Гораздо вероятнее другое: никто ничего не заметит. Практически-го смысла в исследованиях Амалека на первый взгляд не видно. По крайней мере, такого, который мог бы принести спонсорам деньги и влияние. А значит, исследования могут потихоньку заглохнуть без финансирования. Вот этот сценарий уже больше похож на реальную жизнь, чем на комиксы.

А что будет с Дашей и ребёнком? Они – моя главная ответственность. То настоящее, что никуда не денется. Я уже не могу нормально работать по специальности, а дальше будет только хуже.

Писать Амалеку – самый разумный путь. В лучшем случае NINA профинансирует спокойное существование моей семьи, но если и нет, то Амалек поможет мне найти работу.

Борта корабля прохудились, компас сбился, доски размокли. По санпинам больше нельзя устроить здесь ресторан – может, хоть под склад удастся его сдать...

Дома было хорошо и надёжно. Знакомый запах, сумрак, тихий перестук клавиатуры из гостиной.

Даша сидела перед ноутбуком и с лёгкой улыбкой поглаживала живот. Он стал ещё больше. Она не замечала меня, и я подошёл мягко и тихо, чтобы не напугать. Положил руку ей на плечо. Она подняла лицо с удивлённой улыбкой: «Паша...»

Мне хотелось обнять её, и я сделал это – аккуратно и не спеша. Всё получилось.

– Нам надо поговорить, – шепнул я.

Стул напротив был завален одеждой, и я опустил в кресло. Я впервые отметил какое-то новое чувство – ещё более странное, чем всё, что было со мной в последний месяц. Меня что-то подталкивало – одновременно наружу и вовнутрь... еле заметно, как зуд. Будто схватил резиновый мяч, прижал его к груди и нырнул в бассейн.

– Знаю, дорогая, это прозвучит странно. В последний месяц я стал как будто... менее заметен для мира. Меня не слышат и, знаешь... Ну, иногда я не могу пожать человеку руку. И я тут нашёл исследование... Геннадий подтверждает... точнее, прямо он не подтвердил...

Даша слушала внимательно, чуть склонив голову. Я замолк, собираясь с мыслями.

– Ну конечно, возьми отпуск! – она вдруг улыбнулась. – Хоть в тот же день.

– Что?..

– Ты так давно не делал мне сюрпризов, и тут... иди ко мне. – Она протянула ко мне руки.

Всю жизнь я плыл по течению, успокаиваясь тем, что могу в любой момент мощным гребком покинуть поток. Даша определённо была частью течения, но вместе с тем – возможно, мне долгое время не хватало этого понимания – она любила меня. Повинуясь порыву, я встал и шагнул к ней.

Даша встала навстречу – в мои объятия. Зуд во всём теле усилился. Даша прошептала: «Мой хороший...» Давно я не видел её такой спокойной.

Я вдруг всё понял. Не знаю, как. И не знаю, как не лишился рассудка – наверное, эта волна накроет меня позже. Но тогда я подумал лишь: «Как

быстро...» Зажмурился и с усилием шагнул назад. Внутри что-то порвалось. Я охнул, меня пошатнуло. Пальцы заledenели. Даша не размыкала рук: она по-прежнему обнимала его – другого меня.

Я был счастлив – за них и за ребёнка. И вдвойне счастлив, что понял, как люблю Дашу – пусть и в последнее мгновение.

Увечный кораблик со сбитым компасом – что ему ловить в открытом море?

Вполне возможно, новый мир окажется пуст, безжалостен, безразличен. Неважно. Я не жалел и не сомневался – возможно, впервые. К тому же совсем пуст этот мир не будет – в нём есть Ольга.

Я тихо обулся, чтобы не мешать, и сбежал по широкой лестнице парадной. Толкнул дверь в ночь. Дождь наконец-то кончился, было свежо и влажно.

**Евгений
МЕЛЬНИКОВ**

СНЕГИРИ

*Рисунок
Валентины Пластун*

Дошкольное детство. Зима. Морозный январский воскресный день. Мы с мамой гуляем по парку в центре Саратова. И вдруг до меня доносится совершенно новая и необычная птичья песенка: мелодичная, свистяще-скрипучая и немного странная, не соответствующая этой холодной погоде. Я завертел головой, пытаюсь разглядеть необычного певца. «Посмотри наверх! – сказала мне мама и показала на ярко-красную точку среди ветвей высокого тополя, хорошо заметную на фоне синего неба. – Это снегирь. Слышишь, как поёт?» Помню, что мы долго стояли на одном месте, любуясь им. Этот момент крепко засел в памяти и сохранился в ней. С него и началась история моего знакомства со снегирём – скромным, незатейливым, но вместе с этим очень выразительным обитателем наших зимних пейзажей.

Довольно часто меня спрашивают про самую любимую птицу: кто из пернатых мне нравится больше всего? Отвечать на этот вопрос не то чтобы сложно, а непривычно, в особенности если часто выбираешься на природу и видишь её особенности. Вот одна из них: каждая птица предназначена для определённого времени года, месяца и даже дня. Неважно, как она окрашена и как поёт, важно, что находится на своём месте. Ранней весной мы радостно слушаем звонкие трели прилетевших жаворонков, в мае наслаждаемся ночными серенадами соловьёв, в июне считаем задорное кукование кукушки, а в сентябре испытываем невольную щемящую грусть, слыша курлыкание журавлиного клина.

-
- Евгений Юрьевич Мельников родился в 1988 году в Саратове. Имеет учёную степень кандидата биологических наук, работает доцентом кафедры морфологии и экологии животных Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, заведует зоологическим музеем СГУ. Публиковался в литературных журналах: «Волга–XXI век», «Европейская словесность», «Молодёжная волна», участвовал в трёх литературных фестивалях в Хвалынске, Ульяновске и Самаре. Лауреат литературных конкурсов «Волжская Волна» и «Россия, Русь! Храни себя, храни!».

Зимой же птичьих голоса слышишь редко, а самих пернатых становится значительно меньше – такое уж суровое и строгое это время. Может быть, потому те немногие пернатые, которые выживают в снега и мороз, пользуются у нас особой любовью? Во всяком случае, именно среди зимних обитателей появился в моей жизни снегирь – птица-исключение, которая нравится чуть больше остальных, которая вызывает необъяснимую радость и волнение при встрече. Она не единственная, но она – первая появившаяся в этом списке исключений.

Снегири... Пожалуй, это одни из тех птиц, которые удивительно гармонично вписываются в зимний пейзаж. У них строгая окраска: серые и чёрные цвета разбросаны не маленькими пятнами, а большими секторами. Рубиново-красная грудь у самца выглядит очень красиво на фоне заснеженных ветвей. Самочка, напротив, окрашена скромно – в серо-чёрные цвета. Но как эффектно смотрится сидящая рядом пара птиц – яркий самец и скромная самка, словно дополняющие друг друга.

У них спокойный характер, под стать зимнему безмолвному спокойствию. Это не синицы, непрерывно вертящиеся на кончиках ветвей, не суетливые щеглы, без конца перепархивающие в бурьяне. Снегири неторопливы. Они тихо сидят на ветвях деревьев, степенно клюют семена или ягоды. Глядя на них, поневоле сам настраиваешься на умиротворённый лад.

И песня у снегиря особенная. Мелодичная, немного грустная, но почему-то очень приятная для слуха. В ней нет звонких трелей и переливов, как у соловья или зяблика, но ведь зиме ни к чему такие звуки. Они не будут дополнены шелестом листьев или травы, голосом ручья или жужжанием насекомых, так, как это происходит весной или летом. Зима немногословна, как и немногословны её жители.

Ещё одно воспоминание о снегире из детства – встречи с ними во время прогулок. Мы жили на окраине Саратова, и по выходным папа брал меня кататься на лыжах по полям и лесополосам. Одно из мест, до которого я особенно любил ходить, так и называлось: Снегириный овраг. Название это мы с папой придумали неслучайно. Он был неглубок, но защищён от ветров берёзами и американскими клёнами. Здесь всю зиму и держались снегири – наши любимцы.

Поскрипывает снег под лыжами. До оврага идти более часа. На шее чувствуется приятная тяжесть бинокля. Идёшь в постоянной готовности воткнуть палки в снег и вскинуть его, чтобы рассмотреть птицу в небе или среди ветвей. Тихо... Только изредка прострекочет где-нибудь сорока или пискнет синица. В пути постоянно вслушиваешься в каждый звук, в ожидании своего, «нужного». Мы идём к снегирям.

В начале овраг встречает нас тишиной. Папа останавливается и поднимает руку – надо соблюдать тишину. И вот долгожданный свист, столь любимый нам за эти лыжные прогулки. Я поднимаю бинокль и начинаю всматриваться в кроны деревьев, и – о, радость! – в поле зрения наконец-то попадают красногрудые птицы. Хочется громко выразить свой восторг, но нужно сдерживаться: очень уж они осторожны. И пусть мы не можем их сфотографировать или нарисовать – но дома обязательно расскажем маме про нашу прогулку, в красках опишем, как птицы кормились и перепархива-

ли среди берёз, как мы пытались подкрасться к ним, чтобы рассмотреть каждое пёрышко и самые тонкие детали окраски.

С тех пор прошло много лет. Пролетели школьные года, началось обучение в университете. Детское увлечение птицами стало перерастать в научные исследования. Расширялся список увиденных и встреченных видов, но снегири всё равно занимали и занимают в нём одну из первых строк. Каждую осень, выбираясь на учёты и наблюдения, я всегда жду встречи с ними. Полюбились мне снегири крепко и сильно.

Да, их ждёшь. Очень ждёшь. Выбираясь за город, всё нетерпеливее начинаешь вслушиваться в лесные дали, с надеждой всматриваться в кусты и верхушки деревьев. Без снегирей с наступлением прохладного времени природа делается ещё более грустной и одинокой. Уже довольно много птиц отбыло в тёплые края. Природа начинает нуждаться в новых голосах: они служат её фоном, неизменной музыкой её разноцветного терема, который с холодами начинает терять богатство прежних красок.

И голоса прилетают... Это происходит всегда неожиданно. Во второй половине октября, когда идёшь по лесной тропе или берегом реки, неожиданно слышишь знакомое «жю-жю-жю». От радости замираешь на месте и начинаешь всматриваться в бинокль. Несколько небольших птичек срываются с ближайшего дерева и исчезают недалеко в зарослях. Вот и прилетели... Здравствуйте, красавицы! Именно красавицы, потому что первыми прилетают самки. Красногрудые самцы появляются позднее приблизительно на неделю. Стайки немного важных, неторопливых птиц будут радовать нас всю зиму. В апреле же снегири снова улетят на север, к местам гнездования. Там, среди тайги, устроив гнездо где-нибудь среди еловых лап, они будут высидывать и выкармливать птенцов, чтобы потом снова прибыть с ними на зимовку.

Снегиря часто изображают сидящим на ветке рябины в окружении ягод, присыпанных снегом или инеем. Что и говорить, картина получается просто восхитительной, по-настоящему зимней. Алые ягоды, алая грудка птицы, белый иней и синее небо... Однако в наших краях увидеть такое практически невозможно. Дело в том, что рябина в основном встречается в городах или небольших посёлках, в парках и скверах или просто во дворах – там, куда снегири навдываются редко. Да и на её ягоды чаще находятся другие весьма прожорливые едоки: свиристели и дрозды-рябинники, способные очистить дерево буквально за один день.

Излюбленный же корм снегирей – семена-летучки клёнов: остролистного, татарского и завезённого американского. Интересно наблюдать за степенной кормёжкой пернатых: птицы сидят на грозди летучек, методично выбирая семечко за семечком. С каждой летучки снегирь сначала скусывает крыло, а потом уже своим мощным клювом разгрызает семя. Под таким деревом можно найти много остатков семян, погрызенных птицами. Но и от рябины снегирь не откажется. Правда, в отличие от свиристелей, поедающих ягоды целиком, снегирь ест только семечко внутри ягоды, а сочную мякоть бросает на снег без всякого сожаления.

Каждый год с наступлением зимы я стараюсь выбираться за город, специально ища встречи со снегирями. Теперь уже не только для того, чтобы уви-

деть, а чтобы сфотографировать их. Это оказалось очень непросто: снегирь снова подтвердил свою схожесть со строгим, холодным характером зимы, требующим терпения, везения и упорства во время достижения своей цели.

Фотографирование птиц – интересное и увлекательное занятие. Не случайно про него написано немало книг, и тысячи фотографов по всему миру ежедневно выкладывают в сеть всё новые и новые снимки. Здесь, наверное, не стоит излишне заострять внимание, стоит лишь сказать, что очень многое зависит от полевой удачи, капризной и непредсказуемой особы. Ведь птица – не фотомодель, ей не скажешь: «Сядь, пожалуйста, боком, голову подними и поверни, чтобы глаза видно было». Кстати, последнее снегиря касается напрямую: его чёрные глаза маскируются такой же чёрной шапочкой. И если глаз не оказался подсвечен лучами солнца, то кадр что-то потеряет.

Многое зависит и от характера птицы. Есть среди них и те, кто спокойно воспринимает человека с камерой. Снегири, по крайней мере те, что долетают до Саратовской области, не из таких. Издали и в бинокль их можно разглядеть. Но стоит попытаться приблизиться, как птица моментально реагирует. И снова проявляется зимнее спокойствие снегиря: он не удирает в панике сломя голову. Наоборот, неторопливо, но в то же время аккуратно и быстро птица перемещается на другую сторону куста или дерева. Её за этим укрываем, может, и видно, но вот сфотографировать – увы, никак. Как говорится, видит око, да зуб неймёт.

Долго не давался мне снегирь. Да и сейчас во время выходов на природу не больно-то норовит он посидеть перед объективом фотоаппарат. И лишь один раз улыбнулась мне с ним настоящая удача.

Это было двадцать второго ноября. Я шёл по берегу неширокой, но быстрой речки Чардым. День выдался крайне необычный для поздней осени: ясный, морозный и, самое главное, тихий. В наших степных краях шум ветра так привычен каждому из нас, что, когда наступает штиль, мы, не веря самим себе, снова и снова вслушиваемся в наступившую тишину, задаёмся вопросами, всё ли в порядке в природе и с нами. Порой не успеваем и насладиться этими редкими мгновениями – пока привыкнем, снова начинается ветер.

Но в тот день ветер взял себе выходной. Тишину нарушали только лёгкий шорох плывущих по реке первых льдин, редкие свисты чижей, кормившихся в прибрежных деревьях ольхи, и скрип неглубокого снега, выпавшего на днях, но уже успевшего подтаять и смёрзнуться. Невысокое ноябрьское солнце отражалось в потемневшей от холодов воде, готовящейся укрыться ледяным панцирем, серебрило колоски злаков, покрытые редкими крупинками инея.

Снегирей я услышал издали – в такой тишине любой звук разносится очень далеко. Птичья перекличка стремительно приближалась, и я увидел, как стайка из десяти-пятнадцати птиц опустилась в посадки из клёна американского, метрах в пятидесяти от меня. Рука сама опустилась на чехол с фотоаппаратом – расстояние было небольшим, да и солнце находилось за спиной, подсвечивая и деревья, и птиц. «Попробуем...» – решил я и начал подкрадываться.

Подойти к птице в момент фотосъёмки не всегда просто. Нужно двигаться не напрямик, а зигзагами, чтобы создавать ощущение, будто ты идёшь куда-то по своим делам. В ряде случаев это срабатывает, но в этот раз не получилось. Не успел я осторожно пройти и десяти метров, как снегири перепорхнули на другую сторону лесополосы и стали кормиться там. Были

слышны их тихие свисты, но сами птицы оставались почти незаметны среди ветвей.

Повторяю попытку, обойдя посадки с другой стороны. И снова при сближении птицы вернулись на прежнюю сторону, своим спокойствием словно показывая, что мне с ними не тягаться. Так повторилось несколько раз, пока я не решил остановиться и поменять тактику.

Получается, что птицы чётко реагируют на силуэт человека? Видимо, да, потому что сразу принимают меры предосторожности – не доверяют. И вряд ли будут доверять. Но человек стоит посреди поля как одинокое дерево – виден со всех сторон. Какая же тут маскировка? Хоть под ветвями иди.

А почему нет?.. Раз птицы хотят, чтобы между мной и ними были ветки в качестве преграды, так пусть они и будут. Пойдём сквозь лесополосу. Конечно, в кадре – ветки, но зато будет подходящее для съёмки расстояние. Эх, была не была, пробую! Захожу в посадки, вслушиваясь в морозную тишину. Снегирей пока не вижу, но их голоса слышны. Сближаюсь шаг за шагом, обводя взглядом деревья. Есть! Самец снегиря сидит на грозди лещин. Подсвечен идеально, но ещё далеко от меня. Надо сближаться ещё... А если улетит? На что они реагируют? Может, на рост? Опускаюсь на колени и буквально ползу, выискивая подходящее для съёмки пространство.

А ведь получается! Самец не улетает и не перелетает, хотя уже находится в метрах восьми от меня. Чуть мешают ветки, но, главное, они не закрывают птицу. Включаю фотоаппарат. Приближение на максимум, фокусировка резкости. От волнения немного дрожат руки – вот это лишнее, потом может быть размытость в кадре. Спокойнее... Вдох, выдох, съёмка. Кадр, ещё кадр, ещё. Снегирь не улетает, а спокойно очищает лещинку за лещинкой. Фотографирую, пока есть возможность – дома разберёмся, какой кадр лучше. Теперь перевожу объектив на серую самку. Она чуть дальше, но лучше открыта. Наводка – кадр. Получилось!

Но всё же птицы осторожны. Дав себя пофотографировать, снегيري перелетели чуть дальше по лесополосе и скрылись. Я не пошёл за ними – нужно было возвращаться на трассу, чтобы успеть на пригородный автобус. Да и не хотелось: полевую удачу не стоит слишком испытывать. Сегодня кадры, без сомнения, получились. И такие, о которых давно мечтал: с долгожданным снегирём. Здесь удачи и не должно быть много: эта птица строга, как и все зимние месяцы. Но без снегиря это время года, несомненно, было бы ещё тусклее и грустнее, так же, как и без снега, морозов, льда на реке – неотъемлемых, но очень значимых для нашего сердца атрибутов зимы.

«Я – ЗА ТЕАТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ, ЧЕСТНЫЙ И ТАЛАНТЛИВЫЙ»

Интервью с Юрием НАМЕСТНИКОВЫМ,
главным художником Саратовского академического
театра драмы им. И. А. Слонова

Наша беседа с главным художником Саратовского академического театра драмы им. И. А. Слонова Юрием Наместниковым состоялась 27 марта, в День театра. Юрий Михайлович смог позволить себе небольшую передышку между подготовкой нескольких спектаклей и собственной персональной выставки.

Анна МОРКОВИНА

Юрий Наместников

А. М. Юрий, о художниках бытует много поговорок. Например, «художник должен всегда быть голодным», что, наверное, несправедливо. А у вас есть творческое кредо?

Ю. Н. Наверное, справедливо... Не знаю, как насчёт «голодный», но он точно не должен быть сытым. Если художник сыт и спокоен, творчеством и не пахнет. Как мне кажется, художник должен всегда бежать – и вот я бегу, и бегу уже пятьдесят лет с лишним. Всё время пытаешься подниматься по каким-то ступенькам, добиваться чего-то, чего ещё не добился, делать то, чего ещё пока не делал. Иногда это бег по кругу. Мы все – люди достаточно несвободные. Нет, конечно, есть свободные художники, которые сидят дома и делают то, что хотят, и не очень понимают, как и когда это будет востребовано.

А. М. *Вы пишете картины, занимаетесь живописью. Сейчас в фойе театра драмы готовится ваша персональная выставка. Что значит живопись для вас и как она сочетается с работой в театре?*

Ю. Н. Живопись – для души, я не пишу на продажу. Здесь я абсолютно свободен, тогда как в качестве театрального художника моя деятельность зависит от решения режиссёра.

Я нахожусь в достаточно стабильном положении. В этом театре я уже около двадцати лет, и почти всё это время – в должности главного художника. А быть художником и главным художником – две вещи противоположные. У театра есть свои планы, и ты уже не всегда выбираешь, что будет твоей следующей работой, как ты к тому или иному проекту относишься. Но надо полюбить это, включиться в работу...

За плечами – сотни спектаклей, и они все, конечно, не могут быть любимыми. Отдельные работы мне очень дороги, а какие-то прошли и даже не остались в памяти театра.

За последнее десятилетие театр драмы приютил огромное количество выпускников, а значит, создано множество дипломных спектаклей; они идут обычно год-полтора. И всё – студенты разъезжаются, разлетаются. В Саратове любят такие молодёжные спектакли, любители успевают их посмотреть. Всё это, слава Богу, пока продолжается. Вот сейчас Григорий Анисимович Ардаков репетирует со своими студентами на Малой сцене.

А. М. *Что это за спектакль?*

Ю. Н. «С любимыми не расставайтесь» Александра Володина – абсолютная классика, пусть прошлого века, но ведь хорошие произведения искусства не имеют времени. Когда к постановке принимают, скажем, Шекспира, поставленного на мировой сцене бесчисленное количество раз, режиссёр не всегда может сразу определиться, в сегодняшний день эту пьесу запустить или в завтрашний... С классикой XX века немного проще. Володина нет смысла переносить в XXI век; то, что происходит в его пьесе, имеет тонкую ностальгическую нотку. Мы постарались минимальным количеством «правильной» мебели, минимальным количеством реквизита и костюмами попасть во вторую половину семидесятых годов. Ребята в постановке заняты интересные, и думается, что зрителей разных поколений этот спектакль заинтересует.

А. М. *Юрий, а с чего ваше увлечение изобразительным искусством начиналось? Я слышала, что ваш дедушка был известным в Саратове художником. Это он повлиял на вас?*

Ю. Н. Дедушка ушёл из жизни, когда мне было всего пять лет. А ведь это возраст, когда что-то вокруг начинаешь воспринимать осознанно. Он не занимался мною как внуком, а всё время сидел за своим рабочим столом и занимался своими делами. Но один его урок врезался мне в память. В то время я любил великолепный журнал «Мурзилка», на обложках которого была масса персонажей из мультфильмов: Крокодил Гена, Волк из «Ну, погоди!» и всё остальное. В пять лет я, будучи от рождения рисующим ребёнком, срисовал этих персонажей так, мне казалось, безумно хорошо и пошёл хвастаться дедушке. Но дедушка на моих глазах порвал всё это на мелкие кусочки и сказал: «Никогда в жизни больше ничего не срисовывай!». Вот такой урок от деда-художника!

Художественное образование получил и мой папа, но он пошёл в инженеры. Я с раннего детства любил рисовать, мне это было интересно, а моим родителям не приходилось думать, чем бы меня занять. Жили мы тогда на СХИ, в сторону аэропорта, рядом с заводом, где работали мои родители. Конечно, много времени занимало гулянье во дворе: были компании,

команды, штабы на чердаках наших сталинских домов... Но были ещё, как ни странно, и дворовые спектакли. Причём не было никаких взрослых, которые бы нам помогали. Сами ставили спектакли, вешали какие-то занавески...

Художественную школу я окончил довольно рано – за год до поступления в Боголюбовское училище. Поэтому пришлось, чтобы не бездельничать, позаниматься в школе ещё год.

Кстати, художественная школа в Саратове испокон веков была очень хорошей. Не только городская школа на площади Революции, или Театральной (этой школы уже нет), но и в целом – та, которая возникла на базе реализма, академическая. Учился я с интересом, возможно, звёзд с неба не хватал, но был близок к отличникам.

Как и многие мои однокурсники, я понимал, что стану художником, но совершенно не представлял, что с этим делать. Время тогда было советское, и следующим шагом должно было стать распределение на три-пять лет на какой-нибудь завод, чтобы писать огромные лозунги и транспаранты и рисовать тройные портреты вождей. Никто этого, естественно, не хотел.

На дворе стоял уже 1986 год, всё стабильное заканчивалось. Я сразу ушёл в «моду». Меня интересовал костюм, и не только театральный – вообще его развитие. В 80-е гонения на моду уже не были так сильны. Вячеслав Зайцев со своим театром приезжал в Саратов, устраивал интересные шоу.

Я с детства умел шить, многое делать своими руками.

А. М. *Откуда взялось это увлечение? Хотя не буду спорить, что самые знаменитые кутюрье в мире – это мужчины.*

Ю. Н. В школьные годы было сильное желание видоизменять школьную форму, придавать другой покрой брюкам и так далее. Лет с двенадцати, с того времени школьных спектаклей, я познакомился со своей будущей женой и шил ей платья, сарафанчики. *(Юрий и Елена Наместниковы – одна из самых прочных творческих пар города Саратова, у них двое детей и несколько внуков, причём супруги работают каждый на своей «территории» в театральном мире: Елена Викторовна, недавно получившая звание заслуженного работника культуры, преподаёт в детской театральной студии «Солнечный круг» – А. М.).* Мама не давала мне свою швейную машинку, и, что такое мода «от кутюр», я узнал тоже с раннего детства: это ручная работа, что ценилось во все века.

Так что всё передо мной открывалось широко. Я не мог себе представить, что впереди – классическая жизнь художника: сидеть за мольбертом и писать картины. Мы представляли себе тогда, что «писать картины» – это соцреализм. А к тому моменту уже столько доярок и сталелитейщиков было нарисовано! Остальное было странновато... Появлялись первые проблески интереса к церкви, но это выглядело так: ну вот, купола нарисовал – значит, секретный враг народа. Впрочем, я был тогда ещё очень молод, и мне от себя ещё нечего было сказать.

Сейчас я мечтаю о свободном времени, чтобы сесть за холст. Это мой совершенно закрытый мир, мои темы и образы. Я с удовольствием его перед всеми открываю. А моя работа в театре очень публичная, «многолюдная». Чтобы поработать, мне нужно уединение. Вот скоро открывается выставка, и я заставляю себя работать в день хотя бы по 15 минут. На самом деле 15 минут ты только раскладываешь краски, приводишь в порядок мольберт.

На сегодня у меня в работе несколько спектаклей в трёх городах, на разной стадии готовности. И это ежедневная связь с цехами в каждом проекте, но слава Богу цивилизация дошла до того, что мы можем общаться в разных социальных сетях – делать примерки костюмов, выбирать цвет

и так далее. Так вот, пока я не скину хотя бы половину дел, ни о каких холстах не может быть и речи. Ведь работа в театре – это большая ответственность.

А.М. С какими театрами сейчас вы сотрудничаете?

Ю.Н. Через неделю я уеду в Красноярск, наша совместная деятельность началась с Красноярским музыкальным театром ещё до карантина. Мы к лету 2021 года заканчиваем работу над мюзиклом «Великий Гэтсби». Параллельно мы связаны с Саратовским областным театром оперетты, который, как известно, находится в Энгельсе. Туда добраться не всегда легче, чем до Сибири. Ну, а в Саратове, в театре драмы – сразу три спектакля... Я объездил практически всю Сибирь и Урал по приглашениям, и даже неоднократно: Челябинск, Тюмень, Барнаул и многие другие... Помимо них – Краснодар, Псков и даже Одесса, где я успел поработать до всех надвигающихся безобразий, – этим городом я, конечно, был очарован... Слава Богу, пока зовут.

А.М. Чем порадуете саратовских зрителей?

Ю.Н. На Малой сцене театра драмы состоится премьера спектакля «Мы живём в чудесное время, Оля!» по пьесе Юлии Вороновой. Пьеса понравилась всем на лаборатории, и её решено было поставить (режиссёр приезжий – Алексей Размахов). Ещё один спектакль выйдет на Большой сцене нашего театра...

А.М. Как же вы успеваете всё это совмещать?

Ю.Н. Главное – не терять контроль за процессом. Всё это – современные ритмы. А в двадцатом веке, при Александре Ивановиче Дзекуне, спектакли делались годами. Он мог, например, выставить декорации, сказать: нет, всё это распиливаем, выкидываем и делаем по-другому. Раньше это могли себе позволить финансово, но я не пытаюсь делать выводы – хорошо это или плохо. А сейчас мы не можем позволить себе ошибаться. К тому же нам твердят, что основная задача театра – привлечение зрителей. Значит, мы должны поставить как можно больше премьер, при этом не теряя качества. Но в целом-то так было всегда. Поэтому в театре нужны энергичные люди – и руководители.

Учитывая моё критическое отношение к собственным работам, скажу: мне нравятся единицы из тех спектаклей, что я сделал за всю свою жизнь. Нет предела совершенству... Часто бывает, что что-то не успели, что-то недоучли...

А.М. Но разве это от одного художника зависит?

Ю.Н. Нет, конечно, над спектаклями работает огромное количество людей. Кстати, я много езжу по стране и знаю: Саратовский театр драмы может себе позволить огромное количество людей.

А.М. Вы работали со многими режиссёрами. Расскажите, пожалуйста, о самом запоминающемся сотрудничестве.

Ю.Н. В последние годы к нам приезжает много творческой молодёжи – талантливые, подающие надежды режиссёры. Не буду перечислять их, чтобы кого-то ненароком не забыть и не обидеть. Бывает так, что приезжает молодой режиссёр, и мне есть чему у него поучиться, а иногда приезжает молодой, ему что-то сегодня кажется интересным, а я это уже прошёл давным-давно... Тогда мне надо просто не мешать ему «выплёскиваться».

Не могу не сказать о начале своей работы в театре драмы. Григорий Анисимович Аретаков позвал меня сюда в 2003 году. В театре я познакомился с Антоном Кузнецовым: надо было начинать уникальный двухднев-

ный спектакль «Три мушкетёра». Я даже начал работать над костюмами на своём прежнем месте работы... Но спектакля не случилось – менялась спонсорская и вообще театральная политика.

Тем не менее с Антоном мы сумели сделать несколько спектаклей здесь и несколько спектаклей во Франции. Антон Валерьевич уделял большое внимание студентам (это был единственный режиссёрский курс, учившийся не четыре года, как обычно, а пять). Поэтому в те годы было много постановок и много путешествий: саратовцев Кузнецов возил во Францию, а в Саратов привозил французов-профессионалов – хореографов, режиссёров. Для меня Антон, несмотря на то, что мы были ровесниками и друзьями, один из учителей, потому что он сумел меня театром заинтересовать. До этого был период 1990-х годов, я работал в Москве, но интерес к театру тогда угас – даже работы «Ленкома» и «Современника» тех лет не вдохновляли. Антон – тот режиссёр, который меня в театр вернул. Дальше были и другие режиссёры, с которыми я делал спектакли с большой любовью и интересом. Также мне нравится работать с Мариной Глуховской, режиссёром из Москвы.

А.М. Я отмечаю для себя постановки Марины Глуховской – «Преступление и наказание», «Гамлет». После этих спектаклей мне всё становится понятно: а, вот же это о чём! Она очень хорошо адаптирует классику для широкой публики.

Ю.Н. У нас было много спектаклей в её постановке – и «Кабала святош», и «Живой труп»... Три года я практически не вылезал из Челябинского драмтеатра – она была там главным режиссёром, и мы вместе сделали несколько хороших спектаклей. Теперь есть постановки и в Барнауле...

Я ставлю рядом этих двух режиссёров, потому что мне ежедневно есть чему у них учиться. Они настолько подготовлены к тому, что они планируют делать. У меня такое ощущение, что я пошёл в академию или на курсы повышения квалификации. Тебе нельзя быть ниже них – надо быть равным, а значит – столько всего узнать!.. Приходится постигать заново историю культуры, историю цивилизации – на новом уровне. Это как перечитывать классику всю жизнь. Когда начинаешь учиться заново – это, как правило, и даёт результаты.

Нам всё время говорят, что народ устал, идёт в театр, чтобы отдохнуть. Но я всё-таки – за театр интеллектуальный, за театр честный и талантливый. Я ничего не могу поделать – народ действительно устал и будет ходить на Стаса Михайлова и на Ваенгу, и на комедии, которые привозит антреприза и которые не всегда бывают качественными. А вот на Достоевского пойдёт не каждый... Народ пугает не наш спектакль, а фамилии Чехов и Достоевский. Но мы – академический театр и стараемся эту марку держать.

Есть и другая сторона медали – поиски современной драматургии. Любители классики очень разочаровываются и пишут гневные письма: до чего же вы скатились!.. Но всем не угодить, а мы и не пытаемся это делать, мы честно работаем, чтобы самим не было стыдно. Но те, кто приходит к нам на классику – а это и молодёжь, и старики, – понимают, что в Достоевском нет ничего страшного и скучного, а всё то, что сегодняшних людей трогает. Не секрет, что все знаменитые сюжеты сегодня исковерканы в угоду тем, кто не может и не хочет думать. Я с большим уважением отношусь к зрителю, но театр никогда не идёт у него на поводу. Это очень большой труд – отстаивать свою позицию и не скатываться.

Сегодня трудно делать что-то новое, не осваивая новые технологии.

А.М. – *Экраны на сцене, честно говоря, уже утомляют...*

Ю.Н. – Считать большим прорывом появление трёх экранов на сцене не могу. Этим сегодня никого не удивить. Может быть, какой-то театр только приобрёл такой экран и радуется... Другое дело – когда это помогает раскрывать тему, когда это оправдано. Тем более с космическими технологиями в российском театре всегда было сложно, а значит, снова приходится выкручиваться.

Но чудо сцены всё равно существует, и я всегда удивляюсь этому сам. Я имею в виду некий визуальный обман, волшебство: когда фанера становится золотом, а дешёвая ткань – дорогой парчой. Причём настоящие золото и парча на сцене выглядят очень плохо.

Кстати, я считаю, что главным художником в театре является художник по свету. На сцене может не быть ни декораций, ни даже артистов, но если есть хороший художник по свету, появляется магия. Сейчас из театра ушёл человек, который много лет занимался освещением, и мы находимся в поисках хорошего специалиста. Это и искусство, и наука. Здесь-то и нужны новые технологии.

Саратовский театр драмы стоит в очереди на реконструкцию. Та, что была двадцать лет назад, изменила ситуацию для зрителей не в лучшую сторону. Ухудшилась акустика, поднялась сцена... А ведь люди для чего-то идут в театр, у них осталась такая потребность.

А.М. *Может быть, глупый вопрос: а искусство у нас сейчас элитарное или массовое?*

Ю.Н. Массовое, конечно, причём вульгарно навязанное. Средства массовой информации расскажут каждому, что такое хорошо и что такое плохо. Нет, разумеется, есть и авторское кино, и авторский театр. Такое искусство неинтересно с финансовой точки зрения. Наверное, я старею, рассуждая: вот раньше было совсем по-другому... Нет, это мы бежим, а время остаётся одинаковым. Так сказал кто-то из умных. Наверное, мы должны кого-то подтягивать на свой уровень, помочь зрителю стать выше.

Сейчас на центральных каналах, особенно по выходным, идут бесконечные юмористические сериалы. И при каждой несмешной шутке звучит записанный на плёнку смех. Раз люди смотрят такое – значит, им это надо. Я к таким людям ни с какими призывами не обращаюсь, потому что сказать им особенно нечего. Я обращаюсь к людям, которые, может быть, и устали, но им не расхотелось ни думать, ни чувствовать.

А.М. *Каким вы видите ближайшее будущее театра?*

Ю.Н. Мне кажется, время солидного театра с большим коллективом ушло. Наверное, надо собирать небольшие труппки и «катать» их на гастроли. Я оформил несколько спектаклей во Франции и что-то понял про другую театральную систему.

Маленький коллектив выпустил спектакль, съехались «покупатели» – и у тебя год расписан. Вся Франция – как наша Саратовская область, и можно выступать сегодня в одном городе, завтра – в другом, их несложно объехать. Везде – замечательные площадки, оборудованные самым необходимым. Сегодня в таком театре выступает труппа Кузнецова, завтра придет на встречу с ветеранами Пьер Ришар, послезавтра будут показывать какой-нибудь фильм. Так западный театр существует уже давно. Но нам терять свой русский театр тоже не хотелось бы.

Кстати, западные зрители тоже устали. И я никогда не забуду свой культурный шок: в одном из театров Франции после очень серьёзной постановки театра Антона Кузнецова на сцену выпустили каких-то весёлых барабанщи-

ков, чтобы люди всё-таки ушли домой в хорошем настроении! И начинаешь думать: а зачем мы вообще этим занимались?

Есть разные привычки, разная ментальность. И я знаю зрителей, которые после спектакля мне говорят о том, как они благодарны, что *это* вообще произошло. Уверен, что никто нельзя изменить, сделать лучше... Но разбудить что-то уснувшее можно.

Думаю, что в малых купеческих городках, каким является Саратов, авторские театры невозможны. В Москве и Питере каждый найдёт своего зрителя, если он чего-то стоит. У нас это сделать сложно.

А.М. *И тем не менее театр живёт!*

Ю.Н. У нас тысячный зал. Попробуй-ка набрать такой зал полностью пять раз в неделю! Я помню, как Александр Дзекун занавешивал половину зала тканью и сажал зрителей только впереди. Он не боялся уменьшить кассу. Понимал: пусть на четыреста человек, но он хорошо сработал. Но время тогда было другое.

А я должен в момент установки декораций добежать до балкона и понять, что видят люди с высоты птичьего полёта. Таких технических моментов в моей, казалось бы, творческой профессии очень много.

А.М. *Я хотела бы вернуться к живописи и спросить: выставки в фойе театра драмы, ставшие регулярными, – чья идея? Вы в них постоянно участвуете...*

Ю.Н. Да, участвую, но идея принадлежит заведующей нашим художественным цехом, великолепной художнице Ирине Драгункиной. Она человек активный и в последние годы собирает замечательные выставки. Когда они начинались, были сомнения: кому смотреть? Ведь днём мы не открыты, только вечером, а художники хотели бы, чтобы к ним ходили с утра до ночи... Но оказалось, сомнения напрасны: наш зал несколько раз в неделю собирает зрителей, и они смотрят выставку. Проход через фойе театра уж точно не меньше, чем через городские выставочные залы.

Начали придумывать какие-то объединяющие темы – например, «Весеннее настроение».

Желающих участвовать в выставках в театре драмы набирается сейчас до сотни. Но я никогда в сезонные темы не попадаю. У меня совсем другое в голове.

А.М. *А что будет на вашей персональной выставке? Кстати, это ведь не первая выставка ваших работ?*

Ю.Н. Нет, не первая. Пару лет назад была выставка в Думе. Я подготовил её с неким смешанным чувством... Участвовал в выставке в здании Биржи, ныне одном из корпусов Радищевского музея. Была одна или две выставки в здании, которое принадлежало Дому искусств. В общем-то я сам организацией таких выставок не занимаюсь, но поддаюсь на уговоры приличных людей. Сейчас на персональной выставке мне хотелось бы показать только новые работы, созданные в прошлом году.

Больше всего мне нравится работать, а не заниматься собственным промоушеном. Я не состою ни в каких творческих союзах. Давно, когда занимался модой, меня хотел принять в свой ряды Союз дизайнеров, но я даже не пошёл фотографироваться на членский билет.

Устраиваю выставки у себя дома и здесь, на работе, и, кажется, театру за меня не стыдно.

**Наталья
ЛЕВАНИНА**

«ГОРЯЩАЯ ГОЛОВНЯ, ЛЕТЯЩАЯ ПО ВЕТРУ»:

О ПОЭЗИИ ВИКТОРА ЛАПШИНА

Поэзия Виктора Михайловича Лапшина не обманывает – в ней есть то, к чему приучен читатель русских классических стихов и чего исподволь ждёт и от современной поэзии – слова о жизни, рождённого поэтическим откровением. Магия стиха соединяется у него с силой любомудрия и создаёт какое-то удивительно свежее, весеннее впечатление, но не в том смысле, что радостен и приподнят пафос его творчества, а в том, что талант, как и природа, всегда внове, всегда волнует.

В одном из лучших стихотворений Виктора Лапшина «Грачи, мой милый, прилетели» есть строки, которые обретают пророческий смысл, если отнести их к поэтической стезе Лапшина:

*Вот мира нового попытка;
не из любви – так от избытка,
но всё дано – и всё для нас!..
Да неужели ж возгордимся –
сокровищем распорядимся
так, как бывало столько раз...*

Не отрекается Лапшин от своих литературных корней – они ощутимы, как ощутим идеал, подвигающий его на творчество. «Корни» эти не теснят авторского естества, образуя с его словом и интонацией органичный и оригинальный союз. Какие только имена не вспоминаются критикой в связи с творчеством В. Лапшина! И. Бунин, Вяч. Иванов, В. Хлебников, А. Ремизов, Н. Клюев (В. Кожинов); Ф. Тютчев, Ап. Майков, Н. Щербина,

-
- Наталья Леванина (Наталья Юрьевна Тяпугина) – автор около двухсот художественных, научных и литературно-критических работ. Публиковалась в журналах «Москва», «Наш современник», «Октябрь», «Волга», «Дон», «Волга–XXI век», «Крещатик», «Литература в школе», «Женский мир» (США); альманахах «Саратов литературный», «Краснодар литературный», «Мирвори» (Израиль), «Эдита» (Германия), «Другой берег» и др. Лауреат литературного конкурса им. М.Н. Алексева, Международного конкурса литературоведческих, культурологических и киноведческих работ, посвящённого А.П. Чехову, и др.

В. Бенедиктов, Н. Некрасов, А. Блок, Н. Заболоцкий, Ю. Кузнецов (И. Роднянская).

Кто-то из критиков сочувственно видит в этом изобилии открытое приращение поэта к философско-исповедальному крылу русской лирики, кто-то подозревает в стихах Лапшина коллаж как основной творческий принцип. Я не хочу сейчас углубляться в полемику с И. Роднянской, которая в статье «Назад – к Орфею» («Новый мир», 1988, № 3) в исследовательском задоре выискивает в стихах Лапшина всё новых и новых «доноров». И, не боясь ошибиться в «диагнозе», констатирует факт «эксплуатации старых гармоний» и – что хуже всего – позволяет себе менторский тон в оценке его философских стихов, впрочем, оставляя за поэтом право живописать народные типы.

Что касается методики «построчного диагноза», то она давно и аргументированно аттестована теорией литературы как занятие пустое. Так, А. Бушмин ещё в далёком 1978 году в своей книге «Преимственность в развитии литературы» убедительно предостерег: «И только тот, кто мыслит себе традиционность и новаторство как два зримых и резко различных аспекта художника, даёт себя увлечь поисками аналогий, обозначенных или скрытых заимствований, цитат, реминисценций – то есть всего того, что лежит на поверхности произведений в виде механических образований, неосвоенных приобретений».

Традиции, питающие творчество Виктора Лапшина, *механическими образованиями* назвать трудно даже его оппонентам. А потому попытаемся уяснить, что стоит за его приверженностью XIX веку, русскому любомудрию, каковы внутренние причины «старомодности» его стиха? И здесь категории времени и места – важнейшие в системе жизненных и поэтических координат художника.

...Галич – российская глубинка, где родился и жил поэт. Этот старинный русский город благословен тем, что забыт. Где ещё так вольно, так вдосталь думается, как не у этого переходящего в облака волшебного озера? Где ещё не суетясь можно разобраться в душевной сумятице, как не на древнем Балчуге, с высоты которого виден не только вольно раскинувшийся городок, но и, кажется, все собственные ошибки и прозрения? Где ещё услышишь такую «вкусную», певучую, дивно переполненную *бабушкиными словечками* речь? Да и в самом названии города, так, кстати, до конца и не расшифрованном, заложены самые диковинные «ингредиенты»: *искры, полёт и удивление*. Одним словом, Галич – это и сегодня таинственная и озаряющая Россию *горячая головня, летящая по ветру!*

Да, есть высшая мудрость в постоянстве. И тот, кто постиг её, кто укротил в себе кочевника, кто овладел умением нести свой крест, не мельтеша и не суетясь, обретает самостоянье. Духовной опоры – вот чего часто не хватает нам *в суматохе идей и мнений*, и это беда. Но если её не хватает поэту – не спасают ни словесные кульбиты, ни новоявленная «стихопроза».

Эту самую *опору*, дефицитную по нынешним временам сущность, и обнаруживаешь в стихах Виктора Лапшина, уже за одно за это проникаясь к нему теплотой и благодарностью.

Стремление к духовной чистоте веками складывалось в народе как базовая потребность, и поэт не только уловил, но сохранил и выразил это:

*Ах, сколько фаз на поводу
Своекорыстного порыва
Я говорил, я мыслил криво
И льстил раскаяньем стыду!*

*Как часто подлости своей
Я поддавался, не желая
Зла никому, – и жизнь былая
Сгорала со стыда над ней!
Пускай весь мир поймёт, простит,
Но скрытый иль забвенный стыд
Угрюмо тлеет в человеке.
Незрим в сердечной глубине,
Кто осудил меня во мне
Навеки?..*

(«Стыд»)

«Кто осудил меня во мне / Навеки?..» Попробуйте ответить на этот вопрос, если душа ваша действительно взволновалась словом поэта.

Меня поэзия Виктора Лапшина трогает живыми токами, постоянно идущими от его слова, нравственным импульсом, естественным и мучительным одновременно. Он не изображал из себя поэта, именно так он и жил – открыто, уязвимо, трудно.

Его жизнь и творчество, бесконечно развиваясь, были постоянны в одном: неослабевающей силе нравственного напряжения. Чувство вины, стыда, боль поражённой совести как бы изначально присутствуют во всём, о чём пишет Лапшин, будь то ощущение белой ночи («Белая ночь») или описание весны («Грачи, мой милый, прилетели...»), картина летнего вечера («Вечер») или зарисовка грозы («Лесные голуби стонали...»)

Поэту свойственно серьёзное отношение к слову. Убеждение его героя – «Не олово слово – сдержу своё слово!» («Васька Буслаев») – это и авторская позиция.

Надёжность слова обеспечена жизненными принципами автора, которых он не только не скрывает, но и открыто кладёт в основу многих своих произведений («Василиса», «Мой друг! Мой брат! Такое дело...», «Сума»).

Лапшина отличает какая-то вековая память слова, он не боится употреблять «ветхие глаголы», почитая их «питомцами вещего огня»:

*...Что им иронии уколы –
Питомцам вещего огня!
Им нипочём забвенья память:
Как прежде, слово бередит,
Душа не помнит и не бдит –
Она сама дозор и память.*

(«Глаголы»)

Не боясь упрёков в стилизации и архаике, поэт уповает на благородство и «отзывность» русского стиха: «Пускай не станет слово чудом, но будет злом бытия» («Мой друг! Мой брат! Такое дело...»)

Но, пожалуй, главное в поэзии Виктора Лапшина – это его стремление «мысль разрешить», понять-таки:

*Что там – за мыслью дерзновенной,
Что в ней, что вне её? Она
Для жизни скудной и мгновенной
Щедра чрезмерно и вольна.*

(«Мысль»)

Поэтические предчувствия, размышления о тайнах бытия явлены в стихах Лапшина с бережным сохранением романтического ореола:

*Сдаётся мне: вовсе не сбудется
твое́ золотое пророчество...
Ведь чудо – когда оно чудится,
а чудится – когда хочется.*

*Душа же надеждой оставлена,
посула не нужно мне лестного:
когда нам чудесное явлено –
что в нём остаётся чудесного?..*

(«О чудесном»)

Меня трогает слово Лапшина, близка его доверительная интонация, над его стихом моя душа возрастает – так вольно и чисто ей в атмосфере его поэзии, до краёв наполненной родным Галичем, несуетным ритмом русской провинции, скромной красотой и заповедной свежестью её природы:

*...И за тайной без тайны спеша,
Прозревающе, властно и сирь –
Торжествует, томится душа
Нищетой – и величием мира.*

(«Сожаление»)

Образ мира для Виктора Лапшина – это во многом именно жизнь природы, навсегда сопряжённой с состоянием человеческого духа. И не то чтобы поэт просто одушевлял природу, рисуя её то в созерцательной статике («Зной»), то в полной внутреннего смысла динамике («Как зыбко всё! Мерцает даль...», «Предзимье») – природа для Лапшина – это некая чутко реагирующая на человека живая субстанция, издавна включённая поэтом в круг самых интимных нравственно-философских переживаний:

*...Шла туча, туча шла свинцово.
Но, может быть, но, может быть,
могло её остановить
любое ласковое слово?..*

(«Лесные голуби стонали...»)

*...Роце шептать – не вышептать, ключ не угомонить...
Только с душою чистою можно по ней бродить.*

(«В роце»)

Так кто же он, лирический герой Виктора Лапшина? Чего в нём больше – рефлексирующего философа, поставившего себе целью *мысль разрешить*, или *природного человека*, способного напиться из заповедной быстрины жизни и вдохновляться ею? Думается, что бессмысленно их разделять. Поэт един.

*У лукоморья древний бор –
Чернее тьмы, державней гор.*

*Туда лишь ветру досягнуть,
А солнцу там заказан путь.*

*И мирно катится река
Из облаков – и в облака.*

*На берегах её щедрот
Живёт любовь – живёт народ.*

*И брата брат не оскорбит,
И сам не ведает обид.*

*Ударь кого-нибудь, изволь –
И весь народ пронзает боль;*

*Ты не избежешь тумака
От своего же кулака...*

*Где тайный люд – не укажи:
Покоем братьев дорожи,*

*И ежели известен путь –
Навек забудь.*

(«Предание»)

Идиллия, скажете вы. Не в духе нашего времени. Но почему тогда лирический герой Лапшина чаще всего предстаёт перед нами с «суровым» ликом, а его дума о грядущем «грозна» и бесприютна – одним словом, почему авторское мироощущение столь серьёзно и драматично? («Незнакомка», «Вихрь».)

Сирый герой Лапшина чаще всего не ищет контактов с миром, более того, он стремится к уединению. Слаба и ненадёжна его связь с бытом, текучкой, сиюминутностью. Его родная почва – былина, миф, история. Его душа живёт не в малогабаритной клетушке, а в *преданьях старины глубокой*. Вот почему сколь мучительны, столь и желанны для героя Лапшина прощание, уход, одиночество. А молчаливая природа гораздо понятнее и соразмернее его душе, чем шумные сородичи, живущие рядом.

Почему? Ответ очевиден: а кто бы выбрал другое? Уж точно, не поэт. Творчество для Лапшина – не просто поиск гармонии, но и внутренняя эмиграция, уход от тяжёлых жизненных обстоятельств; не одоление их, не слитность с ними, а благородная, изысканная, но отстранённость от них. Всеобщность и космичность его медитаций – это своего рода убежище от мозаичности и непредсказуемости реальной жизни. При этом, конечно, повышается роль литературной традиции, которая хоть и несколько отгораживает от сырой и вульгарной жизни, зато позволяет усмотреть в ней (пусть теоретически!) знаки всеобщей культуры. А пока тонкая философичность, изящество формы и архаическая инструментовка лапшинского стиха не то чтобы не пропускают совсем, скорее – строго отфильтровывают реальные коллизии.

Конечно, литература по природе своей вторична, и художник всегда тщательно отбирает факты. Поэзия и вообще, как говаривал Белинский, «царство субъективности», где на первом плане личность, а отнюдь не «внеш-

няя реальность». Вот и Пастернак о том же: «С кем протекли его боренья? С самим собой, с самим собой».

Конечно, робость перед действительностью может обернуться излишней мастеровитостью и рассудочностью, которые вовсе не в природе поэзии. Не зря Николаю Рубцову, рецензировавшему стихи начинающего поэта, не хватило в них простоты и органичности. В этих робких стихах действительно ещё ощутима сковывающая поэта боязнь банальностей, которая, кстати говоря, и является мощным источником, их порождающим. Порой несколько шокируют его романтические излишества («Перекасти-поле»), а попытка преподать урок на фольклорном материале грешит прямолинейным дидактизмом, и потому убеждает не всегда и не вполне («Сума», «Василиса», «Васька Буслаев»).

Но, как говорится,

*Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто вовремя созрел,
Кто постепенно жизни холод
С летами вытерпеть умел...*

Шли годы... Лапшин много работал и учился у лучших. В итоге созрел в настоящего Мастера. Судите сами:

Фронтовик

*Давно не вспоминался мне ты...
Жил на весёлом матерке
И как обычные монеты
Носил медали в кошельке.*

*Без них ты из дому ни шагу,
И брякали в мороз и в зной
«За боевые...», «За отвагу»,
«За взятие...» – все до одной.*

*Хотя ты не сидел без дела,
Таскал как бешеный кули,
В кармане туго не хрустело,
К другим повадились рубли.*

*Другим ты был не очень нужен,
Глядели косо и в прищур:
«Бежал из плена, был контужен,
Хмельное любит чересчур...»*

*Детей не спрашивал ты: «Чьи вы?» –
Знал почему-то всё о нас.
Свистульки вырезал из ивы
И снежных баб лепил не раз.*

*Жизнь коротал ты одиноко,
Был даже нищенкам немил.
Твоё единственное око
Взирало ласково на мир.*

Виктору Михайловичу Лапшину удалось написать несколько стихотворений, без которых хрестоматийная антология русской поэзии XX века не будет полной. Он Поэт. Состоявшийся. Настоящий. И это главное.

В нетях

*Иссякло всё, изнемогло,
Истлеть, рассеяться готово:
Мы поздно вспомянули Слово,
Над нами властвует Число.
Нам нечем радостно владеть,
Блуждает ненависть по нетям.
И стыдно, больно нам глядеть
В глаза и пращурам, и детям.
В хмелю избудем стыд и боль,
Ни шагу к солнцу из шалмана!
О перекатная ты голь!
О век Великого Обмана!
Иссякло всё, изнемогло,
Истлеть, рассеяться готово,
И мы спешим принять Число
За искупительное Слово.*

И ещё одно. В заключение:

Тьма

*Нет ни сиянья, ни огней.
Во тьму гляжу я бесшабашно,
А тьма такая, что о ней
И говорить без света страшно.
По саду вихрь прошелестел,
Его дыханье не нарушу:
То грозный ангел прилетел
По чью-то душу, чью-то душу.*

По нашу душу...

**Василий
КИЛЯКОВ**

ЕЩЁ РАЗ ОБ ЭЛИТЕ

**Д. А. Мизгулин. «Ненастный день». «ГалаПресс». 211. – 152 с.
«Чужие сны»: книга новых стихов (2010–2012) –
СПб.: АПИ, 2014 – 80 с.**

В ноябре 2019 года на 10-м (юбилейном) Международном кинофоруме «Золотой витязь», в собрании достойных народных артистов, режиссёров, лучших писателей, поэтов России случай подарил мне книги Мизгулина. Юбилейный фестиваль был особенно ярок, плодотворен. Под эгидой православия и славянства, под знаменем и гербом России, под девизом «За нравственные идеалы. За возвышение души человека» проходили встречи, семинары, лекции и выступления. Клир и мир – поэты и писатели, актёры и режиссёры, священники и представители администрации – приветствовали друг друга как близкие, как давно знакомые. Удивление и радость, многие встречи, знакомства и открытия радовали. Так состоялось одно из главных событий – встреча с поэзией Дмитрия Александровича Мизгулина.

Случилось так, что по приезде все мы, участники торжественного открытия форума, собрались в Пятигорском кафедральном соборе. Форум открыли молебном. У аналоя со свечами молились священнослужители, иереи, митрополит – и по благословию Патриарха Кирилла открыли форум. Следом за ними в первых рядах: Н. Бурляев, В. Крупин, В. Орлов, Д. Мизгулин, А. Орлов. И тогда, ещё до начала соборной молитвы и перед всеобщим возжжением свечей, мне чрезвычайно интересен стал этот первый ряд. Кого-то я знал, кого-то нет. Дело мирское, обычное и понятное – этот интерес к первому ряду. «Первый ряд» – так именно и называли недавно лучших из писателей, поэтов. «Писатель первого ряда», «поэт первого ряда». И все знали, о ком, о каком составе идёт речь. Иногда первый ряд называли ещё «обоймой». Народ определял сам своих авторитетов. Думаю, даже уверен, что каж-

● Василий Васильевич Кияков родился в 1960 году в Кирове. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Публиковался в журналах «Новый мир», «Наш современник», «Юность», «Октябрь», «Литературная учёба», «Подъём», в газете «Литературная Россия». Член Союза писателей России. Живёт в городе Электросталь Московской области.

дый, кто жил тогда в СССР, в то мощное и весьма непростое время, поймёт, о чём и о ком, о каких писателях и поэтах вспоминается... Писатель – он был честью и совестью эпохи, а не абстрактная и «всемогущая» партия. Заставшие то время легко на память назовут эти имена, звучные, сильные. Не молодые тогда, они и теперь, шагнув в вечность, у нас на слуху и в памяти.

Прекрасный октябрьский солнечный день в Пятигорске, и Утренняя, и звон колоколов настраивали каждого на свой сольный голос. На ту пору знал я творчество Н. П. Бурляева, и В. Н. Крупина, знал именитого пушкиниста-литературоведа В. Орлова... А вот того, кто был с ними в первом ряду – статного, подтянутого человека, моложаво и легко проходившего от свечного ящика (конторки храма со свечами), раздававшего нам свечи на молебен, – не знал. «Это поэт Дмитрий Александрович Мизгулин», – сказали. И он так и остался в моей памяти, закрепился навсегда как поэт первого ряда, протянувший мне свечу на молебен. И то, как он раздал нам свечи, оказалось символично: он и в поэзии со свечой. Пишет, читает стихотворения свои – как свечи на молебен подаёт.

*В морозном сумраке белесом
Из дома выйду не спеша.
И в лес войду. И стану лесом,
И успокоится душа.*

*Смешными кажутся обиды,
Пустопорожними слова,
Быть может, и правы друиды,
Что наши предки – деревья?*

*Они всю жизнь свою упрямо
Ветвями – прямо в небеса,
А мы лишь изредка – у храма
Поднимем на небо глаза.*

*Я в лес войду. И стану лесом.
Замру, объятый тишиной.
В рассветном сумраке белесом
Восходит солнце надо мной.*

Мы обменялись книгами с автором этого стихотворения, дарственными подписями. Сборники стихотворений: «Ненастный день», «Чужие сны», а книги – более десяти (а недавно, в июне 2020-го, вышел сборник в одиннадцатом томе!) – поистине дорогого стоили. Как не радоваться и не изумлялся, перечитывая:

*...Житейской зимы холода
Пусть сердце твоё не остудят,
О Господе помни всегда,
И он о тебе не забудет!*

Читая Мизгулина, находишь попутчика, соратника. Того, для кого «поиски смыслов» и «форматы» не существуют. Смыслы и форматы, координаты и дистанции найдены и определены им давно и прочно. Он и сам – давно

и прочно сложившийся художник. Смысл для него – в традициях. Без которых и жизнь не жизнь в том истинном и подлинном её понимании. И традиции эти подтверждены его служением поэтическому слову.

Каков же теперь поэт первого ряда? Оказывается – единомышленник. Он тот, который наше трудное время, такое безжалостное, такое причудливое, такое двусмысленное, обозначил точно весьма: «ненастный день» (и даже поименовал сборник по одноимённому стихотворению). Именно «ненастный». Объяснять, почему, думаю, не стоит, понятно без объяснений. И именно день. Не год и не эпоха. И уж сколько таких дней нависало над Россией. Грозило бедой и поражением непоправимым. Но дни минули. И ненастья кончались. И синева светила над страной после ливней и гроз, после вьюг и снегопадов – ещё счастливей, очаровательней.

Вновь беру книгу в руки. Вот он, «Ненастный день». На развороте обложки – щемящая картина: набережная, морская даль с узкой полосой едва намеченного пирса, вода, водная гладь до горизонта. Автор, скрестив руки на груди, у гранитной глыбы, на набережной родного Мурманска или Санкт-Петербурга. Так велика страна, что и севернее, и восточнее порой всё те же рельефы. Морские бухты как бы дополняют одна другую, как лес на картинах Васнецова.

Но тут – мрамор, морская ширь. И ненастное небо. Небо уже пронизано солнцем. Яснеет мало-помалу издали, с горизонта. Хоть и неохотно пока ещё. С каким-то видимым, едва ощутимым напряжением. Светлеет. Крепнет надежда и на штиль, и на вёдро. С натугой розовеет и здоровеет этот небесный плёс, ободряет и читателя, и меня – товарища по писательскому цеху, взявшего в руки книгу. Ободряет надеждой. Как точно книга передаёт, даже и оформлением одним, и представляет саму суть и смысл. Надежда и свет. Уже свет. Хоть ещё и не согрели солнечные лучи, эти струи света серый мрамор. Робок, но уже надёжен рассвет.

Что-то пушкинское, что-то от «Медного всадника» тотчас чувствуешь. И – блоковские туманные дали одновременно. Его: «Ты помнишь, в бухте нашей сонной спала зелёная вода...». А вот Мизгулин, вернее, как это принято говорить у литературоведов, «лирический герой» Мизгулина, смотрит пристально. И видит. Видит нечто за бухтой, над ней, в вышине. Не «пылинку дальних стран». Но значительное, новое. Откроем сборник, прочитаем и поймём, что его волнует, что видит он. Словом, попробуем разгадать поэта.

Видит он нечто невидимое нам.

*Вострубят ангелы – пора,
И никуда уже не деться,
Как будто кто-то со двора
Тебя домой зовёт – как в детстве,*

*Как будто ветер прокричал
Перед последнею разлукой,
Но в прошлом всё – вокзал, причал
И счастье вперемишку с мукой.*

*И полетит душа легка
Туда, где обитают души,
За грозовые облака,
Вослед за лайнером воздушным.*

*Растает боль, исчезнет страх
И груз земного притяженья.
Ослепит солнце в небесах,
Но ты останови мгновенье.*

*И на секунду оглянись –
Быть может, это всё приснилось:
И это небо, эта высь,
Как бы нечаянная милость.*

*Земные дни во мгле верша,
О небе думает душа.*

«Помни последняя своя (последние дни. – В.К.) – и вовек не согрешишь», – говорили и повторяют нам, грешным, и сегодня старцы в храмах православных. Но каков тон стихотворения! И как же этот тон созвучен общему покаянному настроению сборника.

Над его головой ослепительное сияние. Он сосредоточен. На каких мыслях? На молитве? Эти строки-раздумья – как же они мне близки! И опять с болью та же мысль: как же мы, пишущие, разрознены. До обидного разобщены, раздроблены. Разъединены в своих попытках созидания. Не потребностью разрушения. Не сарказмом и насмешкой наполняет сердце такая поэзия, как в этих сборниках. Не к зависти или к мести призывают строки поэта – а к возведению храма души. Внутреннего храма. Восстановлению традиций.

Как узнаваемо-больно и как тревожно перечитывать строки Мизгулина. Скажут: «Время такое» – и будут правы. Но лишь отчасти. Сетовать на время, повторяю, бессмысленно. Даже наивно. Но вот это стихотворение – одно из тех, которые составляют крепкую живую костную ткань. И нерв сборника. Жила крепкая, русская, как говорили о сильных русских мужиках – «двужильные». Так и в поэзии. С мускулами, силой души, с той мгновенной духовной реакцией на каждый миг, на каждую прожитую автором секунду:

*... И груз земного притяженья...
Ослепит солнце в небесах,
Но ты останови мгновенье...*

Читаешь, читаешь да и остановишься, обомрешь порой от его мысли, от находки. И что же это за обстоятельства, которые создают и являют на свет Божий в наше время такие книги? Разобраться и в этом тоже необходимо. Надоели такие модные сегодня игры со стихами, со словом – игры как бы в кегельбан или в городки. Кинул, попал – и посыпалось... «Готики», «пирожки», «гарики» – односоставные, в одно предложение, даже и в одно слово. Часто за манерностью и жеманностью, «куртуазностью» – пустота. Простое нежелание работать и искать нужные, необходимые формы для развития смысла. На лотках разношерстные мини-книжки, «стихи-ру»...

Кого же нам сегодня читать, если так редки стали чистые и простые в своей мудрости книги, где набрать чистого воздуха для жизни души? Вернуться к Малларме, к Бодлеру? Или, быть может, к Михаилу Кузьмину? Они не нашего духа. Вряд ли они способны вылечить, взволновать или утешить. Желание быть или хотя бы выглядеть необычно в слове и в жизни – в сущ-

ности, весьма предсказуемое и обычное желание. Кто-то и в жизни кра-сит волосы в зелёный цвет. Или «тату» наносят цветные, и на лицо даже. Но это не выход. Заметят, да. Но, скорее, с издёвкой, с укоризной. Так же и в слове. Сказать необычное и новое в традиции и умение это сделать – вот что по-настоящему трудно и ново. Эксцентрика – дело нарциссов, самовлюблённых личностей. И так понятно, что времена, собственно, не поругаешь. И потому что бессмысленно и наивно ругать горы или море, тучи в непогоду или облака высокие, пропускающие свет едва-едва. Или гранитный причал, от которого хочешь не хочешь, а необходимо отчалить, отдать швартовы, поднять паруса... В мир надмирный. Изумляет другое: по словам святых, добра в мире этом более 90 процентов. Лишь 10 – зла. Но вот именно зло то организовано. Даже заорганизовано. Плотно, каменно. Не преодолеть каменных стен. Добро разрозненно, потеряно. И автор поясняет, почему это так. Вот как «типически» говорит поэт в одном из новых своих стихотворений. Он олицетворяет это зло мира в Варавве. Вот две завершающие строфы стихотворения «Выбор»:

*...Имеем ли на счастье право,
Верша свой путь в крошевной мгле,
Покуда шествует Варавва
По развороченной земле?*

*Покуда ты, печальный зритель,
Не осознал в который раз,
За что тебя простит Спаситель
И от чего тебя он спас.*

Уверен, что читателей и ценителей поэзии Мизгулина немало, несмотря ни на какие препоны и подтасовки рейтингов. Так родственен он по мировоззрению, по настроению, а главное – пожалуй, и многим в наши дни – родственен всё по той же главной, основной причине: укоренённости в традиции, в вере.

*...Устои рушатся и царства,
И ты, конечно, поспеши,
Прими молитву как лекарство
Для врачевания души.*

*И, переплыв сомнений реку,
На дальнем выйди берегу...
Как мало надо человеку,
Как много надо дураку...*

Дмитрий Александрович в книгах своих утверждает, что за нравственные идеалы необходимо бороться. Сам показывает пример этой борьбы – и победы. Он весь, Мизгулин, всё существо его – борьба с пошлостью, с равнодушием.

Вспомнилось, как в 90-х ненавидели, поносили гордое слово «патриот». И так уж затаскали это высокого значения, хоть и заёмное слово: так его запылили в те годы, превратили в мальчишескую дразнилку. (Едва ли не так же, а может, и безжалостней унижено и слово «любовь»). И вот, несколько не упрощая, говорю априори, доказательно, с голоса поэта первого ряда:

*Традиция. Вера. Устои.
 А нам говорили: пустое.
 А нас уверяли: прогресс...
 А ныне – усталые лица,
 В телевизионных глазницах
 Ликует полуденный бес.
 (...)
 Но всё же не кончена битва,
 Ведь где-то вершится молитва,
 А стало быть, Русь устоит,
 Покуда трепещет сердечко,
 Покуда мальчишка со свечкой
 У скорбной иконы стоит.*

Неоспоримых, первого ряда поэтов должны знать и молодые. Не только в силу необходимой культуры. Хорошая современная литература, поэзия – как прививки от чужестранных навеванных хворей. К тому же нужны полные основания для здоровой и справедливой гордости. Не горделивости, что есть грех, а – для гордости своей страной и прошлым её. Это то, о чём сказано у Пушкина: «Ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество».

Во многих и многих стихотворениях сборников находишь это удивительное его предвиденье. О стране, о будущем. (А это свойство крупного поэта.) Даже вот в таких, казалось бы, «мелочах»... Таких, как аллея, посаженная руками участников форума. Хотя какие могут быть мелочи в нашей жизни, всё имеет свой вес и значение. Особенно когда речь в стихотворении идёт ни много ни мало о главном: о последнем часе. Исповедальное слово.

...Вера (а именно верой православной пронизаны книги Д.А Мизгулина) не требует, а только напоминает о главном. О скромности, о смирении, покаянии. И это глубинное покаянное чувство не случайно – оно выстрадано. Кроме того, Дмитрий Мизгулин из рода священников. Наверное, не стоит напоминать, но напомню: священнослужители наряду с воинами, ратниками, именно они – воины Духа – всегда особенно были ценимы на Руси. Они не раз спасали, отмаливали страну. Многие из них совместили духовное звание с воинским. Только тот, кто из рода воинов, может, имеет полное право сказать так:

*Богатство, слава – всё тщета,
 Коль смерть всему итогом.
 Согреет душу простота,
 Дарованная Богом.*

И не только сказать так. Сказать – было бы мало. Делом доказывает автор *воплощённые в строках принципы* и десятилетиями отстаивает свои убеждения.

Когда читаешь сборник, поражаешься этой кажущейся «простоте». Простота, по словам классиков, она-то как раз – дело самое непростое. «Кто ясно мыслит, тот просто излагает». «Простота – ближайшая родственница ума и дарований», – сказал Ф. Глинка, тот самый Глинка, что воспет Пушкиным.

...Многие ли стремятся освежить, очистить душу, освятить её исповедью? Не формальной, а той исповедью, которую называют по-гречески «метанойя» – переменой сознания... Проникновенной. Таким образом, поэзия для

Мизгулина не цветастый хвост павлина, не изощрённые мистификации, но – «как огонь у алтаря».

Прославленные во святых предупреждали нас и от самости: видеть ангелов и чудеса творить – не самое главное в деле духовного созидания. Дороже того – «видеть грехи свои как песок морской»... Скромность не поддельная, показная, а выстраданная достаётся нелегко. Ох, как ждёт и ценит, как (всё ещё) верит народ такой скромности! И сегодня – подлинно чудо такой человек. О таком говорят: «он состоялся, и притом скромнен». А в чём же именно состояние состоявшегося? Ох, как много готов народ простить такому честному и совестливому человеку! И готов служить ему. Это тот редчайший случай, когда «люди ранга» (по И. Ильину) – Промыслом самим поставлены на своё место. Такие люди редки, не одиноки, но редки. Вот они-то и составляют подлинную элиту. О них говорят в народе: «не за страх, а за совесть», или: «не от мира сего». А о сути, о «внутреннем мире» – так (И. Ильин «Книга тихих созерцаний»): «По чтению можно узнавать и определять человека. Ибо каждый из нас есть то, что он читает; и каждый человек есть то, как он читает, и все мы становимся незаметно тем, что мы вычитываем из прочитанного, как бы букетом собранных нами в чтении цветов».

Как радуга на тёмном небе, как подарок, даже дар – радуга (символ завета и связи между Богом и человеком), так и книги Мизгулина. Они учат так поднимать взор к небесам, так высоко задирать голову, что – и шапка долой. Ещё точнее было бы сказать: «не надеющийся на спасение». Именно эту высокую радугу, такую «не-надежду» на себя, а надежду на Бога сердечно и в художественной и в поэтической форме отстаивает автор. Имеет право. При этом каждый из читателей совершенно уверен, что автор – как раз тот человек, который и готов протянуть руку, и поддержать под локоть ближнего. И это тоже читается по его книгам «на раз». И подтверждается делом. Его Дорогой Жизни. Он поддержал нравственно и материально многих авторов. Дал им пищу, надежду и укрытие в ненастный день.

*В тумане зыбком жизни край
И твердь последнего причала.
Не плачься и не унывай,
Что на земле досталось мало...*

Так говорит нам поэт. Он уверен в жизни вечной, обетованной. Он ободряет. Чтобы ободрять других, необходимо иметь силу самому. Прежде всего.

(Я только обозначаю грани, различные грани дара поэта. А уж проследить их полностью, наслаждаться игрой света на этих гранях – это оставлю для искущённого и неискущённого читателя. И это уже будет не «хайп» и не «лайк». Это – перемена смыслов.)

Вот пример исцеления, в чём-то даже прозрения:

*...В пустых глазах застыла мука,
Речей полночных глупый вздор.
Любви не помню. А разлука
Волнует сердце до сих пор.*

В четырёх строках – едва ли не вся жизнь. И сожаление о потере, и надежда на встречу...

И вот для того, чтобы узнать, познакомиться с такой поэзией, я обязан был победить в конкурсе Всеславянского (теперь он признан междуна-

родным) «Золотого витязя»... Да ради только этих книг стоило участвовать в конкурсе, побеждать и ехать-лететь в Пятигорск.

По завершении сборника «Чужие сны» я открыл аннотацию Л. Анненского. Говорить о поэте и поэзии после Л. Анненского трудновато. Но, думаю, что мне удалось показать, как применимо к поэзии Д. А. Мизгулина тютчевское: «В лунном сиянии слово живое, / Ходит, и дышит, и блещет оно...». И всё же главный мотив лирики всё тот же: Вечность, даль, и соотнесённость с этой далью и мировой звёздной вечностью души человека. Тот кантовский императив: «Звёздное небо надо мной, и нравственный закон во мне». Именно поэтому, повторяю, до поэзии и лирики Мизгулина, конечно, необходимо дозреть. Повидать и пострадать... «Припоздниться» невозможно. Цена его возрастает с годами, как цена выдержанного вина. Как не оценить такие краски, тот инструментарий, которыми «пользуется», а точнее сказать, которым живёт, органично движется его Слово!

Прошу заметить, как определяется мастер высокой пробы (стихотворение «Служили вещи человеку»): поэт не просто видит, слышит, чувствует «крестоношение», а оно как бы само находит его. «До конца, / До тихого креста / Пусть душа / Останется чиста!» – сказано незабываемо у Рубцова. И в четверостишье – мрак не смертельный, а именно – метельный. И за этим определением много чего стоит. Вьюга замечает человеческие следы, но поэзия остаётся. Живёт в веках. Наперекор всему. И как, повторяю, предметно точно дан этот последний миг... То, «ради чего всё», «...а так ли, верно ли оценил дар Божий человек, жизнь, ему подаренную Богом?» – и это, и всё остальное за скобками останется. Чувствуешь до мурашек... Хочется цитировать и повторять. Но вот беда – слово имеет цену именно в контексте целого, а весь сборник не перепишешь, как ни хотелось бы всё переписать и всё учесть: «И грянет мороз поутру...», или «Позёмка гонит со двора листву заснеженных прощаний...», или «Небесной силой наделён, смертельной жаждой жить. Народ молчит...». На антитезах можно построить смысл, как оказалось, державный. И получилось. Многие ли рискнули бы так сказать? Или о творчестве, осознании стихов поэтом:

*Светлеет мрак полных туч,
Недолго жить ночи:
Соединится солнца луч
С мерцанием свечи.*

Поэты, конечно, поймут мой восторг. Точнее и не определить. Это сложное состояние, именуемое высоким словом «вдохновенье».

...Едва ли не каждый критик считает себя человеком искушённым. Наилучшим. И действительно, для того чтобы критиковать и разбирать, необходимо иметь дарования завидные. Самоуверенность и смелость. Различать он должен уметь и тоны, и обертоны. И повороты настроений.

Дар поэта не в этом, не в знании и арифметике. Не в схоластике, не в начётничестве, даже не в алхимии «процесса». Иногда и чаще всего эти знания даже мешают, сковывают. «Профессор, снимите очки-велосипед...» – говорил им Маяковский. «Дар поэта – ласкать и корябать...» – утверждал Есенин, а сам себя называл он так: «Я... лишь божья дудка». Критерий сердечности и живого, неподдельного чувства для Мизгулина важнее всего.

Настоящий поэт – это редкость. Это штучный товар. Поэт – это состояние души. Сердца. И сердце его светит и жжёт, как та свеча на молебне перед иконой. Он должен уметь видеть «чужие сны». Даже чужие. Различать и внутренне переживать всё, а в особенности «ненастные дни». И главное для поэзии, чтобы сердце такого поэта не остыло. Чтобы не смогли остудить его ни наши неустройства, ни крамолы, ни дешёвая критика блогеров или всезнаек-профессоров. Никто не друг и не брат из советчиков. Верить можно только себе, собственному своему состоянию.

Вот одно из новых стихотворений, которые он, Мизгулин, прочёл при вручении ему «Золотого витязя» в Пятигорске.

СУВОРОВ

*Увы, уже не та столица,
Но он-то помнит те года:
Ведь с ним сама Императрица
Была почтительна всегда.
И дело вовсе не в наградах,
Он не желает, не привык
Во фрунт тянуться на парадах
И пудрить выцветший парик.
И на ветру торчать без толку
С каким-то долговязым пажем,
К груди прижавши треуголку
С пропахшим порохом плюмажем.
Ему ль, солдатскому герою,
В тицеславной суете сновать?
В мундире прусского покроя
Душе российской не бывать!
Пока течёт спокойно время,
Живёт в угаде кутежей
Бездарное, тупое племя
Корыстолюбцев и ханжей.
И мнится им, что в этой жизни
Они познали всё сполна.
Но им Россия – не Отчизна,
Для них не Родина она...
А в нашем мире беспокойном
Опять война, опять пальба,
И будет выбирать достойных
Не император, а судьба.
И станет жалок и бессилён
Дурак в чванливости своей,
И позовёт тогда Россия
Своих опальных сыновей!
И побледнеют в страхе лица,
И дрогнет в зеркалах заря,
И понесутся от столицы
Во весь опор фельдъегеря...
Ну а пока – пора иная.
Качает маленький возок.
Не спит, о чём-то вспоминая,*

*Продрогший до костей ездок,
Склонившись, задремал возница,
А кони продолжают бег...
Когда-нибудь да пригодится
России умный человек!*

Услышали мы это стихотворение от самого Дмитрия Александровича в Пятигорске при вручении ему «Золотого витязя», услышали и внутренне ахнули: да ведь это именно про наше время. И он, сам автор, быть может, сам того не сознавая, про себя самого написал. И прочёл. О себе. Понимает ли он это сам?

Он – и заслуженный экономист РФ, и почётный житель Ханты-Мансийска. Лауреат премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка (2004), лауреат премии Петрополь (2005), премии «Традиция» (2007), лауреат премии Б. Корнилова... Награждён орденом Дружбы... Президент Литературного фонда «Дорога жизни». И, конечно, имеет на все эти не вполне перечисленные здесь награды полное право.

Вспомним евангельское: «Кому много дано, с того много и спросится». И это так. Многие из тех, кому «даден» был дар, – не удержали, не смогли удержать этот дар. Признак того, что поэт устоял, – умение радоваться успеху ближнего. Это есть у Мизгулина.

Элитарно его сочувствие и помощь друзьям-подмастерьям по литературной мастерской, элитарна сердечная простота. Элитарен талант поэта, соратника и сотрапезника (по Платону) – соратника общей идее мира. Элитарно его желание помочь ближнему. В том числе и издать книгу едва знакомому человеку, если он увидел подлинный дар. Элитарно его острое чувство грани между достойным и пошлым, и тот внутренний порог, что возможно, а что не приемлемо ни при каких условиях. Его органичная черта: сторониться пошлого.

В сущности, что такое элита? Элитарный человек – это тот человек, с которым хочется немногословно, пусть и очень редко (чтобы не отвлекать лишний раз) откровенно поговорить по душам. Или просто помолчать. Прочесть друг другу хорошие стихи. Подсказать фильм, музыкальное произведение, которым был удивлён, которое обрадовало. За такого человека всегда вступишься и постарайся отстоять в любом конфликте. Потому что он – редчайшая редкость (да простит мне читатель тавтологию). Он – достояние своей страны (от слова «достоинство»). Вот, собственно, и весь секрет поэта Мизгулина... Что-то нами угадано, что-то разгадано и впрямь.

Остальное вы найдёте в его творчестве.

Вот один из не изданных пока ещё его стихов. Стихотворение называется «Выбор». Ни много ни мало. Выбор чего? («Вонмем», как нас учат каждый день на церковных службах):

*...Жаждут быть святыми лиходеи,
Ждут Иуды царского венца,
А Иосиф из Аримафеи
Выполнил работу до конца...*

*...Так и ты, не жалуясь, не мучась,
Заверши труды свои сполна,
Не переживай, такая участь
Нам с тобой Спасителем дана.*

*Помни, как по вечной Иудее,
Смертною тоскою опалён,
Шёл Иосиф из Аримафеи
К Понтию Пилату на поклон.*

(18. 02. 2020)

А зачем шёл на поклон богатый, уважаемый в Иудее человек к Понтию Пилату? Зачем тот, у которого всё было, кто ни в чём, собственно, не нуждался, зачем он рисковал жизнью и всем, что имел? Всем, за что боролся, что берёт для потомков: богатством, семьёй, узами брака, достоянием всей жизни своей – зачем? Казалось бы, живи да радуйся. Смотри на солнце, попивай драгоценное дорогое вино из золотого ковша.. А он шёл выкупить тело Христа у Пилата. За любые деньги. Свои деньги. Он шёл и рисковал. И – конец! К кому он шёл? К непредсказуемому наместнику, ставленнику Рима. Он шёл к тому, кто не скрывал презрения к этим подданным, которые даже и не его крови. Зачем он так рисковал, зная всё это? Никодим, тоже член синедриона, тайный ученик Христа, ждал Иосифа в потайном месте. Шёл Иосиф единственно для того, чтобы обвить пеленами тело Богочеловека. Выкупить место и предать достойно земле, среди всех презирающих и ненавидящих сделать своё назначенное дело. Несмотря ни на что, ни на какие препоны-угрозы. Сказано: «Ему назначили гроб со злодеями, но он погребён у богатого». (Ис. 53–9). И кто был в силах и вправе помешать ему? Кто же был в состоянии остановить Иосифа из Аримафеи? Вирус чумы? Кнуты и копья легионеров? Контуры величайшей грозы и ужас землетрясения? Никто и ничто. «Выполнил работу до конца» – как известно. Так и сказано поэтической строкой. Так было сказано пророчеством. Завет исполнила именно элита. Иосиф и Никодим.

Любовь МОСКОВЕНКО

О добром — честно

Эдуард Анашкин. Честная книга. — Тольятти, 2020

Держу в руках «Честную книгу» Эдуарда Анашкина и ловлю себя на мысли о притягательности обложки. Романтично смотрятся на ней и старинная ложечка, и письменный набор — чернильница с гусиным пером, и чай в стакане с подстаканником, и книги, а на дальнем плане в призрачном свете — крошка леса. Между ними горящая свеча, огонёк которой в круглой ауре напоминает полную луну...

Название заставляет задуматься: почему «честная»? Вроде понятно, о чём: документальная повесть о дружбе с писателем и литературоведческие очерки и статьи. Что хочет сказать автор, дав такое название?..

Книгу переворачиваю и вижу на обратной стороне обложки фото и краткую биографию автора. Сибиряк, родился в Читинской области в 1946-м, послевоенном году. Отмечаю его желание учиться. Это важное качество на пути самосовершенствования. Брался за любую работу. Начиная работу, стал учителем в школе, а затем заведующим отделом сельской районной газеты. Но в итоге затянула литературная стезя. Вступил в Союз писателей России. Жизненные испытания и полученный опыт легли в основу рассказов и повестей. Интерес к творчеству других вылился в литературоведческие очерки и статьи. Публиковался во многих газетах и журналах, выпустил несколько книг. И вот — новая, нынешнего года издания.

Вот так, в нескольких строчках изложена целая жизнь писателя. А что конкретно стоит за пройденными годами?

Отсчёт своего становления и многих одновременно с ним начинавших, а ныне известных писателей Эдуард Константинович ведёт с Читинского семинара, состоявшегося в 1965 году. Именно с того судьбоносного поворота молодые писатели стремительно и уверенно входили в литературу. Среди них был и Валентин Григорьевич Распутин.

Ненавязчиво, бережно и аккуратно Эдуард Константинович ведёт нить повествования от первой встречи с Распутиным до его

последних дней, рассказывая при этом и о судьбе других писателей — как известных до семинара, так и получивших надёжную поддержку и путёвку в жизнь тогда, более полувека назад. «Надо принимать во внимание то, что значат для молодого писателя подобный семинар и оценка маститых словотворцев. Это таинство обретения своей творческой самобытности, по сути, таинство рождения писателя», — пишет Эдуард Анашкин.

По воле судьбы начинающий прозаик навсегда переехал в Поволжье, но не переставал «пристально следить за творчеством писателей-сибиряков», встреченных в Чите: Валентина Распутина, Вячеслава Шугаева, Александра Вампилова, Геннадия Машкина... «Как читатель-читинец и как земляк-сибиряк радовался их творческим победам».

На памятном семинаре приглашённый в качестве гостя Эдуард Анашкин попросил Распутина подарить книгу. На что Валентин Григорьевич «как-то по-детски улыбнулся»: «Пока не могу. Вот выйдет книга — тогда и подарю с радостью...». Так состоялось моё знакомство с будущим классиком отечественной литературы», — вспоминает автор документальной повести.

И Распутин выполнил своё обещание, данное на центральной площади Читы — подарил Анашкину книгу, и не одну, с дарственными подписями. А к одной из книг, «Запрягу судьбу я в санки», написал предисловие под названием «На добро — добром». «Наши с Распутиным добрые отношения, собственно, имеют своим истоком ту нашу первую встречу в Чите уже более полувека назад», — считает Анашкин.

Все эти годы Эдуард Константинович вёл дневник, вписывая в него всё важное и интересное в литературном мире, связанное с Распутиным, собирал газетные и журнальные статьи, сберегая подаренные писателем книги, диктофонные записи разговоров. В 2013 году в Иркутске на Днях русской духовности и культуры «Сияние России» Валентин Григорьевич спросил Анашкина, почему он

интересуется его творчеством. Эдуард Константинович признался, что хочет написать о нём. В ответ Валентин Григорьевич тихо рассмеялся и пожал Анашкину руку со словами: «Благословляю тебя на это. У тебя получится. Главное, книга будет честная».

И вот книга вышла. В ней рассказано о дружбе двух писателей и ещё много о чём. Сбор материала сблизил автора с родственниками знаменитого писателя по его линии и линии жены, Светланы Ивановны. Их воспоминания, фотографии помогают узнать, каким был Валентин Григорьевич в кругу семьи, как относился к друзьям, коллегам по перу, о трагических событиях в его жизни. Всё это подтверждено фактами, вызывает доверие и глубокую благодарность автору «Честной книги» за сохранение памяти о великом писателе, нашем современнике, запечатлевшем историю и события, участником и свидетелем которых он был.

Вторая часть «Честной книги» посвящена прозаикам и поэтам, привнесшим в литературу своё видение мироустройства, отношений, чувств. Следует отметить, что у Эдуарда Константиновича особое чутьё на талантливых людей. Как-то по-особенному, искренне и душевно рассказывает автор «Честной книги» о их творчестве, жизненном пути. Это же отметил и прозаик Николай Иванов в автографе на своей книге «Тот, кто стреляет первым» (2017): «Моему собрату по творчеству – Эдуарду Анашкину, обладающему внутренним зрением и способному за строчками увидеть автора. С поклонением, Н. Иванов».

Ещё одна особенность – географическая широта охвата. Среди тех, кто привлёк внимание Анашкина-читателя, представители Поволжья, Западной и Восточной Сибири, Забайкалья. Есть и москвичи, но преобладают среди них выходцы из российской глубинки, не расставшиеся в творчестве со своими сельскими корнями.

Имена выстроены по алфавиту, и вот совпадение: первое слово обращено к Светлане Вьюгиной, детской писательнице. Тема детства очень близка Эдуарду Анашкину. Недаром название его очерка «В сторону доброты» перекликается с названием уже упомянутого предисловия Распутина к книге самого автора – «На добро – добром». Без доброго чувства писать о детях невозможно. И потому неслучайно Анашкин упоминает самый болевой эпизод из рассказа Вьюгиной «Папа не пил» («Волшебное словечко», 2019) – когда мама попытывается у маленькой дочки, вернувшейся из магазина с отцом, выпивал ли он с друзьями. Девочка очень любит своего отца и только что увидела его фронтových друзей, инвалидов, и потому встала перед выбором: «Сказать правду о папе значит фактически предать папу. А не сказать правду – значит обмануть маму. Ребён-

ку приходится делать выбор даже не между добром и злом... а между большим и меньшим злом», – пишет Анашкин. Понимая терзания девочки, так и не выдавшей отца, он принимает её сторону.

Очерк о прозаике Николае Иванове «Жизнь без наркоза» начинается со слов: «Есть писатели, чья биография захватывает читателя не меньше, чем произведения. Потому что их произведения есть не только предмет литературы, но и продолжение авторской судьбы». Эта мысль развивается и дальше, где автор говорит, что военная проза Иванова «помимо её художественных достоинств, ещё и документ эпохи. Ведь она существует в очень редком жанре – где за художественностью угадывается документальная конкретика». И эта конкретика пронзительна, как в новелле «Золотистый, золотой». Звучит и мнение самого писателя Иванова о том, как изображать войну. Будучи руководителем совещания молодых военных прозаиков, он доказывал: война – не только кровь и стрельба. «Правда войны – это и когда воробей прыгает по колючей проволоке. Когда по крыше землянки бежит ручей...».

Много внимания уделено Станиславу Куняеву – и по причине вполне понятной. Это одна из самых значимых фигур нашего времени – писатель и главный редактор журнала «Наш современник». Но Анашкин больше останавливается на его поэзии, считая, что «поэт Станислав Куняев порою незаслуженно попадает в тень публициста Станислава Куняева». Цитируя строфы разных лет, он убеждает: в книге избранного «Сквозь слёзы на глазах» стихи Куняева не потеряли свежести. Особенно – о трагической судьбе России. И даёт своё объяснение: «...Автора этих стихов... наверное, не может это не радовать. Но как гражданин и публицист он наверняка испытывает горечь. Раз стихи в защиту России не просто не устарели, но актуализировались, значит, Россия по-прежнему в беде. Раньше пугали: «Лишь бы не было войны». Сегодня пугают: «Лишь бы не вернулись лихие девяностые».

Чем дальше читаю, тем больше замечаю: очерки и статьи Эдуарда Анашкина написаны в свободной форме, переплетаются с воспоминаниями (не зря он иногда их называет эссе), и это говорит о личном отношении к тем, о ком он рассказывает. И оно, отношение, искреннее и душевное. Действительно, каждый ему знаком как человек, и человек хороший.

В небольшой, но ёмкой статье об известном русском писателе Владимире Крупине чуткий взгляд автора выхватывает такую деталь: Крупин из тех, кто может отказаться от литературной премии, если это противоречит его убеждениям. В творческой биографии поэта Николая Коновского отмечает,

что «такое явление, когда поэт ушёл в тень своих стихов, – редкость», в отличие от тех, кто любит «всюду говорить о себе».

За некоторыми названиями сразу угадывается содержание: «Через тайгу к человеку» (о Анатолии Кандаурове), «Верность маленькому человеку» (о Иване Никульшине), «О русской глубинке замолвила слово» (о Елене Чубенко). Проза этих писателей – о простых людях. Но автор книги ни простыми, ни маленькими их не считает: «Да и какой он, собственно, маленький – человек, являющийся плоть от плоти, кровь от крови народа?.. Его душа – огромная вселенная. И писатели, которые по природе своей... также плоть от плоти своего народа, от этой темы никуда уйти не могли».

Многие поэты, ставшие героями книги Эдуарда Анашкина, удивляют тем, что не расстались с такими же важными, как литература, занятиями, то есть не изменили прежней профессии. Делается понятно, почему строчки из цитированных стихов вызвали моё доверие: они подпитаны самой жизнью. Среди тех, кого имею в виду, – талантливый актёр и автор-исполнитель стихов-песен Михаил Ножкин; хирург-кардиолог Виктор Поляков, чьё имя присвоено Самарскому кардиологическому диспансеру; журналист, кандидат политических наук Александр Новопашин; служитель культуры протоиерей Сергей Гусельников.

Задержусь на имени последнего. В очерке «Отблеск любви изначальной...» удивилась, прочитав: «...Будучи умудрённым священнослужителем и достаточно известным поэтом, отец Сергей сохранил в себе ту детскую чистоту и ощущение своего изначального человеческого несовершенства, которые помогают ему сохранить исповедальность и покаянность в стихотворениях, не впадая в страсть обличительства и избыточной назидательности». И здесь же, ниже, строчка, которая подтвердила сказанное и обнадёжила: «...И я иду, и падаю в пути, / но мне легко терпеть любую муку. // Теперь я не один, теперь смогу дойти – / ведь рядом Тот, Кто подаёт мне руку!» (с. 236).

Вообще все подобранные цитаты не расходятся с оценками автора, и потому возни-

кает желание найти и прочитать книги тех, с чьим творчеством познакомилась впервые.

Но вернусь к землякам-сибирякам Эдуарда Анашкина. На Днях «Сияния России» в 2013 году Эдуард Константинович познакомился с иркутскими писателями. С той поры со многими перезванивается, интересуется, как идут литературные дела. В результате в журналах «Сибирь», «Наш современник», «Подъём», на сайтах интернета появились его статьи о прозаиках Александре Донских, Юрии Баранове, Александре Лаптеве, поэтах Владимире Скифе, Михаиле Трофимове и других.

Не обошёл Эдуард Константинович вниманием и недавно вышедшую книгу критики и публицистики Валентины Семёновой «Под небом родным и тревожным» (Вече, 2019) – статью «Тревога о родном» включил в свою «Честную книгу». Давая одобрительный отзыв очеркам как об известных всему миру Распутине и Вампилове, так и о других талантливых писателях Восточной Сибири – Альберте Гурулёве, Валерии Нефедьеве, Анатолии Горбунове, он говорит о том, как «органично вписана распутинская тема в тему сибирской литературы, не подминая её под себя, а высвечивая лучшее», и «всё, что написано, не плод досужих размышлений, но собственный опыт участия в событиях».

В статье о Сергее Котьяло «Без срока давности» писатель и критик-эссеист выразил одно из своих воззрений на творчество: «Писателем по-настоящему может быть лишь тот, кто любит литературу в себе, а не себя в литературе». Эти слова относятся не только к прозаику, которого он называет «большим тружеником литературы» и высоко оценивает его правдолюбие в военных очерках, они относятся и к самому Эдуарду Константиновичу. Он пишет о тех, кто придерживается того же. Кто несёт в сердце огромное сочувствие к судьбе своего народа, кто считает честное свидетельство о времени, событиях, людях главной задачей писателя.

Вот почему его книга получилась цельной, живой, будто наполненной теплом дружеской беседы. И читается она легко и с благодарностью.

Лидия
Богова

«МОЁ ДЕЛО – ИГРАТЬ»

Главы из книги об Олеге Павловиче Табакове

Журнальный вариант¹

*Есть и всегда были актёры,
для которых играть –
всегда в радость.
Я такой.*

*Может, благодаря этому я вообще живу.
Благодаря этому и этим.*

Олег ТАБАКОВ

**Часть первая.
Детство. Студия.**

ДАТЫ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ...

ОЛЕГ ПАВЛОВИЧ ТАБАКОВ

Родился 17 августа 1935 года в Саратове.

Конец 1941 года – уход отца на фронт, болезнь матери, переезд под Сталинград.

1945 год – возвращение в Саратов.

1949 год – поступил в театральную студию Саратовского Дворца пионеров. Руководитель студии – Наталия Иосифовна Сухостав. Табаков всю жизнь считал её своим первым театральным педагогом.

1953 год – зачислен на первый курс Школы-студии им. В. И. Немировича-Данченко при МХАТ СССР.

1956 год – кинодебют Олега Табакова в фильме Михаила Швейцера «Саша вступает в жизнь» по повести Владимира Тен-

¹ Данная публикация является сокращённым вариантом и анонсом будущей книги Л. А. Боговой о жизни и творчестве Олега Табакова.

дрякова «Тугой узел». Редкий факт, когда педагоги Школы-студии МХАТ разрешили студенту сниматься.

Весна 1956 года – встреча с Олегом Николаевичем Ефремовым. Первые репетиции под его руководством в «Студии молодых актёров», созданной из московской театральной молодёжи. Основное ядро студии составляли выпускники Школы-студии МХАТ. Среди них был и учащийся последнего курса Школы-студии Олег Табаков.

8 апреля 1957 года – дебют Олега Табакова в «Студии молодых актёров». Он сыграл крошечную роль Миши в спектакле по пьесе Виктора Розова «Вечно живые».

15 апреля 1957 года состоялась премьера самостоятельной работы «Вечно живые» с приглашением московской публики. Её показали на крошечной сцене учебного театра. Премьера имела огромный успех. Эта ночь и явилась Днём рождения знаменитого «Современника».

1957 год – первая награда. На фестивале «Московская театральная весна» за роль Пети в дипломном спектакле «Вишнёвый сад» Табаков награждён Почетной грамотой и часами «Победа».

Июнь 1957 года – получил диплом об окончании Школы-студии МХАТ, а **25 августа** этого же года Олег Табаков официально был принят в труппу «Студии молодых актёров» и сразу же вошёл в правление коллектива. Ему был **21 год**.

6 декабря 1957 года – премьера спектакля «В поисках радости» по пьесе Виктора Розова. Олег Табаков играет главную роль Олега Савина. Постановка О. Ефремова и В. Сергачёва.

1958 год – официальное объявление о создании Театра-студии «Современник». Основателями театра являются художественный руководитель Олег Ефремов, актёры Галина Волчек, Игорь Кваша, Лилия Толмачёва, Евгений Евстигнеев, Виктор Сергачёв, Олег Табаков. Первое театральное здание «Современника» находилось на площади Маяковского рядом с гостиницей «Пекин».

1964 год. Из-за своей большой нагрузки в возрасте **29 лет** перенёс инфаркт.

1967 год – Премия Московского комсомола за работы на сцене театра «Современник», первая Государственная премия СССР за роль Александра Фёдоровича Адуева в спектакле «Обыкновенная история» по роману И. А. Гончарова.

1968 год – приглашение в Прагу. На сцене театра «Чиногерны клуб» Олег Табаков сыграл любимую роль – Хлестакова в спектакле «Ревизор». Тридцатитрёхлетний артист был одним из первых советских актёров, игравших на родном языке за рубежом. Спектакль имел оглушительный успех.

25 декабря 1969 года вышло постановление о присвоении звания «Заслуженный артист РСФСР» Олегу Павловичу Табакову.

1970 год – после ухода О. Н. Ефремова стал директором театра «Современник». Табакову – **35 лет**. Он самый молодой директор театра в России.

1974 год – начал заниматься педагогической деятельностью, набрал учеников, мечтая, что они придут на смену в театр «Современник».

7 января 1977 года – получил звание «Народный артист России».

1983 год – Олег Табаков принял предложение О. Ефремова перейти в труппу МХАТ.

1985 год – О. Ефремов убеждает О. Табакова впервые набрать курс в Школе-студии МХАТ.

В 1986 году – в 50 лет принял должность ректора Школы-студии им. В.И. Немировича-Данченко МХАТ.

1986 год – подписан приказ Министерства культуры о создании трёх московских театров-студий, одним из которых стала знаменитая «Табакерка».

1 марта 1986 года состоялось официальное открытие Театра-студии Олега Табакова на улице Чаплыгина.

В 1987 году получил звание профессора.

1988 год – О.П. Табакову присвоено звание «Народный артист СССР».

1992 год – основал Летнюю театральную школу имени К.С. Станиславского в Бостоне (США).

2000 год – встал у руля Московского Художественного театра им. А.П. Чехова. Должность художественного руководителя – директора занимал 18 лет.

2008 год – объявление о создании театрального колледжа – уникальной школы-пансионата, в которой учатся актёрской профессии дети со всей страны.

1 сентября 2010 года – состоялось торжественное открытие Московского театрального колледжа при Государственном Московском театре под руководством О. Табакова. Это последнее детище Мастера, художественным руководителем которого он был.

До 82 лет Олег Павлович Табаков выходил на сцену. **17 ноября 2018 года** на сцене Московского Художественного театра имени А.П. Чехова сыграл последний спектакль. В этот вечер шёл «Дракон» по пьесе Е. Шварца. Олег Табаков исполнял роль Бургомистра.

60 лет службы в театре, более ста ролей в кино. Арифметика и послужной список поражают воображение. Такая долгая, красивая, ясная жизнь. Случай, когда биография – лучшая характеристика.

САРАТОВ. ДЕТСТВО. ЮНОСТЬ

*Щебечут, свищут, – а слова
Являются о третьем годе.*

Борис Пастернак

Все люди вспоминают детство. И не удивительно. Ведь детство – главная кладовая наших чувствований.

Рассказывает Олег Табаков.

Мои воспоминания тех лет очень светлые. Солнце, простор, воля. Дышалось легко. Счастье, вокруг только любящие люди. Я всё-таки застал относительно короткий, но очень светлый и очень важный для ребёнка период благополучия в семье.

Отец, Павел Кондратьевич Табаков. Человеческое достоинство он умудрялся не терять ни в повседневной жизни, ни на войне. Умница, спортсмен, хороший шахматист, он был тем самым аккумулятором, от которого заводились люди, машины, женщины, дети. Много читал, эту страсть передал и мне. После войны родители расстались, потому что у отца на фронте образовалась новая семья.

Мама, Березовская Мария Андреевна. В быту довольствовалась малым. Душой всегда тянулась к Прекрасному. Естественной потребно-

стью души было грузинское правило: «Отдал – стал богаче». Мать была деликатным человеком, верным другом. Ласковым. От мамы исходило ощущение доверия. От неё я унаследовал психологическую **остойчивость** – сопротивляемость крайним психологическим ситуациям, жизненным стрессам, когда энергия твоего оппонента навязывает тебе нечто, что ты принять не можешь. Когда судьба намеревалась дать мне очередной пинок, у меня было ощущение, что она подставляет под удар свою руку. Меня всегда согревало ощущение этой готовности защитить, уберечь, оберечь. Защищённость маминной любовью – тот мощнейший фактор, который выполняет свою охранительную функцию уже очень долго – с того момента, как я себя помню. Лет с четырёх.

О предках родителей, за исключением отца мамы, могу сказать одно: простолюдины. Прадед по линии отца был из крепостных, воспитывался в семье зажиточного крестьянина, который и дал ему свою фамилию – Табаков.

Дед, Кондратий Иванович Табаков, – человек сильный, выносливый, мастер на все руки. И хотя сильно пил, работал слесарем до конца жизни. Женат был на Анне Константиновне Матвеевой. Женщина крупная, дородная, сметливая. На жизнь смотрела трезво, всё табачное ценила, уважала, поддерживала. У бабы Ани, как и бабы Оли, родительницы мамы, четыре класса образования. Не так мало по тем временам, потому что это как среднее образование сегодня. Они, бабушки, любившие меня, интуитивно сумели уберечь от всякой дряни, всё время что-то подсовывали настоящее – еду, картинку, игрушку...

Я никогда не пытался исследовать, нарисовать генеалогическое древо рода Табаковых-Пионтковских, но историю его знаю прилично. Могу даже различать в себе национальные источники. Во мне слились и мирно сосуществуют четыре крови: русская и мордовская – по отцу, польская и украинская – по матери. Мой природный сантимерт, чувствительность и некоторая плаксивость – из украинских песен маминной мамы, бабы Оли, простой украинки. Да, я говорил по-русски, но всему имел довольно мощную альтернативу в метафорической ласковости украинского языка: «солнце низенько, вечер близенько». Можно сказать: «хулиган». А можно сказать: «урвйтэль». Или, как сказал Михаил Рощин: «Ну, уже гиря до полу дошла». А баба Оля говорила: «Підышло під груди, не могу більше». Эти словосочетания странным образом объясняли мне рождение импульсов на тот или иной душевный поворот.

А вот отец мамы, Андрей Францевич Пионтковский, польский дворянин, умер в 1919 году в собственном имении в Одесской губернии. Да-да, в своём имении! В стране шла бурная экспроприация экспропрированного, а он жил в своём имении и содержали его, оберегали от новой власти крестьяне, которых он беспощадно «угнетал».

Из рассказов о том времени запомнилось повествование брата мамы, дяди Толи, человека серьёзного, глубокого. Этого нельзя было прочитать в учебниках, потому и запомнилось. Он жил тогда в Одессе. Город после 1917-го охватил безвластие. Монархисты, анархисты, большевики, приверженцы Временного правительства, батька Махно, атаман Петлюра... Власть менялась чуть не каждый день. Между тем город входил в черту оседлости, и каждая новая власть начинала деятельность с решения еврейского вопроса. Дед прятал в имении еврейских детей и стариков. Дядя Толя, подросток, хорошо запомнил, как седой старик, с пейсами, спасаясь от бандитов, со страху перескочил забор дедовского дома в полтора

метра. Моё детское воображение картину услышанного рассказа сделало столь физически осязаемой, что для меня стало критерием возможностей человека. Своих студентов на экзамене спрашиваю: «Через забор в полтора метра со страху можешь перепрыгнуть?» Уверенных ответов не слышал.

Когда родители поженились, у мамы это был третий брак, у отца – второй. Первый муж мамы, Андрей Березовский, застрелился в припадке ревности, второй, Гуго Юльевич Гольдштейн, румынский революционер, советский разведчик в Австрии и Германии. Он погиб при исполнении служебных обязанностей. В этом браке родилась моя единоутробная сестра Мирра.

Взрослое моё окружение состояло из негромких и истинных интеллигентов. Понятие достоинства, порядочности не то чтобы воспитывалось – оно было воздухом, атмосферой семьи, дома. А понятие это – объёмное, в него входит и смелость, и широта взгляда на реальность своего времени. Это побуждало открыто принять в себя общее горе страшной войны и одновременно помнить о том, что во многих семьях было очень личное горе, не обязательно с войной связанное.

До войны мы вселились в огромную коммунальную квартиру. Это был дом известного саратовского врача Бродта. Мама получила комнату в сорок пять метров на втором этаже, и так случилось, что отцу удалось заполучить двадцатиметровую комнату за стеной. Вход в комнаты был через разные подъезды, поэтому для нас они сообщались через книжный шкаф. Вот здесь мы и жили: мама, папа, бабушка, Мирра и я.

Опекали меня изрядно. Я входил в прогулочную группу обеспеченных родителей с изучением немецкого языка. (Была такая группа, которая на прогулках с приглашённым преподавателем изучала немецкий язык. – Л.Б.) Летом снималась дача. Признаюсь, самые яркие детские ощущения носят гастрономический характер. Сладёной я был страшным. Вкусовые ощущения помню до сих пор. Знаменитые саратовские помидоры и арбузы... слюнки текут при воспоминании. Дача стояла на высоком пригорке, хозяин однажды нам предложил: чтобы не таскать арбузы с горы, он будет их скатывать, а мы должны ловить. То, что катилось мимо, разбивалось, в воздухе пахло сахаром. Смех стоял по всей округе от этой забавы.

Но все довоенные радости закончились в июне 41-го. Отец ушёл добровольцем на фронт, и до самой Победы возглавлял военно-санитарный поезд, который вывозил раненых из-под огня с передовой в тыл, нередко становясь мишенью для фашистов. Начальником этого поезда № 87 он объездил почти все фронты.

В конце 42-го года мама серьёзно заболела. Брюшной тиф. Из болезни выкарабкивалась с трудом. От истощения долго не могла встать на ноги. Каждый появившийся съестной кусок отдавала нам, детям. Бабушка, когда приносила в кастрюльке бульон из кусочка курицы, садилась рядом и наблюдала, чтобы она съела всё сама. Началась голодуха. Всё ценное продали. И бабушкины червонцы, и огромную библиотеку. Сохранилось несколько книг. Среди них были книги «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо, жизнеописание Суворова, Кутузова, Багратиона, Барклая де Толли, Нахимова, Корнилова, Синявина, Макарова. Это были марксовские, дореволюционные красочные издания. Остались отдельные непроданные тома Шиллера с замечательными иллюстрациями и «Мёртвые души», иллюстрированные Доре и Боклевским.

Читать я начал с четырёх лет, за войну эти книги выучил наизусть. Приходившие с фронта письма отца читали вслух. А я отвечал ему сам.

Поскольку всё время хотелось есть, просил прислать что-нибудь вкусненькое. Подписывался: «Маршал Лёлик Табаков». С детства был не в меру честолюбив. Помню первую присланную отцом посылку: большие южные яблоки, американская тушёнка. А ещё – детские книжки со стихами.

*Это – «юнкерс»,
Так и знай.
Поскорей его сбивай.*

Как я семи лет от роду смог сбить ненавистный «юнкерс», останется загадкой идеологической пропаганды. От настоящей войны осталось в памяти огромное чёрно-красное зарево над Саратовом – бомба попала в нефтезавод «Крекинг».

Военные тяготы были связаны с голодом, хотя Саратов и считался городом хлебным. Но, как на любой войне, кто-то на голоде обогащался, а кто-то от голода умирал. С чувством голода связано моё первое серьёзное преступление. Мирра приносила из школы сладкие коржики для мамы. Однажды я тайком съёл один коржик – и съел! Долго потом со мной не разговаривали. Вторая кража поставила крест на этой деятельности. Баба Аня пригласила нас на пирог. Пирог назывался «кух», вероятно, от немецкого слова «kuchen» – рецепт поволжских немцев, живших до войны. Я пробрался на кухню, поклонявил ладонь, приложил её к пирогу и облизал сладкую посыпку. Изобличён был по отпечатку ладони. Позор жуткий. С этого случая с воровством завязал навсегда.

Для того чтобы мама окончательно встала на ноги, дядя Толя устроил её в армию. Шаг, на первый взгляд, странный, но там давали паёк, и мама получила возможность нас кормить. Так мы оказались в городке Эльтон, который находился на берегу солёного озера Эльтон. Это была Прикаспийская низменность, совсем недавно отсюда отогнали немцев и сразу же открыли госпиталь. Ещё были слышны разрывы бомб, обстрелы эшелонов. Ехали мы туда несколько суток. Нас встречал сам начальник госпиталя. В руках у него был белый хлеб и масло. Такое чувство, он будто солнце держал в ладонях. Когда приехали, мама получила назначение в госпиталь № 4157. До войны это была мощная бальнеологическая лечебница. Грязи там сохранились, их по-прежнему подвозили в госпиталь, и выздоравливающие получали грязевые ванны и другие назначения. Жили мы там два года. Мама работала врачом-терапевтом. Иногда она приносила что-то из оставшейся госпитальной пищи, а когда был у неё выходной день, мы вместе варили пиённую кашу на таганке. Таганка – это металлический кружок на четырёх ножках, под который мы подкладывали высохший степной бурьян.

Местные жители были русские и казахи. Помню, как мама приносила с бедного местного рынка то, что называлось «сарса», неповторимо вкусное и сытное. А ещё были кислое молоко, варенец, сухие сливки – всё поедалось нами с восторгом.

К началу войны мне было около шести лет, к концу – около десяти. Война. В этом слове даже на уровне детского сознания я ощущал тогда великое братство человеческое, которое в наибольшей степени было приближено к библейскому пониманию. Через лет сорок Миша Роцин формулировку литературную для этого ощущения найдёт: «Будь проклята война, наш звёздный час».

Детские забавы были бесхитростными. Обруч, который катился рядом с тобой, создавал ощущение, что ты едешь в машине. Один раненый сделал мне стрелу, которая посредством прутика с верёвочкой пускалась в небо метров на сто... Взлетала в небо и – па-адала, па-адала... Я грыз сухарь и думал: вот вырасту, и у меня непременно будет много детей...

И, конечно, главная игра тех лет – «альчики». Бараньи позвонки. В середине заливался свинец, который назывался «бита». «Альчики» стоили денег, хранились они в мешочках. К концу пребывания я играл мастерски, скопил целый мешок костей. Мальчишеская жизнь не была лишена опасных приключений. Взрывы боеприпасов многих тогда оставили калеками.

Неизгладимое впечатление тех лет – потрясение и восторг от бескрайней эльтонской тюльпанной степи. Белые, красные, жёлтые, лиловые тюльпаны затопляли всё пространство до горизонта. Тюльпаны имели способность до цветения предваряться подснежниками. Перед тем, как тюльпаны распуститься, луковицы от подснежников становились сладкими. Назывались они «бузулуки», мы их выкапывали и ели. Главная радость тех лет – кино. Помню фильм «Радуга», где героиня, убив фрица, говорила: «Радуга – это доброе предзнаменование!»

В Эльтоне состоялось «крещение в артисты» – мой первый выход на сцену. Это случилось в госпитале: вместе с мамой я принял участие в постановке самодеятельного военного скетча, в котором произносил всего одну фразу: «Папа, подари мне пистолет!»

И ведь запомнил эту единственную фразу! Правда, как потом Табаков признавался студентам, исполнитель был очень активен и повторял единственную фразу чаще, чем было предусмотрено в тексте, поэтому собирал внимание публики на себе, огорчая тем самым того, кто играл роль отца.

И я подумал: «Что же это за профессия, которая приносит столько расстройств! Такое чувство, что пережил момент осознания первого выхода на сцену.

Творческие порывы, как я упоминал, были не чужды нашей семье, мама читала стихи на вечерах, стесняясь и одновременно гордясь. А баба Оля, обладая недюжинным голосом, так распевала песни в манере Лидии Руслановой – заслушаешься.

Словом, смилив артистические страсти предков, природа не выдержала, и на Олеге Табакове допустила прорыв. Все родные – медики, отец – врач-биохимик, мать – врач-терапевт, дядя – специалист по рентгеновской аппаратуре, сёстры и братья пошли по стопам родителей, он первым нарушил традиции семьи, не пойдя в медицину.

Домой возвращались в сорок пятом. Ехать пришлось срочно: умерла бабушка, самый близкий мне человек. Она не раз меня выхаживала, была моей заступницей во всех конфликтах и ссорах. Помню странное смешанное чувство горя и радости, что едем домой.

Вернувшись в Саратов, Мария Андреевна вынуждена была служить на двух работах сразу: рентгенологом днём, вечером – терапевтом. Стремясь обеспечить детей, себя не жалела. И позволяла только одну роскошь. Скопив последние деньги и посоветовавшись с детьми, тратила их на гастрольные концерты московских артистов: Святослава Рихтера, Дмитрия Журавлёва, Александра Вертинского, балерины Марины Семёновой.

Жизнь постепенно входила в мирное русло. Мирра училась в медицинском институте. Олег пошёл в третий класс мужской средней школы № 18, что находилась рядом с домом. Учился легко, много читал, а в юности, при-

знаётся актёр, учиться перестал – и стал читать. Восьмой, девятый, десятый классы – прочёл всю русскую классику – и рекомендованную и не рекомендованную тогдашней программой.

А также литературу конца девятнадцатого века – начала двадцатого – раза по два, а то и по три! Пьесы – горьковские, чеховские, гоголевские... Я лежал, читал, а рядом стояла трёхлитровая банка с разведённым вареньем и сухарики, чёрненькие... Хлебушек порезан, маслицем тоненько намазан, солью посыпан... Вся литература была прочитана там! Тогда же начал собирать библиотеку. Собирал своеобразно. Стал покупать по 10–15 экземпляров приложения к журналу «Красноармеец»: там издавались всякие книжечки любопытные – «Озорник» Ардова, «Прекрасная дама» Толстого, «Золотой телёнок»... Я их покупал и хранил, пока эти издания не становились дефицитом. И в этот момент я уступал их за большую цену. Жизнь заставляла взростеть рано. Когда мне ещё десяти лет не исполнилось, я закодил довесок от буханки. Хлеб по карточкам выдавали... Стол у нас стоял на четырёх ногах, которые внизу вот так крестом сходились. Посредине была планка. Вот я пошёл в магазин, получил хлеб с довеском, а придя домой, довесок скрыл – положил его на планку. На следующий день я опять за хлебом пошёл. И положил на планку уже два довеска. А на третий день я их оба пустил в дело, а половину буханки изъяс. Так со временем образовалась буханочка, с которой пошёл в школу. Её ремонтировали немецкие военнопленные. Отдал одному пленному буханку и сговорился, чтобы он мне сделал автомат деревянный. Да-а... Гешефтмахерство рано во мне проявилось. И пришедший капитализм с нечеловеческим лицом мне не страшен – я был к нему готов!.. Глаза на то, что творилось в стране, мне открыл дядя Толя, который назвал Сталина убийцей двадцати миллионов наших людей.

Однажды я провожал маму на вечернюю работу. Вдруг сзади услышали женский голос: «Не оборачивайтесь! Я буду рассказывать, а вы не оборачивайтесь». Я обернулся – это была мать друга нашей семьи Самуила Борисовича, влюблённого в маму. Она рассказывала, как её сына пытали в кабинете следователя, зацемяляли мужскую плоть в дверном косяке и требовали назвать имя мамы. В вину вменялось групповое прослушивание «Голоса Америки» и чтение «Британского союзника». Почему-то хотели, чтобы это была организация, боровшаяся против режима. Он никого не назвал и тем самым спас и меня, и маму.

С сорок девятого года я знал, что происходит в стране. Не надо много ума, чтобы это понять, достаточно посмотреть вокруг. Помню бабушку, которая, услышав звук подъезжающей машины в ночи, подходила к окну, долго стояла, потом крестилась и шептала: «Увезли». Внешне я был типичнейший коллаборант. Выглядел смиренным и лояльным советским юношей. На самом деле жил совсем иной внутренней жизнью, мечтал о покушении на Сталина. Даже пытался организовать в школе кружок не кружок, а всё же нечто вроде кружка декабристов. В нём, правда, согласился участвовать только один из друзей – Юра Гольдман. Но кто-то из отказавшихся приятелей вступить в кружок, видимо, проговорился, и только зависть Сталина меня спасла от ареста.

Моей личной заслугой тут, понятно, нет никакой, но так обстоятельства сложились: к моим семнадцати-двадцати годам я знал и понимал больше, чем значительная часть моих сверстников. Из меня начал формироваться отменный Молчалин. А как иначе? Знать больше многих и не иметь возможности сказать об этом открыто – тяжкая душевная ноша. А что нельзя сказать открыто – это я тоже знал, не надо иметь

семь пядей во лбу для такого знания. Долго с этим жить нельзя. Легко впустить в себя Молчалина, а вот выгнать... Это как маска, которая прирастает к лицу, и потом не отдерёшь её, не избавишься. Принято – не принято, дозволено – не дозволено. Так и не заметишь, как постылая вынужденность органично становится твоей.

Но отцовского внимания сыну явно не хватало. Заметив среди приятелей Олега «хулиганствующих элементов», проживающих рядом с их домом, Мария Андреевна сумела оградить сына от дурного влияния улицы и временно отвела семиклассника Олега в шахматный кружок саратовского городского Дворца пионеров и школьников. Уже в восьмом классе сын получил третий юношеский разряд. Во Дворце пионеров состоялась встреча, определившая судьбу подростка. Однажды в шахматный кружок заглянула высокая красивая женщина. Она искала на новую постановку недостающих мальчишек. Среди приглашённых был и Олег Табаков. Она попросила его «громко-громко, на весь зал» произнести фразу: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Суровый вердикт: «голосок слабый, но попробуем» – не помешал зачислению четырнадцатилетнего парня в новобранцы театральной студии «Молодая гвардия».

Женщина, пригласившая подростка в свой коллектив, требует отдельного рассказа, потому что в юности всё может оказать влияние: и прочитанная книга, и поразившее событие, в центре которого ты оказался случайно, и встреча с необычным человеком. Каждый год в начале сентября у дверей Саратовского Дворца пионеров возникала многочисленная толпа из детей и взрослых. Прохожие, недоумевая, интересовались, что здесь происходит. Ответ удивлял, когда слышали: идет экзамен в театральную студию. Свидетельствую: выдержать экзамен могли единицы, а желающих были сотни. Конкурс всегда серьёзный, отбор жёсткий, некоторые справедливо сравнивали его с поступлением в театральные вузы. Руководила студией **Наталья Иосифовна Сухостав**, личность в Саратове легендарная, её жизненный путь полон неожиданных поворотов.

Дочь знаменитого в городе врача-эпидемиолога Иосифа Карловича Сухостав, бесспорно, была талантлива. Счастливое детство, юность, полная планов и надежд. Любимица, умница, красавица, победитель всех поэтических состязаний, в которых принимал участие и отец Олега Павловича – Павел Кондратьевич, как она его называла – Павлуша. Надо заметить, поэтов серебряного века она и в старости читала наизусть целыми страницами. Но колесо истории безжалостно прокатилось по судьбе. Арест отца, из тюрьмы он вернулся безнадежно больным. Расстрел мужа, известного юриста, чемпиона России по теннису. Необходимость написать заявление об уходе по собственному желанию в театр. На руках беспомощная мать, на работу нигде не брали, отказали даже в аптеке мыть пробирки из-под крови.

Удивительно, но не замкнулась, не озлобилась, не впала в депрессию. Что значит серьёзное дореволюционное воспитание, в котором ощущение своей самобытности и независимость мышления были непобедимы! Потом судьба смиловилась: то ли счастливый случай, то ли война смягчила нравы людей, но литературная композиция, подготовленная ею с детьми для раненых бойцов в госпитале, который находился во Дворце пионеров, осталась в памяти. И через год, когда госпиталь съехал, руководители Дворца пригласили её на работу с детьми. Долго не верилось. И, конечно, не предполагала, что сюда она будет приходить сорок лет и организованная ею театральная студия станет главным делом жизни. Облик Наталии Иосифовны у мно-

гих в памяти: высокая, худая, короткая стрижка, летящая походка, огромные влажные глаза и ярко подведенные губы. В любой позе – прямая спина – и удивительная выразительность рук. Сама рука в покое, в движении только кисть, ухоженная, с длинными пальцами, униженная тяжёлыми кольцами. Они завораживали. Став взрослой, разглядела: обычные, правда, не лишённые оригинальности дешёвые колечки. Но как она их носила! Табаков говорил, что ему она всегда напоминала героиню молодости – Марлен Дитрих. Ребёнок, читая стихотворение, чувствовал, что слушающая женщина какая-то другая, не из реальной жизни. Позже, встретив разных людей её поколения, я поняла: типичная дореволюционная интеллигентность. Конечно, перестроившаяся на новые времена, но сохранившая прежние привычки, манеры выражения, какие-то повадки прошлого. Так старые профессора в университете сохраняли любезность в отношениях со студентами и постоянную готовность увидеть в каждом из нас коллегу. Как говорится, леди нельзя сделаться, ею надо родиться. У неё был безошибочный вкус на подлинное, настоящее и серьёзное. С точки зрения классической педагогики, конечно, она во многом была не права. Нельзя кричать на детей, непозволительно в негодование бросать предметы или стучать по столу, когда дети плохо слушают. Чопорности поведения и ласки в ней было мало, если не сказать, что не было вообще. Думаю, вся тайна её педагогики заключалась в даре интуитивного угадывания меты талантности (любой – творческой, человеческой) в желторотых, нескладных, не понимающих себя ребятах, в умении оставаться им интересной на долгие десятилетия. Сотни детей прошли через студию. Не все стали актёрами, но уважение к людям театральной профессии сохранили на всю жизнь, получив в раннем детстве прививку от пошлости и подлости жизни.

Человек безукоризненно честный и щепетильный в быту, она была столь же щепетильна в отношениях с людьми. Вспышки страстей её не обходили стороной, иногда могла такого страха нагнать – многие, как и Табаков, запоминали навсегда. Человек принципов, никогда не скрывала своей позиции. Лгать, кокетничать, сочинять собственную значимость при ней было глупо и бессмысленно. Помню, как она погрозила пальцем первокурснику, опоздавшему на репетицию: «Табаковых среди вас нет, работать надо!» Не знаю, запомнил ли эти слова тот мальчишка, но мы, старшеклассники, находившиеся в комнате, переглянувшись, согласились: «Табаковых среди нас нет». Но когда Табаков приехал в Саратов уже известным актёром после первых ролей в кино, в студии состоялась с ним встреча. Олег Павлович радостно и возбуждённо что-то рассказывал, показывал, буквально летая по комнате, все в восхищении следили за его передвижениями, пока не раздался голос нашего педагога: «Олег, сядь!» И он послушно опустился на стул. Какая-то одержимость во всём, что она делала, внушала нам, подросткам, веру и надежду. Надежду не только на себя, но и на жизнь, которая непременно будет справедлива к тебе, если ты будешь честен, порядочен, трудолюбив.

Всё, что связано с теми временами, о которых она много рассказывала, мне представляется Атлантидой, своего рода Греческой цивилизацией, факт существования которой никто не отрицает, а вот ощутить её подлинность, природу людей, царивших нравов нам уже не дано. Так и они, родившиеся до революции, ведали, что существует некая *другая* жизнь, но вынуждены были проживать *не свою* жизнь. Словом, *ушедшая натура*.

Рассказ Олега Табакова.

...Читая слова Пушкина: «...Нет, весь я не умру, душа в заветной лире мой прах переживёт...», – я очень материально представлял реализацию

этих мыслей: да, действительно, в земле остаются кости, то, что называется словом «останки». Став много старше, я понимаю, что теза «весь я не умру...» удивительно применима к философии жизни и к моей памяти о Наталии Иосифовне. Полагаю, что и на том свете грехи, мною совершённые, способны перевесить одно из важнейших событий в жизни – открытие мемориальной доски на здании Саратовского дворца пионеров – театральному педагогу, у которой учились жизни и искусству сотни детей, – Наталии Иосифовне Сухостав. Важнейших, потому что нельзя человека воскресить или отменить перенесённые им душевные мучения, но закрепить в людской памяти место и значение, которые человек имел в реальной жизни, восстановив тем самым справедливость, возможно.

У каждого свои воспоминания. Я помню важные для меня вещи. **Первое.** Она неодинаково относилась к воспитанникам. Где-то я читал, что Арсений Тарковский никогда не был зол и критичен по отношению к бездарным поэтам. Он был зол и критичен только по отношению к одарённым. Вот что-то в этом роде исповедовала и она: тебе многое дано – с тебя и спросится. Невольно вспоминаются мои опоздания. Грех этот родился оттого, что я жил очень близко, около 18-й мужской средней школы. Выбегал из дома либо без трёх, либо без четырёх минут, иногда успевал, иногда опаздывал. И вот однажды, опоздав в очередной раз, был вынужден выслушать отповедь руководителя. Прошло больше семидесяти лет, а слова, простые, жёсткие, обидные, бьющие по самолюбию, которые нашла Наталия Иосифовна, помнятся до сих пор. **Второе.** Она сумела в нас вложить простую и важную мысль: мы занимаемся серьёзным и важным делом и ответственны перед теми, кто вечером приходит нас смотреть. Пожалуй, с той поры, со спектакля «Красный галстук» по пьесе Сергея Михалкова, и поселилось во мне это «не подвести бы их!» И получается, что прошли десятилетия, срок большой и серьёзный, несколько генеральных секретарей сменилось, три президента, а зрители по-прежнему не отказывают мне в доверии. Ничего не идеализирую, но это существует во мне, потому что посеяно, внедрено в сознание Наталией Иосифовной Сухостав. Я должен быть достоин доверия их – зрителей. Конечно, сказанное не означает, что мы не были озорниками и хулиганами, что не смеялись и не разыгрывали друг друга. Мы были нормальными ребятами, с замашками вполне взрослых людей. Помню, как в пьесе Любимовой «Снежок» я играл мальчика по имени Джон, а главного героя, которого звали Снежок из-за его особенно тёмного цвета кожи, замечательно играл прекрасный артист и человек Слава Нефёдов. И вот, когда я взбирался на учительскую трибуну класса и очень взволнованно произносил: «И тот, кто сядет рядом с Анжелой Бидл, тот нам не товарищ! (а Бидл была дочерью богатых промышленников, естественно, расистов), Слава в это время выходил и спокойно, незаметно для зрителей говорил: «Лёлик, ну кончай, что ты так волнуешься, ну успокойся!»

Участие в студии принесло и некоторую известность в городе. 9 марта 1953 года, в день похорон Сталина, читал на сцене Театра оперы и балета имени Н. Чернышевского в паре с Ниной Бондаренко траурно-торжественный литмонтаж. Минут сорок мы читали стихи Твардовского, Алигер, Симонова в атмосфере искреннего горя. В зале рыдали, бились в истерику, кто-то падал в обморок. Читал я с искренним чувством, то ли успеха хотелось, то ли атмосфера подлинного горя в зале захватила, но история с организацией кружка как-то забылась, а навсегда запомнилось ощущение власти актёра над зрительным залом.

После репетиции мы не сразу шли домой, а заглядывали в забегаловку, которую называли «Кабаре», на углу Максима Горького и Ленина, покупали две бутылки клюквенного морса, по пирожку жареному с ливером на человека и беседовали. Наверное, сейчас это можно назвать игрой, но серьёз: уже тогда мы были – театральные люди!

Из тех далёких дней осталось во мне: «Душа обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь!..» Вот давала Наталия Иосифовна задание, и хотели мы или не хотели, но всё было серьёзно: и поручаемые роли, и раздумья о будущей профессии, судьбе дальнейшей нашей. Она показала нам «систему координат» и в театре, а прежде всего, человеческих. Без всякого преувеличения, Наталия Иосифовна – моя крёстная мама в актёрской профессии. А может быть, и в педагогике. Именно она дала исходный импульс профессии. А дальше меня уже никто и ничто не могли остановить.

Когда Володя Краснов дал мне письма от Виктора Томашайтиса, открылась вторая, неведомая многим страница её жизни. Я знал судьбу её мужа, потому что мой отец, способный спортсмен, хороший лыжник и шахматист, играл с ним в теннис. Отец и рассказал о трагической судьбе Виктора Томашайтиса, о том, как он, не выполнив план по расстрелу предполагаемых вредителей, был сам расстрелян. Я безмерно рад, что эти письма увидели свет, потому что редкая литература может встать рядом с ними по плотности и силе чувств человеческих. А завершить мне хотелось бы предисловием к тому, с чего я начал рассказ о ней. Когда умерла Наталия Иосифовна Сухостав, ученики поставили на её могиле памятник. Я не думаю, что таких примеров много в нашей современной жизни. Хотелось бы верить, что аналоги в России есть, а если нет, то хотя бы будут, потому что без этого жизни длиться дальше будет ещё труднее.

В 1953 году Олег Табаков окончил школу. Сомнений в выборе профессии к этому времени не существовало: только Москва, только театральный институт.

О существовании МХАТа он знал с самого детства. В первый год войны Художественный театр с его потрясающей труппой был эвакуирован в Саратов. Увиденные спектакли в памяти Марии Андреевны оставили самые яркие театральные впечатления, а программки с именами великих актёров она хранила как семейную реликвию. Однажды взяла с собой сына на спектакль «Кремлёвские куранты», где ребёнок заснул. Так пересеклись пути будущего артиста и будущей альма-матер.

В старину русские купцы, продавая товар, часто произносили фразу: «добротный замес». Этим определялось качество продукта. Так вот, Табаков в детстве получил доброкачественный «замес» любви, добра, веры. А как известно, чем больше в детстве ребёнок получает добра и защищён любовью близких, тем закалённее встречает трудности взрослой жизни.

Из Саратова уезжал весело, шутками подбадривал отца и плачущих женщин. Вскочив на подножку вагона, задорно крикнул: «Я уезжаю учиться на тракториста-а-а!»

Часть вторая

МОСКВА. ШКОЛА-СТУДИЯ МХАТ

*О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют...*

Борис Пастернак

Первые подробные письма из Москвы получала Наталия Иосифовна Сухостав. С ней Олег Табаков переписывался до самой её смерти. И Мария Андреевна подробности о сыне приходила узнать к Наталии Иосифовне.

7 августа 1953 года.

Дорогая Наталия Иосифовна!

Кривая моего настроения резко подскочила вверх. Вчера в ГИТИСе состоялся 1-й тур, и почти всё решилось.

Вызвали нас 5 человек. Я читал последним. В комиссии сидят: директор института, Орлов, Раевский, Орлова, Вронская и тому подобные тузы. Я читал «Улицу младшего сына», «Изгнанник» и «Слон-живописец».

Кончил я читать, и Орлов высочайше изволил что-то сказать по моему адресу. Я ему тотчас ответил. Ну и пошли острые шуточки – короче говоря, «всем понравился» (по словам директора). Директор ГИТИСа Горбунов подозвал меня и посадил рядом с собой. Вы понимаете: Раевский, Табаков, Горбунов и К. Вот хохма.

Директор сказал, что берут меня, но при условии, что я не пойду на 3-й тур во МХАТ. Правда, придётся сдавать ещё 2-й и 3-й туры. Но это только для того, чтобы злые языки не говорили ничего лишнего. Далее он начал меня убеждать в том, чтобы я обязательно готовился по общеобразовательным предметам. Говорил, что я должен сдать обязательно все на 5, и тогда мне, мол, дадут какую-то персональную стипендию, и что обязательно должен работать у них по комсомольской линии. Это я-то!!! И т.д. и т.д. Далее он мне заявил (привожу его слова): «Ты только ни с какими девушками не знакомься, это и потом успеешь сделать, а теперь основное внимание учёбе». В общем, напутствовал меня как любящий папаша, да и только. Отнёсся он ко мне исключительно сердечно. Я был приятно поражён таким вниманием. Когда я заикнулся на счёт общежития, он тотчас меня заверил, что с общежитием он мне всё устроит.

На прощанье попросил меня никому об этом разговоре не рассказывать, чтоб не было никаких сплетен.

Но это всё хорошо, конечно, но вот что делать со МХАТ – прямо не знаю. Как бы потом не пришлось жалеть. Что вы думаете об этом? Вот, собственно, все мои дела. Пишите, Наталия Иосифовна, прошу Вас. Ваш Олег.

P.S. Совсем забыл. Костя тоже прошёл на 2-й тур в ГИТИС. Теперь, кажется, всё. Ваш Олег.

15 августа 1953 года.

Дорогая Наталия Иосифовна!

Вот ведь какое дело! Иногда и не ожидаешь, а получается всё как нельзя лучше. Так вот и со мной. 12 августа в ГИТИС был 2-й тур, а во МХАТ 3-й тур. Я ждал, ждал в ГИТИС своей очереди прослушиваться, затем мне

всё это надоело, а тут ещё пришли из студии МХАТ ребята, которые там уже прослушались.

Я плюнул и пошёл в студию МХАТ. Там были в комиссии Марков, Станицын, Блинников и другие. Я читал последним. После этого мы часа два-три ждали результата. Наконец нам объявили, что приняли 8 человек, в том числе и меня, и 4 человека приняли кандидатами. Я, право, не знаю, что означает это звание «кандидат». Но из этих 4 кандидатов 3 человека «не русской» национальности. Вот какое дело! И теперь мы, 12 человек, сдаём общеобразовательные экзамены. Я сдал уже два. Русский письменный – я не знаю ещё – нам не сказали. Историю на 5. А 17 августа сдаём литературу устно. После этого экзамена нам, по-видимому, дадут зачётные книжки. Ну, обо мне всё.

Да, ещё. В ГИТИС я не пошёл на 2-й тур и взял оттуда документы. Правда, директор ГИТИСа об этом, кажется, не знает.

Теперь о Косте. Вы знаете, Наталия Иосифовна, с ним получилось просто глупо как-то. Вы, понимаете, после второго тура во МХАТ директор сказал ему, что за него проголосовали все и что он, по всей вероятности, будет принят. Костя очень обрадовался и решил забрать свои документы из студии Малого театра (там конкурс был раньше, и его приняли туда). Но документы ему отдавать не хотели. Тут ещё к нему приехал отец, и Костя всё рассказал ему об этом. Отец пошёл в студию Малого театра и, как я понял, начал там, у директора, требовать документы. В общем, наговорил, что он не хочет, чтобы его сын был актёром. И т.д. и т.п., всё в таком мажорном тоне. В конечном итоге документы ему не отдали.

Так он пришёл на 3-й тур в МХАТ. Я сам почти уверен был, что его примут. Да и он был уверен в этом. Но... он не прошёл. Я посоветовал ему пойти к директору студии, что он и сделал. Директор ему объяснил, что одной из причин его неприятия является то, что он не взял документы из Малого театра и не принёс их во МХАТ. Остальные причины он не сказал. Но это, конечно, не причина, т.к. у меня тоже не было документов в студии МХАТ.

В ГИТИС он провалился на 2-м туре, но это потому, что он читал после того, как случилось всё во МХАТ. Настроение, конечно, у него было ужасное. Но мне всё-таки кое-как удалось его успокоить. Теперь он сдаёт общеобразовательные экзамены в студии Малого театра. Я его не видел уже два дня. Вот таковы дела Ваших питомцев. Ну, пока всё. 17 августа сдам последний экзамен, тогда сообщу конечный результат. По всей вероятности, скоро приеду в Саратов и уже тогда наговорюсь с Вами вдоволь. Ваш Олег.

18 августа 1953 года приказом ректора Школы-студии им. Вл. И. Немировича-Данченко Олег Павлович Табаков был зачислен на 1-й курс актёрского факультета. Руководитель курса – народный артист СССР Василий Осипович Топорков, ученик К. С. Станиславского, автор книг «Станиславский на репетиции», «О технике актёра». Однокурсниками Табакова были Евгений Урбанский, Валентин Гафт, Эмиль Лотяну, Майя Менглет, Владлен Паулус.

5 сентября 1953 года.

Дорогая Наталия Иосифовна!

Вот уже 5-й день, как я вплотную занимаюсь в Школе-студии им. Народного артиста СССР В.И. Немировича ... и т.д. и т.п.

Занимаемся мы с 9 часов утра до 6 вечера. Довольно утомительно, но очень интересно. 1-го в 9 часов утра было торжественное «открытие

учебного года» – так называется это торжество. Выступили ректор Радомысленский, секретарь парторганизации МХАТ, Блинные и Вершилов. Затем были зачитаны телеграммы от Кедрова и Тарасовой, а несколько позднее (спустя 2–3 часа) Кедров пришёл к нам самолично и начал беседовать с нами. Это довольно милый мужчина, немного похожий на Хмелева и, что самое замечательное, несмотря на все свои ранги, очень просто державшийся с нами. Это необыкновенно!

А после всех этих бесед и «открытий» начались занятия, которые продолжаются по сей день. Изучаем мы следующие предметы: мастерство, дикция, танец, сценическое движение, спорт, манеры, музыкальная грамота, история русской литературы, история зарубежной литературы, зарубежный театр, основные проблемы советского театра и, что самое главное – основы марксизма-ленинизма.

По мастерству наш курс, насчитывающий 20 человек, разбили на две группы. Одну из них ведёт Б.И. Вершилов – человек, который был на дружеской ноге с К.С. Станиславским, а другую ведёт В.П. Марков – человек необыкновенно умный и обаятельный. Я пошёл в группу к Вершилову. Одни говорят, что Марков – это «космос», а Вершилов «ничтожество», другие говорят наоборот. Но посмотрим, что будет в дальнейшем. Поживём – увидим.

Остальные преподаватели – люди ничего себе, с присущими каждому из них странностями.

Мне больше всего понравилась преподавательница по музыкальной грамоте. Очень симпатичная женщина, средних лет, профессионал, очень любит свой предмет и старается привить эту любовь и нам. Кажется, это ей удаётся.

Преподавательница дикции прекрасно знает своё дело, но педантична и суха до крайности. Это очень странно, так как ей только 31 год. Уж очень быстро она «высохла». У меня она нашла нечистое «с» и немножко «дзяканье» – говорит, что это довольно быстро пройдёт.

Преподавательница русской литературы – пожилая женщина лет 65, мне очень не нравиться. В ней есть что-то от Иуды. Единственная положительная черта её – кроет учителей школьных и саму школу почём зря.

Преподаватель марксизма в меру некультурен, видно, это свойственно многим преподавателям марксизма. О преподавателях достаточно, вы, наверное, устали читать. Теперь немного о себе. Общежития мне в студии не дали, обещали дать в «ближайшее время», но сроки «ближайшего времени» очерчены так туманно, что я уже нашёл себе жильё. Комнатка небольшая и стоит всего 100 рублей в месяц, а что самое главное – недалеко от студии, 10–15 минут ходьбы. Это очень ценно.

Забыл написать о самом главном. Целиком и полностью избавился от опозданий – тьфу, тьфу, чтоб не сглазить. Ещё один курьёз. Мамошка моя, не получив от меня известий (в течение 4 дней) о моём прибытии в Москву, разволновалась и послала две телеграммы, спрашивая, что я и где. Одну из этих телеграмм она написала на студию. А самое интересное в том, что о моём прибытии в город Москву на учёбу я ей всё-таки написал. Пишите о себе, о кружке, о ребятах. Что начнёте ставить. Пишите, не забывайте. Ваш Олег.

22 сентября 1953 года.

Дорогая Наталия Иосифовна!

Письмо начинаю с выражения соболезнования по поводу столь огромного количества страждущих! – это я о желающих «заниматься». Но Вы

знаете, я им очень сочувствую. Я ведь помню, как трясся, когда пришёл «записываться». Вы знаете, возможно, это сентиментальность, но именно эти чувства – самые чудесные, самые светлые. Вы, пожалуйста, не смейтесь, это действительно так. И я уверен, что годы пребывания в драматическом кружке Дворца пионеров останутся в моей памяти навсегда. Простите за «высокий штиль», но это то, что я чувствую. Это, так сказать, лирическое отступление. Теперь о моей жизни.

По мастерству мы сейчас делаем простенькие этюды. Вы знаете, я и предположить даже не мог, что это так трудно. Выходишь делать этюд и буквально деревенеешь. Руки – какие-то тряпки, ноги вообще чёрт его знает, а сам ты, если посмотреть со стороны, видимо, имеешь глухой вид. Но Вы знаете, как ни странно, но меня хвалят. Это, наверное, от большого волнения всё делаешь очень правдиво. Художественный руководитель нашей группы Борис Ильич Вершилов является заслуженным артистом РСФСР, а что очень значительно – педагогом Кедрова и Болдуманова. Это человек довольно пожилой. Ему лет 60–65. Он очень тяжело болен – у него тубе, правда, в закрытой форме. В прошлом году у него было обострение, и ему вырезали одно лёгкое, а от другого, простите, шши остался.

Вообще он очень знающий, умный товарищ. На занятиях он почти всегда довольно пассивен, но иногда расходится, и уже тогда мы занимаемся до одурения. Правда, это бывает редко. С прошлой недели два раза в неделю на мастерство к нам приходит сам Топорков. Вот когда, конечно, начинается самое интересное. Он чудесно всё объясняет и только тогда, когда чувствует, что человек всё понял, даёт следующий этюд.

Правда, каждый раз, как он ведёт репетицию, первым на этюд он вызывает меня и ещё одну девчонку. Заставляет по несколько раз делать один и тот же этюд, и нам попадает от него больше всех. Но, безусловно, занятия с его участием самые интересные и самые плодотворные.

Три дня тому назад был на «Анне Карениной». Это только первый спектакль, который я видел во МХАТ. Нам можно ходить каждый день, да всё времени нет. Шёл я на него даже с некой неохотой, мол, де Тарасова – старуха, что смотреть. Вы знаете, здорово, очень здорово. Тарасова играла чудесно, особенно сцену после скачек, сцену с сыном и сцену размолвки с Вронским, чёрт его знает, куда делись её полста и 50 лет с гаком. Каренина играл Кедров – он мне не особенно понравился. Он явно подражает Хмельёву во всём, даже в гриме, а в сильных местах даже недотягивает. Вронского играл Прудкин. Играл довольно бледно. Зато с каким блеском играют Степанова – Бетси, и Стива – Станицын. Кто его знает, как это они так могут. Что очень значительно – театр был переполнен, ни одного свободного места.

Теперь немножко о житейских мелочах. Я договорился с хозяйкой квартиры, где я жил и прописался здесь, – одним словом, адрес мой остаётся старым. Живу я хорошо, только немного устаю.

Дорогая Наталия Иосифовна, Вы меня простите, надеюсь, за мои довольно частые письма. У Вас ведь очень мало свободного времени, наверное, ещё меньше, чем у меня, но я думаю, что Вы найдёте время и ответите мне. Вы знаете, мне здесь довольно тоскливо, Ваши письма для меня большая радость. Ребята меня что-то забыли, не пишут. Передайте привет всему кружку в целом и лично Мишке, Юле, Игорьку, Юрке и двум вновь принятым. Привет Вашей маме, Наталье Александровне, Таисии Александровне и всем остальным. Целую Вас крепко и обнимаю. Пишите, жду. Ваш Олег.

6 октября 1953 года.

Дорогая Наталия Иосифовна!

И «пишу я Вам письмо». Не дождавшись ответа от Вас, решил писать сам. Я понимаю, наверное, у Вас «делом полон рот», впрочем, видимо, даже больше, чем рот. Ведь я отлично помню эти сумасшедшие первые учебные месяцы. Лавины «записывающихся», поиски пьесы, репетиции, первые двойки ваших питомцев и прочие волнения и переволнения.

Вы мне в прошлом письме сообщили, что делаете пьесу «Сестрица Алёнушка и братец Иванушка». Пишите, о чём эта пьеса, а главное, кто какие роли исполняет. Я прямо горю от нетерпения узнать, кто, что и как. Что играют Мишка, Юля и другие? Как продвигаются репетиции? Есть ли хорошие новенькие ребята?

Наталия Иосифовна, я тут смотрел пьесы «Васёк Трубачёв и его товарищи», «Драгоценные зёрна», но... все эти спектакли страшная дрянь. Но если они Вас интересуют, могу их Вам выслать.

В «Литературке» было напечатано, что Маршак и Прилежаева написали детские пьесы и они скоро должны выйти. Постараюсь, их не прозевать.

Теперь о себе.

По мастерству мы сейчас делаем беспредметные этюды. По ним определяется логика действий. Чертовски трудная вещь. У меня они что-то не особенно хорошо получаются. Но, правда, сегодня на занятиях я делал этюд довольно неплохо. Думаю, что надо наизусть их выучить и делать всё. По студии кто-то распустил слух о том, что якобы кого-то из нас хотят гнать после первого семестра, и мы все ходим ни живые ни мёртвые. А сегодня Вершилов сказал нам, что все эти слухи полнейший вздор и распространяют их «олухи царя небесного», которым делать нечего. После его слов страсти немного улеглись.

Последние четыре вечера у меня были свободны, и я побывал на спектаклях МХАТа. Видел «Дачников», «Идеального мужа» и «Школу злословия». Чертовски всё у них здорово идёт. Я был прямо восхищён игрой Андровской. Ведь ей 50 с чем-то, а она так блестяще играет. Но иногда старость всё-таки сказывается.

Видел представителей молодого поколения МХАТовцев. Один из них ничего себе, а другие совершенная гадость. Как их держат в театре – не знаю. А впрочем, тут особенно удивляться-то и нечему. Семейственность во МХАТе просто потрясающая. Наверное, ни в одном театре страны такой нет. Родственник на родственнике и родственником погоняет. А с высоты своего директорского величия на всё это взирает Алла Константиновна и ничего против этого не предпринимает. Ну, возмущаться достаточно. Сегодня в журнале «Театр» за № 10 я вычитал статью И. Сахаровой о творческой молодёжи саратовских театров. Там страшно хают Менчинского и столь же безудержно восхваляют Киселёва и Давыдова. Хвалят Толмачёву... и прочую творческую молодёжь. Вы знаете, статейка весьма любопытная и, если выберете время, обязательно почитайте её.

Сегодня в студии встретил Светлану Скворцову. Она отсутствовала полторы недели – ездила к мужу в Ригу. Вид у неё цветущий и жизнерадостный. Они (4-й курс) начинают делать «Ночь ошибок» и пьесу нового драматурга, бывшего партизана Цесарского «Илья Груздёв». Говорят, дело у них не особенно продвигается. Вот все «сплетни». Ну, будьте здоровы. Поскорее пишите мне. Ваш Олег.

Автору этих строк недавно исполнилось семнадцать. Живой ум, не лишённый самоиронии, цепкий глаз, «ушки-воришки», способность быстро осмыслить впечатления, а главное, как живо и непосредственно умеет передать это на письме. Открытая душа, которая не ждёт подарков от жизни, а каждую минуту стремится добросовестно искать смысл. Поступление Табакова на курс Топоркова (а это был третий набор мастера в Школе-студии) было в какой-то мере закономерным и судьбоносным. Близость с мастером во взглядах и убеждениях с годами станет явной.

В пору, когда Табаков учился, Василий Осипович Топорков был ещё в силе, много играл в спектаклях Художественного на сцене. Школу К. С. Станиславского он прошёл, будучи зрелым актёром, во МХАТе начал заниматься режиссурой. А до этого была «Александринка», ученичество у Владимира Николаевича Давыдова, потом театр Корша, а до Корша – крепкие провинциальные труппы. Топорков прекрасно показывал своего учителя, как и Табаков его самого – с юмором, точно, без карикатуры. Показывая, всё время напоминал уже своим ученикам, откуда они родом. Это была своего рода трансляция традиции. В 1922-м году о московских выступлениях маэстро Давыдова писали: «Одно из самых крепких звеньев в истории русского театра, Давыдов воскрешает в нашей современности прошлое, согревая его всем своим обаянием лукавого таланта». «Обаяние лукавого таланта» – кажется, что сказано о Табакове. Через сколько поколений нужно соприкоснуться с прошлым, чтобы увидеть нужные нам истоки? С Давыдовым Табаков соприкасается через одно; со Щепкиным, который, по сути дела, является основателем русской театральной школы, если считать, что Давыдов уроки Щепкина принял из рук щепкинской ученицы, которой адресованы его знаменитые педагогические письма, через два. Талант Топоркова никак не назовёшь лукавым, в даровании Табакова обаяние лукавства с годами прибывало. Блестящий мастер внешнего и внутреннего перевоплощения, Топорков запомнился зрителям предыдущих поколений в спектаклях Ж.-Б. Мольера «Тартюф» (Оргон), Н. В. Гоголя «Мёртвые души» (Чичиков), М. А. Булгакова (Мышлаевский). Последнюю работу отметил сам автор. Лёгкость, изящество комедийной формы у него всегда сочетались с беспощадным психологическим анализом.

В студенческие годы Табаков видел мастера на сцене Художественного театра в постановках «Глубокая разведка» А. Крона (чужак-геолог Мориса), «Последняя жертва» А. Н. Островского (Дергачёв), «Плоды просвещения» А. Н. Толстого (профессор-спирит). Все эти персонажи, как пишет критик Инна Соловьёва, «люди, одержимые идеей, всё равно – истинной или ложной. Желанная, несбываемая цель маячила перед покупателем «мёртвых душ» Чичиковым, разнообразно приспособляющимся к собеседникам. Знал свою цель, ничего не видя вокруг, не чуя опасности, Морис; жил с глубокой убеждённой в своей научной правоте и потому-то доходил до геркулесовых столбов глупости профессор-спирит»².

Чёткость и внятность поставленной задачи в работах Топоркова всегда осязаемы, для ученика это были не просто уроки мастерства без нравоучений, но и живая передача знаний. Следует заметить, Школа-студия им. Вл. И. Немировича-Данченко при МХАТ СССР представляла в те годы удивительное явление.

² Олег Табаков. Юбилейное издание к семидесятилетию артиста в трёх книгах. Редактор-составитель Л. Богова. Москва, МХТ, 2005.

1943 год... Тяжёлые сражения на Волховском фронте, зверства оккупантов в Ленинградской области, бои западнее Ростова и в Пскове, до салюта Победы ещё далеко. А Владимир Иванович Немирович-Данченко, человек 84 лет от роду, вернувшись из эвакуации, ставит вопрос о воспитании новых кадров для Московского Художественного театра. Никакого тайного замысла здесь не было: есть у театра обновление – значит, у него есть будущее. Просто один думает об этом, другой не уставая гребёт всю жизнь под себя, и нет у него другой заботы. В апреле 1943-го вышло постановление Совета Министров об организации Школы-студии, а 20 октября начали учиться студенты первого набора. Право, Господь отметил Художественный театр, если в те времена там работали такие люди! Школа – понятие консервативное. Грубо говоря, сыграть концерт сумеешь, когда освоишь гаммы. Обучение в школе должно проходить как в медицине, разрушать можно только то, что сам умеешь делать, привнесение нового требует осторожности и аккуратности, новое невозможно без понимания и освоения накопленного в дне вчерашнем. Абсолютные реформаторы не конструктивны. Хорошо бы и сегодня многим не забывать: каждый неиспровергатель, прежде чем испровергать, должен доказать, что он умеет делать то, что испровергает. И хорошо, когда азам профессии учат настоящие мастера. Так поступали во МХАТе. Дух захватывает, когда вспоминаешь их имена. В. Топорков, С. Блинников, Б. Вершилов, П. Массальский, В. Станицын, А. Тарасова, М. Кедров, А. Грибов – что ни имя, то отдельная страница в истории русского театра.

Призванные подготовить себе смену, они работали не за славу и личное благополучие. Выстроенная система ценностей школы была продиктована общей задачей – передать из рук в руки умения, накопленные знания, открытия и секреты – педагогический коллектив спланировала, в каком-то смысле делала замкнутым. Когда возникали такие сетования, В. О. Топорков возражал: «Действительно, мы не хотим пускать людей чуждой нам веры и методологии. Если бы мы разбили нашу монолитность во имя того, чтобы нас не считали келейной компанией, могло бы распасться всё дело. А наша студия питает сама себя, питает театр и растёт вместе с театром»³.

Верность провозглашённым жёстким принципам – имена выпускников. Пять лет, два года «до», два «после» выпуска курса Табакова – какое созвездие талантов! Режиссёры Римма Солнцева и Давид Либуркин, актёры Глеб Стриженов, Олег Анофриев, Леонид Губанов, Нина Гуляева, Лев Дуров, Михаил Зимин, Леонид Харитонов, Леонид Бронева, Галина Волчек, Игорь Кваша, Наталья Каташова, Светлана Мизери, Ирина Скобцева, Олег Басилашвили, Татьяна Дороница, Евгений Евстигнеев, Михаил Козаков, Виктор Сергачёв, Валентин Гафт, Майя Менглет, Олег Табаков, Евгений Урбанский, Владимир Заманский, Нина Веселовская, Юрий Гребенщиков, Наталья Журавлёва, Владимир Кашпур, Татьяна Лаврова, Александр Лазарев, Евгений Лазарев, Елена Миллиоти, Вячеслав Невинный, Алла Покровская, Анатолий Ромашин, Альберт Филозов, а дальше Роман Вильдан, Владимир Высоцкий... Известность им принесли не только кинофильмы, но и первые работы на театральных подмостках. Попробуйте из последних двадцати лет взять любое пятилетие и составить подобный список. На пятой фамилии услышите вопрос: а кто это? То ли генофонд ослаб, то ли учить разучились, или, как сказал чеховский герой, «рецепт забыли»? А может быть, случилось нечто

³ Музей МХАТ. Протоколы заседаний педсоветов Школы-студии МХАТ. 1954 год.

непоправимое? На каком-то неприметном вираже обронили нечто главное и не заметили потери? Или какие-то принципы за ненадобностью отвергли? И возникли проблемы в самом процессе обучения, когда не волнуют вопросы, кого учим, для чего учим. Школа – чёткое государственное устройство. Только сохранив традиции этого устройства, государство имеет будущее. Нет корней – нет завтрашнего дня. Если перечеркнуть прошлое, то, кроме эфемерных надежд и крайне подозрительных саженцев, ничего не возникает. Примеров разрушения школы, будь то наука, промышленность, военная отрасль, гуманитарные дисциплины, в истории было немало. Как и ложных путей развития. Жаль, что никто не подсчитал реальных потерь при этом. Словно не видим сегодня, что неудачный опыт может замедлить как развитие, так и преобразование. В начале 90-х годов Олег Борисов, выпускник Школы-студии МХАТ, пророчески заметил: «Посмотри, сколько кругом дырок, пустых человечков. Вот было время актёров, а потом не будет. Новые люди на земле настанут: всё больше числители, но не знаменатели. И все потом спохватятся и захотят снова актёра. Дайте нам, дайте! А уже – шиш, не воротишь, моё почтение!»⁴.

В сегодняшних размышлениях о театральной педагогике необходимо помнить главный принцип работы Школы-студии МХАТ тех лет: *художника делает художником воля ученика и качество образования*. Условие, существующее в нерасторжимости двух начал. Только в этом взаимодействии раскрывается талант и формируется профессионал. Ремеслу талант не нужен, а таланту ремесло необходимо. Учителя Табакова были не просто педагогами, но и воспитателями, а это сочетание – важное в процессе обучения. Сам процесс обучения был столь заразителен, что студенты, окончив Школу-студию, поработав год-другой в театре, возвращались в студию, начинали интересоваться вопросами педагогики, включались в процесс преподавания. Здесь же проходили начальные этапы режиссуры. В стенах Школы-студии зарождались новые идеи и замыслы, достаточно вспомнить Олега Ефремова, чьи спектакли с участием студентов, положили начало будущего «Современника». Это был органичный процесс, так связь времён не распадалась. Подобная практика, кстати, существовала и до революции, когда старые актёры привлекали своих недавних учеников в педагогику. Делом чести в театре считалась передача личного умения и знания следующему поколению. Думается, за годы учёбы Олег Табаков крепко усвоил истину, что продолжение тебя возможно только в детях и учениках, не случайно он так рано начал преподавать.

Как же они верно учили! Соотнеся все предметы с единым методом, методом Художественного театра, заботились не только о профессионализме будущих актёров, стремились воспитать людей ответственных, требовательных. Но они не «тянули» учеников к своему пониманию, какое-то время не учили ученика, а серьёзно и глубоко изучали его личность, возможности, перспективы, умели выжидать, не торопить события. А это, как известно, требует терпения, выдержки.

Один из педагогов на педсовете после второго курса записал: «Олег Табаков вырос, его детский лепет исчез, он вырос и человечески, и в смысле знаний, и в умении мыслить самостоятельно. Заметен рост внутренней культуры»⁵. Мхатовские педагоги действительно были озабочены разви-

⁴ Олег Борисов. «Отзвучья земного». Автор Алла Борисова. Москва. АСТ «Земра», 2010 стр. 118.

⁵ Музей МХАТ. Протоколы заседаний педсоветов Школы-студии МХАТ. 1954 год.

ем мышления студента, упорно вели его к пониманию глубины гуманитарных ценностей. Ум и талант не всегда совмещаются в человеке. Есть хорошая поговорка: «Чем глупее фермер, тем крупней картофель». Так часто бывает в искусстве. Но искоренение просветительской доктрины мешает таланту стать личностью. А талант необходимо сделать личностью! Чтобы ему ничего не мешало, чтобы техника его никогда не связывала. И вряд ли в спектакле результаты будут серьёзными, если артист в обучении получится хороший, а человек останется поганый. Лучше, если студенты с помощью педагогов будут формировать себя и как люди. Сегодня, когда вокруг много гадо-сти, без хороших людей просто не выжить.

Как другие мальчишки, приехавшие из провинции, Табаков жадно вбирал в себя Москву. Вбирал всё: и спектакли МХАТ, на сцене которого играли педагоги, и театральное общежитие, где жил на стипендию, и улицу Горького. Ходил в музеи, смотрел фильмы, читал книги, о которых до недавнего времени не ведал, его интересовали стихи ровесников – Евушенко, Вознесенского, Рождественского. Заводил новые московские знакомства, был открыт миру и окружающим. И не могли у педагогов долго оставаться незамеченными его хитрая наблюдательность и любопытство к жизни. Заметим, любопытство – первое качество актёра. Разумеется, добросовестного актёра, внимательно изучающего как события, так и людские повадки, чтобы правдиво имитировать их. Стенограммы педсоветов Школы-студии сегодня удивляют. Как же известные актёры были трогательно честны и принципиальны, самокритичны, как видели каждого ученика, умели возбудить в молодом человеке интерес не только к профессии, но к самой жизни, без знания которой в театре работать бессмысленно. Последнее есть отправная точка воспитания будущего актёра, потому что артист не профессия, а призвание. И мастерство – не только усвоенные ремесленные навыки, а заряженность реальностью и временем, когда собственная жизнь артиста, его знания, наблюдения, опыт, жизнь, прожитая так, а не иначе, является материалом творчества.

В будничной круговерти расслабляться не позволяли ежедневные уроки профессиональных дисциплин. Одна из них оставалась заботой Олега Табакова всю жизнь. Сетования на то, что современные актёры, за редким исключением, говорят плохо, стали общим местом. Досаду вызывают многие. Часто не слышно не только слогов и слов – не слышишь мысли. Все стараются имитировать жизнь, как она есть. Получается не правда и непосредственность, а дурной натурализм, противопоказанный сценическому искусству.

В размышлениях о состоянии современного русского языка есть одно наблюдение: он переживает неблагоприятные времена. Причём на всех уровнях. Речь его носителей теряет грамотность, внятность, достоинство. Началось это в конце 80-х, когда очередная революция сломала не только устройство общества, быт его обитателей, но и само общение людей. Существует, вероятно, какая-то невидимая связь между нашей распавшейся жизнью последних десятилетий и отброшенными правилами, ослабевшей грамматикой, что до сих пор находит отражение в несогласовании падежей, чисел, в чудовищном синтаксисе. На сцене слово всё больше вытесняется чередой стремительно сменяющих друг друга картинок. Зрителю стало легче и проще видеть, чем слушать, слышать, а значит – думать. Но основа драматического искусства – слово. С потерей слова, заменой его обнажёнными, невымытыми, некрасивыми телами, откровенными касаниями и трениями сам театр стал малопривлекательным.

Считается, главное – донести информацию как можно быстрее, а насколько она важна и нужна, исполнитель не думает. Актёров, «с упорством и самозабвением верующих в чудесную силу красивого слова», сегодня единицы. Олег Табаков принадлежал к ним, редким единицам.

«В начале было Слово...» – этого ещё никто не отменял. И точная работа со смыслом, бережное отношение к звучанию слова – это сохранение нас самих: нация, народ сохраняет себя, когда у него есть история, которую он знает, традиции, которые чтит, и *язык*. Как известно, в России театр больше, чем просто театр. Мало стран и народов, которые так полно выразили себя через театр. Этому способствовали значение театра в обществе и, конечно, язык. Его ритм, звучание, интонация, гибкость способны передать русскую душу, тайну которой пытались разгадать. А для этого актёру надо быть не только исполнителем, но и думающим, мыслящим человеком. Если хотите, отчасти философом. Впрочем, и зрителю это не помешает. Вообще всем нам. Беда не в том, что мы впускаем в себя слишком много информации, а в том, что большая её часть нам не нужна. Сохранить ясную голову можно, только научившись избегать приблизительности, осторожно обращаться с современной лексикой. Не случайно на государственном уровне во Франции запретили использование иностранной лексики, если есть аналоги в родном языке. Исландцы, к примеру, тоже пытаются заменить такие привычно интернациональные понятия, как компьютер и телевизор, на слова, имеющие корни в их родном языке. С опозданием в четверть века наконец был поднят разговор о неблагоприятном состоянии русского языка и в России, вдруг разом, на всех уровнях представители власти осознали, что вопрос о языке – это политика, проблема государственной важности. Актёров старшего поколения, Табакова в частности, все эти процессы словно не коснулись как в молодости, так и в старости. В этом заслуга педагогов, в том, *как* учили. Кстати, в числе педагогов Олега Павловича был знаменитый мастер художественного слова Дмитрий Журавлёв. Предмет, который совершенствовал речь будущих актёров, тогда назывался «Дикция». А ещё существовала дисциплина «Актёрский голос». Когда читаешь темы экзаменов по дикции, понимаешь, что полученную выучку в молодости сбить в последующие десятилетия удастся немногим. Знаю, что сейчас многое преподаётся на уровне сведений, никогда не была на экзаменах, которые каждый студент *индивидуально* обязан сдать по темам, которые звучали так: «Старомосковское произношение окончаний **«кий, гий, хий»**, суффиксов **«кива, гива, хива»**; «Правильное произношение слов **«коли, хоть, мол, чай»**; «Старомосковское произношение глагольных окончаний **«сь, ся»**; «Произношение слов **«кабы, коли, да, так, стало быть»**; «Сочетания **«сч, зч, тч, дч»**; «Смягчённое **«ть, дь»**».

Пословицы, поговорки, стихотворные тексты, фразы из пьес Грибоедова, Гоголя, Островского, специальные тексты – были материалом, на котором оттачивалось умение будущих актёров. Попробуйте сбейте с пути актёров, сдавших данные экзамены, заставьте их поставить неправильное ударение или скомкать окончание слова!

Когда спросила нынешнего педагога, что это за дисциплина «Актёрский голос» – получила ответ: «Сейчас это часть дисциплины «Сценическая речь». А тогда в стенограммах педсоветов шло серьёзное обсуждение задач не только по проблеме «поставленный голос», а изучался принцип звукоизвлечения головной и грудной регистрами. Смотрели, оценивали не только

каждый курс, но и конкретного ученика. Учили, исходя из содержания речи и обстоятельств, вовремя переходить в тот или иной регистр, тем самым понижая или повышая громкость и силу голоса, меняя темп речи, учили правильно дышать, ощущать, что твой голос слышен в дальнем уголке зала.

Выразительность зависит не только от техники, но откуда исходит голос, из какой физической глубины. Как точно заметил один педагог, «глубина требуется душевная», как сочетаемость речи и пластики. Дыхание в роли совсем не такое, как в жизни, на сцене много вздохов, междометий, пауз. И так важно в этих ситуациях сохранять крепкую логику, органику, живое рождение мысли, особенность авторского синтаксиса. Это требует осмысления, ибо нельзя изречь мысль, не осмысливая свою речь. Кроме всего прочего, культура сцепления слов и – очень существенно – произнесения передаёт стилистику произведения. А стиль автора проявляет неповторимое видение действительности, основные темпо-ритмические характеристики как персонажа, так и актёра, поэтому голос должен быть вне бытовых примет. Тогда актёр будет «словом одаривать, мыслью – жить». В Школе-студии МХАТ в те времена методика работы была направлена на то, чтобы сделать голос красивым, без тусклых, белых звуков, благозвучным для слушателя, вызывающим доверие и симпатию. Красивый голос делал актёра более интеллигентным, создавая ощущение, что тот не из толпы. Голос, конечно, может звучать по-разному, но его краски всегда налицо, палитра устойчива, поэтому педагоги, изучив природные данные студента, заботились и работали над тем, чтобы голос был *индивидуально* красивым. Личная и узнаваемая интонация – фирменный знак большого артиста. Речевая сущность актёра складывается из биографии, национальности, любимых книг, эпохи, убеждений. Вспомним их, выпускников школы того времени – Урбанский, Гафт, Табаков... Мы их узнаём по голосу с одной-двух фраз. Как никогда не забудем творческие вечера Валентина Гафта, поэтические программы Евгения Урбанского, а чтение произведений Твардовского, Чехова, Толстого Олегом Табаковым – это страница, требующая отдельного разговора. На одном из уроков, когда зашёл разговор о важности голосового инструмента в профессии актёра, Табаков вспоминал:

Впервые власть голоса над живыми существами я ощутил в пять лет. Большой телёнок бодал бабушку и прижал её к забору. Я вскарабкался на пенёк и заорал во всю мощь детских лёгких. К моему удивлению, телёнок испугался и убежал.

Ещё был случай, когда многими годами позже, на гастролях в Америке после спектакля я шёл с девушкой. За нами увязались два здоровенных негра. Мы прибавили шаг, они не отставали. Я в тот момент забыл, а ведь предупреждали, когда приехал: не ходите по вечерам тёмными улицами. Прислушался. Обсуждают прелести данных моей подруги. Громко обсуждают. Когда приблизились, понял, что в следующее мгновение они её схватят. И тогда непроизвольно заорал пятиэтажным матом, выученным на школьном дворе под руководством саратовских уркаганов. Негры опешили. То ли от мощи русского мата, то ли от выразительности моего голоса. Словом, сильно спёртый дух русского человека обладает неповторимыми своими возможностями.

Русская классическая педагогика отмечает две причины неудовлетворительной учёбы. Это – недостатки в интеллектуальном развитии и лень. Сам Олег Павлович, признавался, что первые полтора года он не то чтобы лодырничал, «но испытание свободой выдержал не сразу. Просто учил»

ся так себе... всё больше по девицам, меня они привечали. И я сам уделял внимание девушкам-старшекурсницам гораздо больше, чем преподавателям. Но умудрялся держаться на поверхности, природа, органика выручала, отрывки отрабатывал довольно успешно. Происходящее вокруг казалось счастливым. Весело было, радостно».

Сказанному веришь, что подтверждают первые экзамены. У него, в отличие от однокурсников, только один этюд по мастерству. А в весеннюю сессию первого курса Табаков читал не Горького, Панову, Киплинга, Паустовского, Чехова или Толстого, как его однокурсники, а отрывок из повести Николая Носова «Витя Малеев в школе и дома». Можно в очередной раз улыбнуться и вспомнить шею тридцать седьмого размера. А можно обратить внимание, как через год, когда пришёл преподавать на курс Дмитрий Журавлёв, на экзамене второго курса Табаков читал «Гомеровский гимн Гермесу», пушкинскую «Сказку о попе и о работнике его Балде» и отрывок из романа А. Толстого «Пётр Первый». Вектор поставленных задач задан внятно (от романтизма до острой характерности), и потенциал возможностей «самого младшенького», как о нём говорил один из педагогов, ощущался огромный. Время весьма скоро это подтвердило. Да, на фотографиях тонкая шея тридцать седьмого размера, о которой Табаков помнил всю жизнь, делала его похожим на подростка. Рядом с Евгением Урбанским он словно ребёнок, требующий защиты. Может быть, поэтому педагоги закрывали глаза на многие шалости, розыгрыши озорного парня, впрочем, отмечая яркое чувство юмора у автора проказ. Играя, дурачась, Табаков быстро вырос, там, где от него ничего не зависело, он не переживал за исход.

Пройдёт несколько лет, и эти двое, Урбанский и Табаков, сойдутся в жёстком, непримиримом споре. Режиссёр Григорий Чухрай сведёт их в фильме «Чистое небо», эти лица станут «не только узнаваемыми, но знаковыми». Мальчишка Сергей Львов – Олег Табаков, и вернувшийся из плена лётчик Астахов, два страстных темперамента, один взрыв против другого. В образе Серёжи Львова была воплощена попытка публицистически осмыслить новые жизненные явления, хотя роль была замечена, в ней была живая предтеча целой плеяды отличных современных ребят, не согласных ни на какие уступки совести и духовные компромиссы. Безымянные прототипы Серёжи Львова, требующие правды с максималистским напором юности, сидели в зрительном зале. Имя им было – легион. Мальчишка спорит яростно, беспощадно задаёт вопросы: почему, зачем, кому, – на которые у старшего нет ответа.

Астахов, внутренне соглашаясь, тяжело, «на предельном накале» отказывает младшему в праве задавать вопросы, оправдывает свою «несправедливую, сверху посланную судьбу». В незагримированных лицах вчерашних однокурсников была историческая правда времени и судеб. Как сказал поэт:

*В этом фильме атмосфера
Непредвиденных потерь.
В нём живётся не так серо,
Как живётся нам теперь.
В этом фильме перспектива,
Та, которой нынче нет.
Есть в нём подлинность мотива,
Точность времени примет.*

Фильм закрепил и амплу за актёрами. Табаков ещё некоторое время будет играть мальчиков, задающих неудобные вопросы, держась принципа «хочу быть честным», а Урбанский – роли мужчин, мощных по вере и принципам, гражданским идеалам, которых жизнь заставляла на изломе принимаемых решений.

Беспечность существования в Школе закончилась, когда до Табакова дошла очередь индивидуальной работы с Мастером. Руководитель курса был обязан с каждым учеником сделать хотя бы одну работу – это закон. «Золотой старик Топорков» к встрече с Табаковым выбрал отрывок из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», сцену Хлестакова и Осипа. Здесь начался разворот на путь к сокровенным тайнам профессии, открылась любовь к русской школе драматургии и театральной игры. Топорков после экзамена с удовольствием заметил: «Ну, в комедии вам хлеб обеспечен!» Про этот критерий сам Табаков впоследствии часто вспоминал на разные лады. Коллегам-педагогам: *«Мы обязаны научить студентов зарабатывать профессией. Без этого все наши усилия напрасны»*. Ученикам: *«Продавать нужно профессию, а не себя»*. Работа стала заметным событием на курсе. Гоголевская комедия Табакова увлекла на всю жизнь, он не раз сам поставит «Ревизора», сыграет Хлестакова, став европейской известностью, а тогда на экзамене второго курса случился перелом, осознание серьёзности будущей профессии.

Когда сыграл отрывок из «Ревизора», вдруг услышал, что я талантлив. Представьте, вслух громко сказали, что я талантлив... это дошло до моего самолюбия, и я стал серьёзно относиться к профессии. Я начал ощущать уверенность в себе и всё более увлекался тем, что ныне называю технологией профессии. С какой-то радостью и неожиданно для себя я открыл возможность заниматься, приобретать знания, обогащаться ими человечески и артистически.

Топорков был для меня больше, нежели только учитель. Он доверял мне. Призывал смело работать над поисками внешней характеристики. Такое доверие мастера льстило и как бы окрыляло. Каждая встреча памятна, она возбуждала воображение, будила фантазию. Когда он приходил в отчаяние от нашей тупости и бездарности, то начинал вдруг что-то делать сам. Читал басни. Или однажды на репетиции «Ревизора» стал декламировать «Вечера на хуторе близ Диканьки». Меня тогда посетила настоящая галлюцинация: перед глазами горы дынь, арбузов, возникли запахи... Это было видение, мираж. Чудо.

Вот он, открытый мастером закон, который актёр не просто должен знать, но уметь и воплощать. Связь слова и зрения крепкая и всегда конкретная. Вы называете предмет, и одновременно возникает «картинка». При обращении к кому-то этот внутренний процесс играет огромную роль, именно конкретность представления предмета, о котором идёт речь, делает мысль зримой, оцущественной, побуждает собеседника вслушаться, а не просто слушать. И если, согласно Фёдору Шаляпину «жест – движение души, а не тела», так и слово воздействует не только по смыслу и задаче, но и по видению. Речь каждого из нас – своего рода «кинолента», слова возникают как «шорох кинолентин».

Благодарная память входит в число добрых свойств Олега Павловича, но любопытно, замечал ли тогда Табаков, что в пронзительном, искромётном искусстве его мастера «меньше всего от исповеди. Наставление из рук в руки «влазь в шкуру действующего лица» – совет замечательный, но вряд ли столь «однозначно внятный, как принято думать». Вопрос даже

не в пресловутой иголочке, которую нельзя просунуть под шкуру играемого персонажа, «вопрос в том, как «шкура» соотносится с самораскрытием, с исповедническим или проповедническим началом, как она может обеспечить непроницаемость собственной природы»⁶. Спустя годы об этом он будет размышлять вслух со своими учениками. А тогда вряд ли он видел, что в искусстве его мастера меньше всего от исповеди, завораживала сама «шкура роли», столь плотно натянутая и артистично носимая.

Курсовая работа над Хлестаковым в истории Школы обросла легендой, но так и осталась курсовой. Хлестаков стал для Табакова как бы ролью-ключом к его артистической природе, ролью-ключом, которой ему на родной сцене не давали и не давали. О том, как и почему не давали – отдельный сюжет и отдельный рассказ. О той студенческой работе известный критик Инна Натановна Соловьёва замечает: «То, что делал Табаков в роли, невольно вызывало в памяти имя Михаила Чехова, тогда всплывавшее редко, почти запретное. В чём сходство, забывали – или – боялись рассказать»⁷. Заметим, первой это сходство заметила ученица Михаила Чехова Елена Петровна Пестель. Она вернулась тогда из ГУЛАГа, отсидев «своё», увидела Табакова в работе, которую он делал с Топорковым, и сравнила его с Михаилом Александровичем Чеховым! Спустя десятилетия актёр признался: *«Как же я был тогда счастлив! Но никому об этом не рассказывал. Сам, наверное, не верил тому, что услышал».*

На третьем курсе Табаков уже получает именную стипендию Николая Хмелева, она была вдвое больше обычной. Росли не только ощущение признания и уверенность, но расширялся круг друзей, знакомых, людей сыгравших не последнюю роль в становлении личности. Как и многие студенты, учась на старших курсах, Табаков жил в общежитии в комнате на пять человек. Это была знаменитая «Трифопога» на Трифоновской улице.

Однажды я заболел. Серьёзно. Температура несколько дней не спадала, и тогда моя однокурсница Сусанна Серова, не принимая никаких возражений, вызвала такси и отвезла к себе домой. Когда стал выздоравливать, мне совершенно спокойно предложили пожить в одной из комнат. Это была огромная квартира потомков великого русского художника Валентина Серова. Жила там большая и дружная семья. Настоящие русские интеллигенты, умные, воспитанные, работающие. Здесь берегли и чтили семейные ценности, культурные традиции, сохранившиеся с дореволюционных времён. Помню встречу Рождества, когда все готовили подарки друг другу, и масленицу, которую встречали шумно, весело, с блинами и цыганами. В этом доме я ощутил, сколь важны духовные скрепы в семье. Здесь я познакомился с внучкой художника, Ольгой Александровной Хортик, ещё одним моим жизненным «университетом». Несомненно, многое взял от мамы, Саратовова и, конечно, Олечки... Олечка Серова... Небольшая седая шатенка, замечательные добрые глаза. Она была переводчицей с французского, долгие годы работала над составлением фразеологического словаря. Она открыла для меня мир живописи, классической музыки. С ней я посетил впервые консерваторию. Поверьте, а мне было 19 лет, играл в тот вечер неслабый пианист Лазарь Берман. Его дразнили

⁶ Олег Табаков. Юбилейное издание к семидесятилетию артиста в трёх книгах. Редактор-составитель Л. Богова. Москва, МХТ, 2005.

⁷ Там же.

«семилетний Лазарь», лицом он был не слишком хорош. Так вот, я заснул примерно через 10 минут музицирования. Она не подтрунивала, спокойно объясняла, зачем необходимо слушать будущему артисту симфоническую музыку. Терпеливо готовила, что мы будем слушать в следующий раз, о чём композитор сочинял то или иное произведение. И ведь спустя полтора года стремление ко сну на музыкально-симфонических концертах у меня пропало.

Мое гражданское самосознание тоже во многом от Олечки. Когда вспоминаешь те годы, сразу возникают щемящая печаль, боль, замешанная на мечте, любви тех лет к нелепым, родным и близким судьбам. Многие ведь верили, что надо сохранить идеалы отцов – это главная задача поколения. Большевики – отцы – они «вечно живые». Надо только нам самим быть лучше, чище, честнее – и весь мир станет обществом коммунистического братства. Надо быть «в поиске радости». Чудовищные нелепости мировоззрения. Ненавидели сталинских палачей, идеализировали Ленина, Кирова, пели Светлова, романтизировали погибших на войне и умерших в лагерях. И не видели глубинной связи Ленина, Троцкого и Сталина. Будущее своё связывали с «исправлением недостатков» и корректировкой курса партии, с укреплением культа Маркса и Ленина. Мы сами ковали себе тюремные двери – более цивилизованные, но такие же крепкие, как и прежние. Но как мы были счастливы, как пафосны, как горячо любили, верили! Дай Бог пережить любому поколению эту веру и надежды.

На третьем курсе меня пригласили в кино. Студентам сниматься было запрещено под угрозой отчисления, но, вопреки правилам и логике, мне сделали исключение.

Ещё одна удивительная встреча. Михаил Абрамович Швейцер, классик советского кино, его Табаков считал своим крёстным. Это была бесценная школа работы в кинематографе. Тщательностью подготовки режиссёр сумел привить вкус к настоящему пониманию особенностей кинематографа как искусства.

Мечталось тогда о многом, исполнитель уже видел своих родных и педагогов в кинозале, но не случилось. Картина с названием «Тугой узел» по повести известного писателя Владимира Тендрякова пролежала на полке три десятка лет. Первоначальный вариант зритель увидел уже в 1989 году, а тогда после пересъёмок, доработок фильм вышел в ограниченный прокат под названием «Саша вступает в жизнь». До Саратова фильм не дошёл. Как признавался потом Михаил Абрамович, именно на этой картине он дал себе слово больше не работать с современным материалом.

Между тем педагогов съёмки студента, как и прочие заботы на стороне, мало интересовали. Отчёты, зачёты, показы шли свои чередом и требовали постоянного внимания и собранности. Что играл студент Табаков? После отрывков из пьес М. Горького «Враги» (рабочий, педагог С. Блинников), К. Федина «Первые радости» (Кирилл Извеков, педагог Б. Вершилов), А. Чехова «Чайка» (третий акт, Треплёв, педагог С. Марков) приступили к подготовке дипломных спектаклей. Вот отпечатанная на машинке программа – дипломный показ отдельных актов, Табаков – Беляев в третьем акте «Месяца в деревне» (педагог С. Блинников). Роль как нельзя лучше по физическим данным актёра: студент, даже студентик, свежий, лёгкий, полон кипучей энергии, которой полна беззаботная молодость.

«Обольтительный, без желания обольтить. Женщины сходят по нему с ума тем быстрее, что сам объект внимания даже мысли не допускает о чём-то подобном. Это в Табакове очень даже было»⁸...

Играть на экзаменах А. П. Чехова было почти традицией: «Вишнёвый сад» шёл на основной сцене, а в стенах студии работали студенты третьего курса. В этом спектакле впервые на сцене встретились Евгений Урбанский (Лопухин) и Олег Табаков (Петя). Над постановкой работали несколько педагогов. Ставили спектакль В. Топорков, П. Лесли и А. Карев, речью персонажей занимались Е. Губанская и Д. Журавлёв, а манерами Е. Никулина. Сегодня трудно по протоколам педагогического совета определить, кто над каким актом работал, такое ощущение, что Чехов в стенах Школы присутствовал постоянно, уходили выпускники, вводились младшие. На пьесах Чехова учили, Чеховым проверяли, неволью заставляя взростеть, умнеть и чувствовать себя уверенней. Описание спектакля не сохранилось, но он получил высокую оценку и у педагогического состава, и у комиссии Министерства культуры. На фестивале «Московская театральная весна» оба, и Табаков, и Урбанский, получили награды – именные часы.

Прекрасная храбрость неведения в молодости, готовность с ходу отозваться на неожиданное предложение, мобильность были востребованы, и Табаков выпускался, будучи занятым во всех дипломных спектаклях. В спектакле по пьесе Алехандро Касоны играл Директора, роль на вырост, а в «Фабричной девчонке» А. Володина – своего ровесника, курсанта морского училища Федю. И если соученики мучительно размышляли над тем, кто и куда отправится после окончания Школы-студии, кому придётся уехать, а кто останется в Москве, Табаков мог не тревожиться, пригласят его или не пригласят, доучиваясь, он знал своё будущее место. Он не был ущемлён, как Олег Ефремов, тоже ученик Топоркова, выпускник предыдущего курса. Отсутствие приглашения во МХАТ Ефремову казалось катастрофой, он помнил об этом всю жизнь, поклялся, пойдя по распределению работать в Детский театр, что обязательно вернётся и будет работать во МХАТе. Табакову приглашение как раз поступило, но мудрый «дед Василий», как его называл Олег Табаков, спросил художественного руководителя Михаила Николаевича Кедрова: «А что он будет у вас играть?» Тот ответил: «В первом сезоне Федотика в «Трёх сёстрах». Проживший долгую жизнь в театре, практичный Топорков парировал: «А через три года Лариосика! Не надо ему идти во МХАТ. Актёр играть должен». Осталось без отклика и приглашение в Московский драматический театр имени К. С. Станиславского, потому что в год выпуска состоялась встреча с человеком, определившим творческую судьбу на несколько десятилетий.

Дипломный спектакль по пьесе А. Володина «Фабричная девчонка» ставил Олег Ефремов, выпускник 1949 года, актёр Центрального Детского театра. Преподавать в Школу-студию он пришёл через два года, сам выразив желание заняться педагогикой. На курсе Табакова формально он был всего лишь одним из педагогов. А по существу да и по естеству своему был Вожак. Трактовку значения этого слова даёт И. Н. Соловьёва: «Русское слово «вожак» и английское слово «лидер» – полные кальки одно другого, и всё же есть оттенок. Лидер ведёт – за вожаком идёшь сам, хочешь идти. Идём все вместе, радуемся тому. Весело идём». Спустя годы сам Таба-

⁸ Олег Табаков. Юбилейное издание к семидесятилетию артиста в трёх книгах. Редактор-составитель Л. Богова. Москва, МХТ, 2005.

ков признаётся: «Он был первым среди нас не по должности, а по любви. По сути, влюблённость в педагога есть защитная прививка против пошлости, глупости, против дурной заразы в профессии».

Пьесы Александра Володина к моменту постановки «Фабричной девчонки» вместе с тонкой книжечкой его рассказов с 1955-го ходили по рукам. Это был первый звёздный час драматурга, второй наступит тридцать лет спустя. Володину выпало обновить театр к концу пятидесятых годов. В чём таилась новизна? Казалось, что на сцене присутствовал знакомый быт, но быт не приземлённый, в нём не было привычной тяжести. Это был быт, который незаметно перетекал в бытие. Жизнь шла словно в замедленной съёмке, всё началось когда-то давно и никогда не кончится. Как пишет об этом зритель тех лет И. Н. Соловьёва: «Вещи и люди встречались в опрозраченном пространстве сцены, звук и свет вибрировали, музыка входила и выходила, речь шла не только о новизне житейской материи, но о способе письма, о гибкости драматургической ткани». Какие-то словечки, чёрточки обихода, мелочи поведения присутствуют внятно, но не ненавязчиво. Безоглядное восстановление бытовых подробностей убивает поэтическую правду, поэтому подробности времени оставались в штрихах и намёках. Загораживал ритм повествования, быт на глазах перетекал в бытие, смысл укрупнялся, выходил за рамки конкретного сюжета, не впрямую, а исподволь возникало ощущение, что реальность требует перемен»⁹.

Вряд ли в спектакле О. Ефремова было резкое осуждение советской действительности, не стоит забывать, что спектакль ставился в стенах учебного заведения. Но какая-то концентрация жёсткости в режиссёрском жесте, когда понимание того, кто прав и кто виноват, вероятно, ощущалось. Мы против «освобождённого комсорга», который карьерист, трус, дурак. Против стервочки Надюши, тихонько строящей свою жизнь, она в спектакле была «стерва», без уменьшительных суффиксов, и никогда своего Федю не любила. Прочитируем опять И. Н. Соловьёву: «Режиссёрский жест у Ефремова тут жест наотмашь. Вообще-то у автора жест совсем другой, но дружбе Ефремова с Володиным это не помешало»¹⁰ Стоит заметить, что драматургу всегда бывало занято, как его пьеса в театре переиницируется.

Олег Табаков играл этого Федю, курсанта морского училища, которого обманывает Надюша и то ли жалеет, то ли полюбила Женька Шульженко. Категоричный режиссёрский ход этой роли как раз не задевал. Табаков играл верно «по жизни» и с верным чувством автора. Как и другие поздние сюжеты, рассказанная история в «Фабричной девчонке» печальна, но хмуриности не было, часто просвечивал юмор, и люди выглядели трогательно. Курсант, конечно, замуштрован (и дрессура военного училища, и дрессура материнская, и дрессура Надюшина), но лёгкий почерк драматурга давал ход импровизации: юноша в форменке, русский мальчик тридцать пятого, или тридцать шестого, или тридцать седьмого года рождения на randevu. Героиня Женька – лёгкий человек, все её реплики словно рождены в импровизации, здесь и сейчас. Вокруг неё кипела жизнь, но это не значит, что она была счастлива – очень может быть, что наоборот.

Обратимся к свидетелю тех событий – видеовой спектакль в середине прошлого столетия Инне Натановне Соловьёвой: «Импровизация на тему

⁹ Олег Табаков. Юбилейное издание к семидесятилетию артиста в трёх книгах. Редактор-составитель Л. Богова Москва, МХТ, 2005.

¹⁰ Там же.

человека, который не подготовлен к импровизационному способу жизни. Готов такой способ жизни порицать. Пленяется им. Пробует. Не очень получается. Наверное, так и не получится. В Табакове начало импровизационности и подвижность в любых переходах – природный дар; он лёгок в переходах внутри роли и в переходах от роли к роли; в любой приземляется, как кошка, на четыре лапки. Бросят, раскрутивши, – всё равно на четыре лапки. Неизвестно, получает ли свой кайф кошка, которую так бросают; Олег, по его давнему признанию, свой получал. Он вступал в профессию, когда к импровизационному способу советская сцена была подготовлена так же мало, как и советское существование»¹¹.

Школа обучения Табакова, бесспорно, была театрального происхождения, где ценились психологическая тонкость, естественность и органичность существования, изящество, непрерывность жизни в образе. Но приветствовалась и лёгкая, непринуждённая импровизационность, которая даёт образу конкретность бесценных подробностей. Напомним, Табаков поступил в Школу-студию в 1953-м, окончил в 1957-м, в этом промежутке произошли два главных события страны: смерть Сталина и XX съезд партии, на котором прозвучал доклад, осуждающий культ личности. Больших структурных преобразований в обществе не произошло, а вот ослабление идеологических тисков, облегчение «жизненной позы» проявлялось как в быту, так и в искусстве. Смешно было совсем отрицать политизацию, идеологическое напряжение тех лет, но вслух думать, обсуждать, спорить, не соглашаться с тем, во что не веришь, уже было можно.

На педагогических советах стали звучать имена, долгие года находившиеся под запретом. Заведующий кафедрой искусствознания, читавший в Школе-студии историю МХАТ профессор Виталий Яковлевич Виленкин, принимавший активное участие в создании «Современника», одним из первых признался: «Система Станиславского в том виде, в каком она вошла в массы, стала разменной монетой, из неё выхолощено всё. Она не изолирована от того, что за это время наше искусство пережило. Я предлагаю кафедре мастерства в будущем году возглавить изучение работы Мейерхольда, выяснить, что там полезное, а что вредное. Запретный плод Мейерхольда вызывает у студентов много странных представлений. Сегодня разговаривал с Олегом Ефремовым и занятыми ребятами в готовящейся постановке «Вечно живые». О чём шла речь? На вопрос о поставленных задачах услышал от него: «Мы хотим создать не формалистический спектакль, но очень яркий по форме, а что такое формализм в творчестве – по-настоящему не знаем». То, что я увидел на репетиции, было вполне реалистично, даже с перегибом в почти натуралистические вещи. Вместе с тем, если не ошибаюсь, там интуитивным образом студенты сами подошли к «методу физических действий» (*театральный термин, понятный всем в театре, когда через этюды достигалась правда переживания.* – А.Б.). Спектакли выпускников демонстрирует высокий уровень по толкованию и решению образов, профессиональная подготовка удовлетворяет, но их психологическое самочувствие, воспитание высокой этики гражданского долга ещё не всегда удаётся, не к каждой творческой индивидуальности нам удалось подойти»¹².

¹¹ Олег Табаков. Юбилейное издание к семидесятилетию артиста в трёх книгах. Редактор-составитель Л. Богова. Москва, МХТ, 2005.

¹² Музей МХАТ. Протоколы заседаний педсоветов Школы-студии МХАТ. 1956 год.

Ещё два года назад представить упоминание имени Вс. Мейерхольда в стенах Школы-студии было трудно. Как и зарождение нового театрального организма внутри Студии молодых актёров. Состоялось это опять же при участии педагогов, организационном содействии ректора В.З. Радомысленского и идейной поддержке В.Я. Виленкина. Возглавил Студию Олег Ефремов. В 1955 году в крошечной аудитории № 1 Школы-студии МХАТ Ефремов приступил к репетициям пьесы «Вечно живые» Виктора Розова. Как запальчиво впоследствии признался О. Табаков, *«Ефремов призвал нас под свои знамёна, дабы выяснить, кто же есть подлинный наследник реалистического психологического театра, именуемого МХАТом. Он действительно доказал, что значит быть верным учению Станиславского: не букве, а духу».*

Начинали студийцы с бессонных ночей – о них многие знают, с бесконечных споров – числа им не было, и, главное, – с мечты, с робкой надеждой, что они исполнятся. Каждый из участников приносил на репетиции не просто желание играть, а стремление участвовать в строгости своего дома. Недовольство тем, как жил репертуарный театр, было общим. Раздражали фальшивость репертуара, пафосная манера существования актёра на сцене. «Олег, – вспоминает Лидия Толмачёва, – был озабочен тем, чтобы актёры и зрители были эмоционально едины, чтобы происходящее на сцене затрагивало каждого сидящего в зале. Поэтому возник новый язык человеческого общения на сцене, интонации которого были вдумчивые, серьёзные и лишённые привычного театрального пафоса»¹³. Репетировали пьесу Розова ночами, днём многие участники, как Галина Волчек и Игорь Кваша, ещё учились, другие, как Лиля Толмачёва, работали в театре. Студента третьего курса Олега Табакова в творческое сообщество пригласил Игорь Кваша. Как самому младшему, Табакову в будущем спектакле была поручена небольшая роль студента Миши.

«В ходе долгих ночных бдений я, не дождавшись своей очереди репетиции, открыто засыпал, – вспоминает студент третьего курса, – а проснувшись, каждый раз испытывал радость от того, как хорошо играют мои товарищи. Я чувствовал себя совершенно счастливым. Конечно, не в последнюю очередь опять-таки благодаря тому, что был самым младшим участником предприятия и чувствовал постоянную заботу Гали Волчек, Лили Толмачёвой, Жени Евстигнеева. Иногда к нам приходил на репетиции автор Виктор Розов, который однажды сказал: «Нужен герой-современник, с которым знаком лично, в которого веришь не по традиции, не потому, что в него верили твои отцы и деды, а потому, что ты узнаешь этого героя сам...» Это было и кредо самого Ефремова. Ещё одна дорогая многим моим ровесникам утопия, без которой нельзя представить творческих людей 50-х годов».

Отметим, что присутствующий на репетициях Виктор Розов молодого выглядевшего Табакова сразу заметил, хотя сначала воспринимал как «мальчика-школьника». Но позже в воспоминаниях признаётся, что очень скоро понял, насколько одарён этот самый «школьник». И «школьнику», и тем, что были немногим старше, проблема пьесы была близка и понятна, все они пережили самую страшную войну в истории человечества, знали не по учебникам, какими жертвами оплачена победа, поэтому никакая

¹³ «Олег Ефремов. Альбом воспоминаний». Проект Л. Боговой. М., «Театралис», 2007, стр. 40.

физическая усталость не снижала градуса увлечённости. У людей, вступивших в сознательную жизнь после войны, социальные перемены впрямую и резко вмешивались в личную жизнь и творили в ней свой переворот.

Мощным вдохновителем работы оставался Олег Ефремов. Его убеждённая действовала на всех, разговоры, каким должен быть современный театр, как говорить со сцены о том, что болит у всех, болит от радостей и печалей жизни, равнодушных не оставляли. Он будоражил, направлял, поднимал, дирижировал всеми помыслами, он объединял их, студентов и молодых актёров, таких разных и непохожих. О Ефремове говорили, что в театре он работает как «садовник в жизни» и на сцену «он выходит как есть, во всём оружии своей человеческой естественности», «выходит без грима – Ефремов как Ефремов». В том, что он делал на сцене, была неизменная верность принципам Станиславского, когда главное в искусстве – человек, судьба, его внутренний мир и соотношение этого единичного мира с миром большим, каждого человека с окружающим...»¹⁴

Ефремова сдвинуть с этой убеждённости было невозможно. Как невозможно было поколебать отношения к жизни как некоего ответственного дела, которое ты должен привносить в свою работу. Сегодня невозможно представить, что кто-то из молодых режиссёров усомнится в своих знаниях реальной жизни. Все просто убеждены, что их знание – истина в последней инстанции. А Ефремов – сомневался! И сомнения разрешал азартно, как и всё в жизни. Ощущал, что не хватает жизненного опыта, понимания того, что творится вне стен театра, и он вместе с другом Геннадием Печниковым, организовав агитбригаду из двух человек, взяли путёвку в Клубе туристов и отправились вниз по Волге. Скажете, что тогда ещё жива была философия босяцких рассказов Горького? И это было, но не только. Ему всю жизнь был интересен зритель, который приходил в театр, ни фанаберии, ни снисхождения от него никогда не исходило. Он так и говорил актёрам: зритель имеет право не понять театр, а театр не знать, чем живёт зритель, права не имеет. О том путешествии можно написать целый роман. Многие увидели они своими глазами: и как заключённые строили Волго-Дон, и как маются колхозники без паспортов, по сути дела, оставаясь бесправными. Позже на одной из встреч он признаётся: «Не будь этого путешествия, не было бы и «Современника».

Удивительная личность в своём стремлении к переустройству и совершенствованию театра в формах очень простых и ясных. Трудно представить в его устах слова, что «театр для него – это средство к существованию», о чём, не стыдясь, с экрана признаётся нынешний режиссёр. Для Ефремова театр был всегда образом мысли и существования, дыханием, наконец, местом утверждения гражданской позиции, ценностей жизни. Всем известно, что этика – необходимое условие в работе по системе Станиславского. Момент, когда в театре возникает содружество, проанализировать конкретно трудно, почему это случилось именно здесь и именно с этими людьми. Ясно одно: важно найти для содружества людей, в которых кроме профессиональных навыков присутствуют человеческие нормы поведения, обязательства перед окружающими, стимулы сделать добро, защитить слабого. Известный критик Майя Туровская верно заметила, что отечественное искусство наше «всегда чуждалось эстетики помимо этики».

¹⁴ Н. Крымова. Имена. Избранное в 3-х томах. Том 3. Имена. О. Ефремов. М., Трилистник.

Понимая театр как сложный организм коллективного творчества, Ефремов брал на себя львиную долю ответственности. Поэтому и пошли за ним люди, среди которых был и Табаков. Он придумал и создал театр, с которого начался отсчёт нового театрального времени. Сын XX съезда, вобравший всё лучшее в историческом событии, поверивший в это лучшее, всю жизнь стремился реализовать главные уроки этого события в действительности. Он верил, что выплывшие крохотные островки правды – и есть возвращение к истокам русской цивилизации и русской культуры, и убеждённо начал возвращать в театр суть этой русской культуры – живую, взаправдашнюю жизнь, которая текла за окном и звучала на улице.

Лев Додин, вспоминая Ефремова, спустя десятилетия скажет: «Шок, который мы, молодые люди, испытали в «Современнике», сегодня передать молодым поколениям невозможно, потому что это несравнимо ни с какими правдами сексуальных отношений и матерным нецензурным языком на сегодняшней сцене. На сцене рождалась цельная, воспринятая во всей полноте мироощущения и в разнообразии природы чувств, современная противоречивая и объёмная стихия живой жизни»¹⁵.

Премьера спектакля «Вечно живые», состоявшаяся 15 апреля 1956 года, имела невероятный успех (студент четвёртого курса Школы-студии Олег Табаков дебютировал в этом спектакле 8 апреля 1957 года). После окончания спектакля зрители не захотели расходиться, разговор с молодыми артистами длился всю ночь, вплоть до открытия метро. Табаков вспоминает: *«утомлённые, но счастливые, мы шли по ранним улицам Москвы к только что начинающим позвякивать трамваям. Помню эту раннюю, утреннюю Москву, полную тайной свежести»*.

Столь удачное начало стало предвестником официального создания театра. Через два года, в 1958, вышло Постановление о создании театра «Современник». Это был первый новый театр, рождённый свободным творческим объединением группы единомышленников и получивший официальный государственный статус. Основателями театра, зарождение которого стало возможным благодаря веяниям «оттепели», были семеро выпускников Школы-студии МХАТ разных лет: Олег Ефремов, Галина Волчек, Игорь Кваша, Лидия Толмачёва, Евгений Евстигнеев, Олег Табаков и Виктор Сергачёв. Работы коллектива сразу влились в театральную жизнь Москвы, противопоставив своё творчество многим безжизненным театральным формам. Едва возникнув, «Современник» стал своеобразным «магнитом» для москвичей. Молодые актёры, задорные, мыслящие, ставили перед собой цель восстановить в собственной практике образ старого мхатовского дома, его художественно-этические идеалы. И в те времена «Современник» заслуженно считался самым прогрессивным и умным в Москве театром. Чтобы купить билеты на его спектакли, люди занимали очередь в кассу накануне вечером. Табаков был распределён в Театр Станиславского, которым руководил Михаил Яншин, и должен был играть князя Мышкина, а его однокурсник Урбанский – Рогожина. Но он не пошёл туда играть Мышкина, а пошёл играть Мишу, студента, в организацию, которая называлась «Студия молодых актёров», – претеча «Современника».

Спустя годы «Современник» будет путаться: от какого дня считать своё начало – с первых репетиций (они начались в 1955-м), или ещё раньше, со сговора об идее дела, или со спектаклей, игравшихся втихаря, или

¹⁵ «Олег Ефремов. Альбом воспоминаний». Проект Л. Боговой. М., «Театралис». 2007, с. 161.

с момента, когда дитя узаконили, дали подтверждающий это документ с адресом прописки.

Табакова тут имели в виду с начала дела, с какой бы точки ни вести отсчёт. А кому как не ему, человеку яркому, открытому, озорному, трудиться в театре, который с первых своих шагов искал новые человеческие интонации, строил и утверждал новые принципы общения со зрителем. Ставя дипломный спектакль «Фабричная девчонка» по пьесе Александра Володина на курсе Олега Табакова, Ефремов сразу на него обратил внимание. И признался Лилии Толмачёвой: «Парень способен стать застрельщиком в наших делах».

Так, 25 августа 1957 года Олег Табаков официально был принят в труппу Студии молодых актёров с окладом в 690 рублей. Реформа, которая пройдёт в 1961 году, ноль уберёт из назначенной суммы. Помимо этого Олег Николаевич поручил ему заниматься административными вопросами, начиная с получения московской прописки для Евгения Евстигнеева, заканчивая оформлением деловых взаимоотношений с Художественным театром, через бухгалтерскую систему которого студийцам выплачивалось денежное вознаграждение. Дело в том, что Студия молодых актёров в течение года была подразделением Художественного театра, и молодёжи два раза в неделю давали играть на сцене его филиала, где сейчас Театр Наций. Но через год партбюро МХАТа вынесло постановление, что благородно даёт молодёжи полную свободу. На практике это означало, что вчерашних студентов лишают сцены. Старшее поколение мхатовских «первачей» увидело в студии Ефремова опасных «гробокопателей». Это была одна из самых трагических ошибок театра. Спустя двадцать лет, в восьмидесятом году, думая, что совершает благородное дело, ведь все осознают, что театру необходимо обновление, Табаков привёл в «Современник» целый курс своих выпускников. История повторилась. Театр отверг предложение, и здесь коллеги актёра в молодёжи увидели конкурентов. И уже в середине 80-х, когда сэр Лоуренс Оливье водил Табакова по своему театру в Лондоне, мимо них по коридору прошла троица молодых англичан-актёров. Они разговаривали между собой и не обратили внимания на живую легенду. Как-то обтекли двух известных актёров и пошли дальше. А Лоуренс сказал: «Вот, Олег, это мои гробокопатели...» Формулировка Табакову очень понравилась, потому что она жёстко соответствовала жизненному содержанию. Грустная правда, которая есть в истории любого театрального коллектива, что никогда не останавливало стремление и движение к новизне самого Табакова. Вероятно, слишком заразителен был опыт сотрудничества с великими учителями.

Административные обязанности, возложенные на вчерашнего выпускника, последнему были неведомы. Опыт деятельности на этом поле творчества был неоценим и, бесспорно, сыграет свою роль на пути становления успешного руководителя, театрального деятеля, продюсера Олега Табакова. Инна Натановна Соловьёва вспоминала в юбилейном издании: «Помню его – белокурого, тоненького-тоненького, изящного, с польским акцентом не в речи, но в красоте – со дней «Современника», помню с тяжёлым некрасивым портфелем. Таскал в нём все деловые бумаги «Современника», таскал всюду с собою. Очевидно, в театре ещё не было конторы, кабинета дирекции». Судьба распорядилась верно, поручив ему его тяжёлый некрасивый портфель (он же и личный табакровский крест – как известно, каждому подобран индивидуально). Чародей Табаков был рождён ещё и хозяином дела».

ОНИ УХОДЯТ, УХОДЯТ, УХОДЯТ...

*Покуда в океан стремятся реки
И новый день рождается в дыму,
И в прошлом, и сегодня, и вовеки
Никто нигде не равен никому.*

Александр Городницкий

Николай Губенко

Олег Табаков

Владимир Этуш

Николай Караченцов

Василий Лановой

Владимир Андреев

Галина Волчек

Олег Янковский

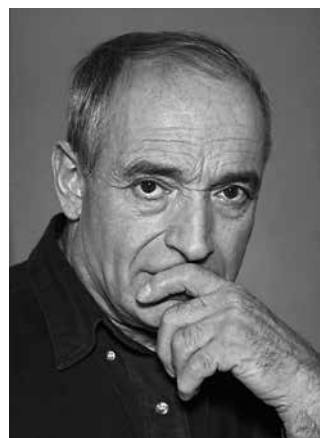
Элина Быстрицкая

Андрей Мягков и Алла Покровская

Роман Карцев

Валентин Гафт

Павел Луспекаев

Михаил Козаков

А в те далёкие годы многие замечали, что в этом юном даровании есть нечто такое, что отличало его от окружающих. Прежде всего, открытость, контактность, умение договариваться с людьми всех уровней на иерархической лестнице. Впоследствии помогало то, что он сам называл «моё пробивное кинолицо». Спустя десятилетия Олег Ефремов скажет: «Хорошо помню его молодым. Вокруг него сразу возникало некое поле улыбки, звучал смех, а то и хохот. Он был любимцем. Его искромётный юмор заставлял на то или иное событие смотреть совсем другими глазами, как-то легко и свободно вздохнуть. Он вносил в нашу жизнь уверенность, какое-то удивительно светлое и радостное начало»¹⁶.

Начало, откуда придёт успех...

Однажды спросила Инну Натановну Соловьёву: «Много артистов, ровесников Табакова, тоже народных СССР, тоже талантливых, но в их творческой судьбе нет ролей, ставших историей русского театра. У Табакова есть. Это Олег Савин, Александр Адуев, Обломов... По этим работам студентам можно объяснить, что такое артист русского психологического театра?» Ответ любопытный: «Останься Табаков в стенах МХАТ, где ставили В. Станицын, М. Кедров, судьба была бы другой. В отличие от многих талантливых сверстников, он постигал профессию в спектаклях Олега Ефремова в содружестве с А. Эфросом, М. Швейцером, людей новых идей, другого времени, иных ритмов, поэтому и творческая жизнь Олега Табакова сложилась совсем иначе».

Продолжение следует.

¹⁶ О. Ефремов «Движение». «Советская культура», 17 августа 1985 года.

**Анна
МОРКОВИНА**

ТЕАТРАЛЬНЫЕ МУЗЕИ: ОСОБАЯ МИССИЯ В КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ

С 18 по 20 мая 2021 года на базе Саратовского театра юного зрителя имени Ю. П. Киселёва состоялся IX Всероссийский семинар «Театральный музей в пространстве современной культуры». Его куратор, заведующий архивно-выставочной частью театра Александр Евгеньевич Экгарт сообщил, что в настоящее время решается вопрос об объединении музеев при театрах городов России и стран ближнего зарубежья в единую ассоциацию.

– Семинары для театральных специалистов стали проводиться по инициативе директора Бахрушинского музея Дмитрия Викторовича Родионова, – объяснил А. Е. Экгарт, – с целью заявить государству о существовании притеатральных музеев. Такие учреждения существуют исключительно на добровольной основе, в них работают энтузиасты.

Музеи при театрах имеют прямое отношение к культурному наследию нашей страны. Мы должны являть народу уникальные театральные коллекции, хранящиеся в архивах различных театров.

Для нас это прежде всего вещи, мебель, книги выдающегося режиссёра Юрия Петровича Киселёва, переданные нам его покойной женой Еленой Александровной Росс и дочерью Марией Киселёвой. Это документы замечательного композитора Евгения Павловича Каменогородского, актёра Павла Дмитриевича Ткачёва и Лидии Кузьминичны Колесниковой и многих других. С их помощью мы можем заглянуть в 30–40-е годы прошлого века.

В последнее время к нам обращаются представители других театров – оперы и балета, «Теремка» – именно потому, что наши документы сохранились лучше. Кроме того, нам и присылают из других городов дополнительные сведения о тех или иных актёрах, за что мы очень благодарны корреспондентам. Так, из Кировской области мы получили интересные сведения о семье артиста Александра Ивановича Щёголева, учившегося у Ю. П. Киселёва в первой студии, а затем служившего на сцене ТЮЗа; в послевоенные годы Щёголев отправился «поднимать» театральное искусство на Крайний Север.

В Саратове семинар проводился при поддержке министерства культуры. На наш семинар приезжали примерно 35 участни-

ков из разных регионов: Астрахани, Волгограда, Нижнего Новгорода, Перми и других городов. Москву представили музеи МХАТа, Театра С. В. Образцова, Центрального театра Красной Армии. А также присутствовали коллеги из Республики Татарстан, из Башкортостана.

К середине мая на портале «Лица губернии» появилась информация о названном нами семинаре. В его программе: научно-практическая конференция «Музей и театр: живая история», давно ставшая открытой научной и дискуссионной площадкой для обсуждения широкого круга вопросов, связанных с историей и современными тенденциями развития музеев театров, с сохранением театрального наследия Саратовского края, с презентациями региональных театральных музеев /архивов на национальном портале «Театральные музеи и архивы России и русского зарубежья»; в программе также знакомство с новыми формами работы музея со зрителем, с просмотром спектакля «Цветок для Ниночки» В. Кондратьева в музейном пространстве Саратовского академического театра юного зрителя им. Ю. П. Киселёва (постановка Татьяны Чупиковой). В программу были включены пешеходная экскурсия по театральным местам Саратова, практические занятия в государственных музеях нашего города.

В мероприятиях семинара самое активное участие принял избранный в текущем году на пост председателя Саратовского регионального отделения Союза театральных деятелей России Александр Александрович Удалов, долгое время занимавший должность директора областного театра кукол «Теремок».

Семинар театральных (притеатральных) музеев в Саратове – событие яркое, неординарное. И, конечно, чрезвычайно важное для города с таким весомым вкладом в сценическое искусство России и в мировую культуру в целом. Без сомнения, все участники приобрели бесценный опыт работы с архивными документами, проливающим свет на театральные коллективы, талантливых артистов и режиссёров.

*Саратовский академический театр юного зрителя
им. Ю. П. Киселёва*

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и печати Саратовской области, Саратовское региональное
отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».

Директор – В. В. Степанов.

Редакция:

Главный редактор – Е. С. Данилова.

Дизайн и вёрстка – Л. В. Баранова.

Корректор – Е. Н. Березина.

Художник – Ю. М. Наместников.

Подписано в печать 16 июня 2021 года.

Дата выхода в свет 30 июня 2021 года.

Журнал отпечатан в ООО «Амирит».

Адрес типографии: г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Заказ № 41/16061

Цена свободная.

Почтовый адрес: 410056, г. Саратов, а/я 3535.

Адрес издателя: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Тел. (факс): (845-2) 72-10-06.

E-mail: lizamart@yandex.ru

Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс: П4923

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.

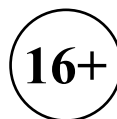
Бумага типографская. Печать цифровая.

Тираж 100 экз.

© ГАУ СМИ СО «Регион 64», 2021.

© «Волга–XXI век», 2021.

**СЦЕНЫ ИЗ СПЕКТАКЛЕЙ САРАТОВСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО
ТЕАТРА ДРАМЫ ИМ. И. А. СЛОНОВА**

«Восемь любящих женщин»
(Художник Юрий Наместников)

«Кабала святош»
(Художник Юрий Наместников)

«Я – ЗА ТЕАТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ, ЧЕСТНЫЙ И ТАЛАНТЛИВЫЙ»

«Страницы»
Художник Юрий Наместников

